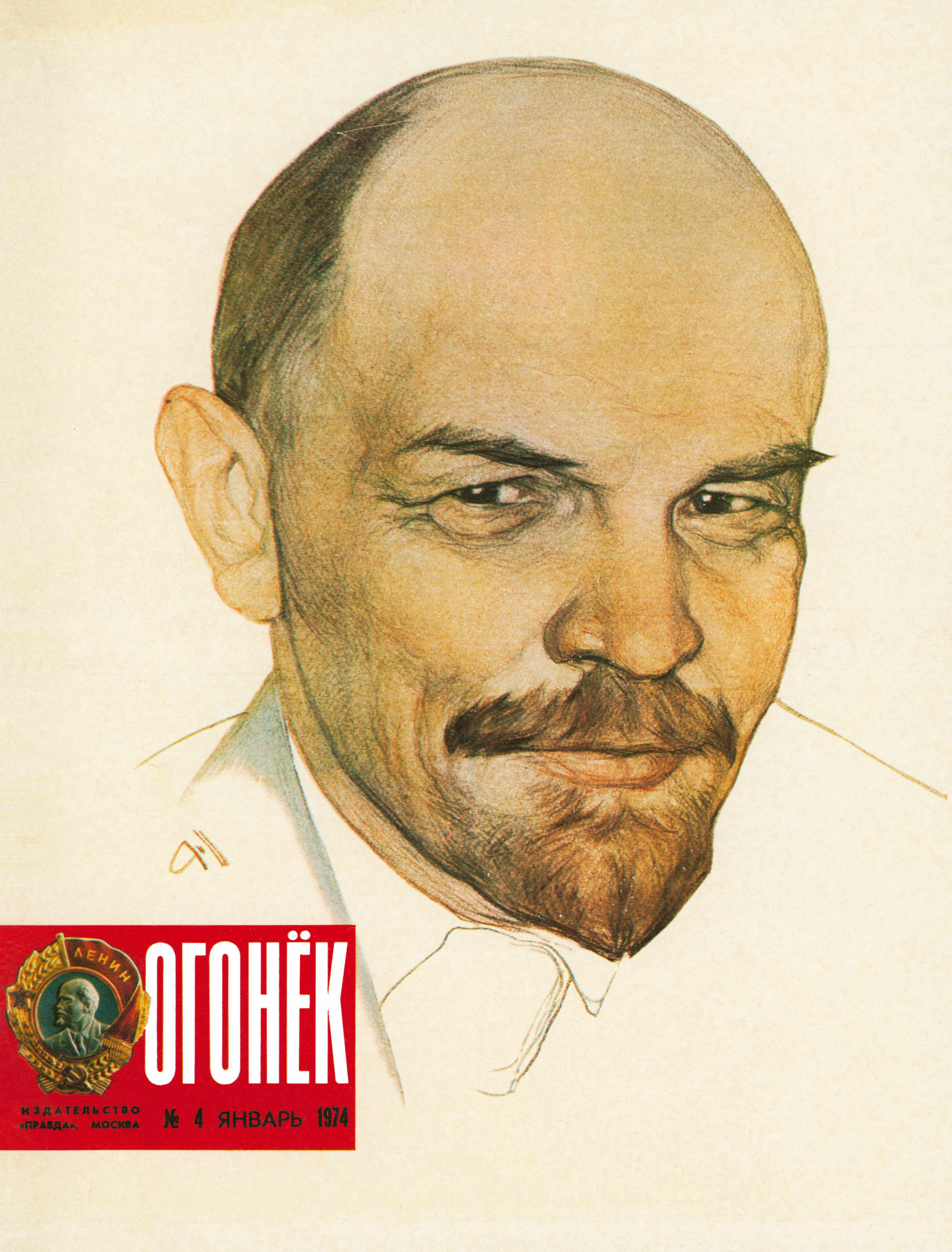

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 4 ЯНВАРЬ 1974

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕНИН

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 4 (2429)

19 ЯНВАРЯ 1974

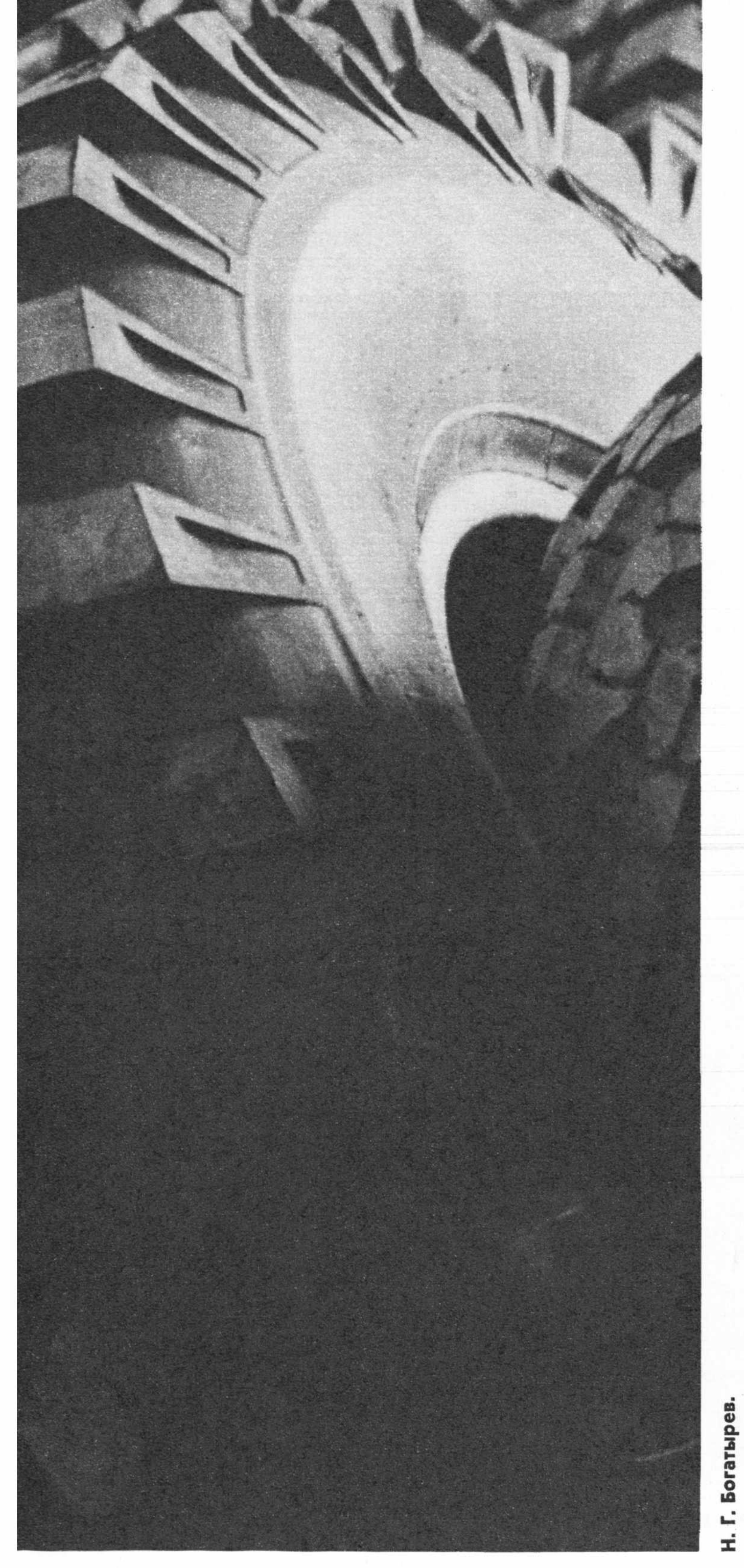
Вечно будет ленинское сердце
клокотать
у революции в груди.

Вл. Маяковский

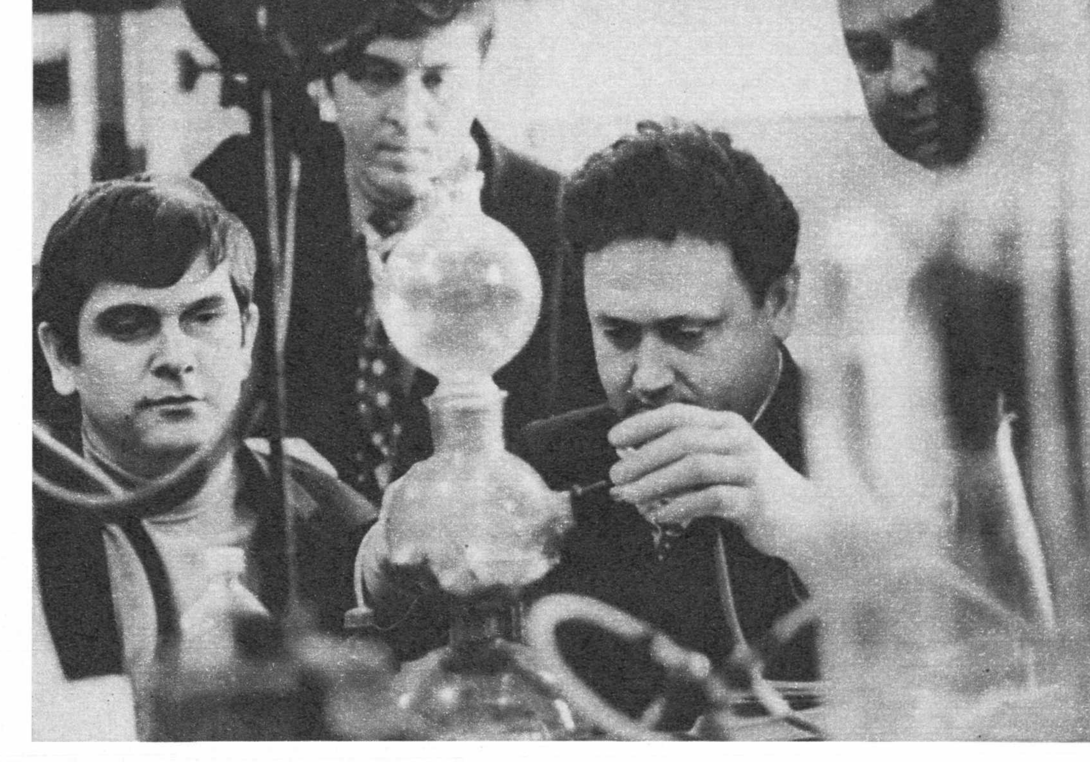
ЗВЕЗДНЫЙ ДЕНЬ БОГАТЫРЕВА

«Дать продукции больше, лучшего качества, с меньшими затратами».

Из постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «О Всесоюзном социалистическом соревновании работников промышленности, строительства и транспорта за досрочное выполнение народнохозяйственного плана на 1974 год».



Н. Г. Богатырев.



На лабораторных занятиях в университете.

Воскресным днем.

Б. СОПЕЛЬНЯК, фото Э. ЭТТИНГЕРА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Утром в квартире Николая Богатырева раздался телефонный звонок. Секретарь парткома Василий Константинович Горлунов сказал, что на заводе ожидается важное событие и Николай в любой момент может понадобиться. Поэтому, если он будет уходить из дома, пусть сообщит, куда именно. Богатырев ответил, что никуда не собирается и готовит «органику»,— послезавтра в университете зачет. Положил трубку и вдруг вспомнил: через полчаса у Сережки утренник. Быстро оделся, прикрепил к лацкану орден Ленина и, позабыв предупредить партком, побежал в школу.

А на заводе полным ходом шла подготовка к митингу. И когда все было готово, секретарь парткома снова позвонил Богатыреву. Никого. Длинные гудки. Он снова и снова набирал номер — никто не подходил. «Что-то с телефоном»,— решил Горлунов и послал курьера.

Когда курьер вернулся без Богатырева, Василий Константинович забеспокоился: на митинг уже собираются сотни рабочих, а виновника торжества нет! Но тут распахнулась дверь, и на пороге возник Богатырев.

Он еще ничего не знал и поэтому был совершенно спокоен, а разволновался только тогда, когда начали зачитывать письмо Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, адресованное ему, Николаю Богатыреву.

«Уважаемый Николай Григорьевич!

Сердечно поздравляю Вас с замечательным трудовым подвигом — досрочным выполнением пятилетнего задания. Очень ценно, что высокие результаты в повышении производительности труда достигнуты Вами благодаря разработке и применению более совершенных способов сборки покрышек и рациональных приемов труда...

Ваш труд, Николай Григорьевич, представляет собой замечательный образец рабочей доблести, новаторского отношения к своим обязанностям, пример настойчивой борьбы за осуществление решений XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза...

Желаю Вам, Николай Григорьевич, крепкого здоровья, личного счастья, успешного выполнения взятого Вами нового социалистического обязательства — выполнить до конца 1975 года еще одно пятилетнее задание».

Вслед за этим был оглашен Указ Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении звания Героя Социалистического Труда тов. Богатыреву Н. Г.».

В ЕДИНОМ СТРОЮ — К НОВЫМ

Телефото Н. Спивака («Советская Молдавия»).

...Мы встретились с Николаем Григорьевичем через несколько дней после торжественного митинга.

— Радостные волнения моего звездного дня позади,— рассказывал он по дороге на завод.— Теперь надо работать еще лучше — я взял очень высокие обязательства. На днях отправил Леониду Ильичу Брежневу письмо, в котором благодарю за теплые поздравления и обещаю выполнить свою вторую пятилетку не к концу 1975 года, а к пятьдесят восьмой годовщине Октября. Это значит, что каждый день я должен давать четыре нормы...

Вот и проходная Воронежского ордена Ленина шинного завода. Двадцать три года назад здесь была сделана первая покрышка, а сейчас на этих шинах «бегают» «БелАЗы» и «КРАЗы», автобусы и троллейбусы, «ЗИЛы» и «газики», «Жигули» и «Запорожцы», скреперы и грейдеры, тракторы «Беларусь» и самоходные комбайны «Нива» и «Колос», культиваторы и сеялки, мотоциклы, мотороллеры и велосипеды; здесь выпускаются шины тридцати семи размеров, причем двадцать пять собственной конструкции. Есть шины-гиганты диаметром в два с половиной метра, способные выдержать нагрузку в 20 тонн, и есть совсем маленькие — для гоночных автомобилей-картингов.

— Нас, шинников, называют обувщиками,— улыбается Николай Григорьевич.— Что ж, сравнение правомерное. Если разобраться, наша продукция не что иное, как «обувь» для машин. И от ее качества многое зависит. Видели, наверное, как совершенно исправный автомобиль буксует в раскисшем болоте? А стоит надеть шины с регулируемым давлением, и он легко пройдет и по болоту, и по песку, и по снегу. Наверняка знакома вам и такая картина: взмокший шофер меняет проколотую гвоздем покрышку. Будь у него другая, способная выдержать более десяти проколов и не выпустить при этом воздух, ехал бы он спокойно хоть по битому стеклу. И ведь есть машины, которым на роду написано работать в труднейших условиях. Познакомился я как-то с шофером из Якутии. Он работает на сорокатонном «БелАЗе», вывозит кимберлитовую руду из карьеров Айхала. Мороз под шестьдесят, дорога щетинится острыми камнями, крутизна такая, что капот в небо упирается, но колеса уверенно идут по краю пропасти. Лопни хотя бы одна из шин — беда. Но этого не бывает и быть не может: ни гвоздей, ни камней эта резина не боится. Когда же этот шофер мне рассказал, что уже три года ездит на шинах под номером 101, я очень обрадовался: ведь это же мой личный номер, он хорошо виден на боковине покрышки...

Цех большегрузных шин, где работает Н. Г. Богатырев, словно завод в заводе — настолько он велик. Покрышки, которые делает Николай

ПОБЕДАМ

Кишинев. 9 января.

Вручение Молдавской ССР ордена Дружбы народов.

СПАСИБО ЗА ЩЕДРОСТЬ И ДРУЖБУ

Я. С. ГРОСУЛ,
член-корреспондент Академии наук СССР,
президент Академии наук Молдавской ССР

Небесная синь и удивительно яркое солнце. Это Молдавия. Кажется невероятным, что на этой благодатной земле люди могли голодать, нищенствовать, жить в беспросветной нужде. Когда-то буржуазные социологи предрекали горькую участь многим молдавским селам. Сохранились документы, в которых Копанка, Нишканы и другие назывались поселениями, не имеющими будущего. Но возьмем ту же Копанку сегодня. Здесь крупный колхоз, получающий миллионные доходы. Великолепный Дом культуры, библиотека, пекарня, комбинат бытового обслуживания, универмаг. В любом доме просторные, светлые комнаты, современная мебель, радио, электричество, газ...

Копанка — типичное молдавское село. В ее судьбе отражается суть важнейших социальных перемен, которые принесли в наш древний край великие идеи Октября.

...Я думал об этом, направляясь к зданию театра, где мне, как и многим моим землякам, предстояло стать свидетелем исторического акта — вручения республике ордена Дружбы народов.

Был ясный день. Плескались на ветру флаги и транспаранты. Праздничная и торжественная атмосфера царила в зале театра, где происходило совместное торжественное заседание ЦК Компартии Молдавии и Верховного Совета республики.

Член Политбюро ЦК КПСС, председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС А. Я. Пельше от имени Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства горячо поздравил собравшихся, всех трудящихся Молдавии с высокой наградой.

А. Я. Пельше сказал:

Сердечное поздравление просил передать вам Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. Тепло вспоминая годы работы в Молдавии, Леонид Ильич разделяет чувства радости и гордости, которые испытывает сегодня молдавский народ.

Под горячие аплодисменты А. Я. Пельше прикрепил орден Дружбы народов к знамени республики.

В ответной речи первый секретарь ЦК Компартии Молдавии И. И. Бодюл сказал:

Обращаясь ко всем народам-братьям, трудящиеся Молдавии с чувством глубокого уважения и благодарности говорят: сердечное спасибо вам за великодушие и щедрость, за дружбу, за счастье нынешнего и грядущих поколений!..

Братская дружба. Наш народ на собственной судьбе познал ей цену. Именно благодаря этой дружбе республика, имевшая ранее ничтожно малый промышленный потенциал, отсталое сельское хозяйство, добилась огромных успехов.

А необычайный расцвет науки Молдавии! Это ведь тоже плоды братской дружбы, бескорыстной взаимопомощи всех союзных республик. Ученые России, Украины, Белоруссии способствовали созданию Молдавской Академии наук, вузов, многочисленных исследовательских учреждений, где сегодня ведутся изыскания по самым актуальным проблемам.

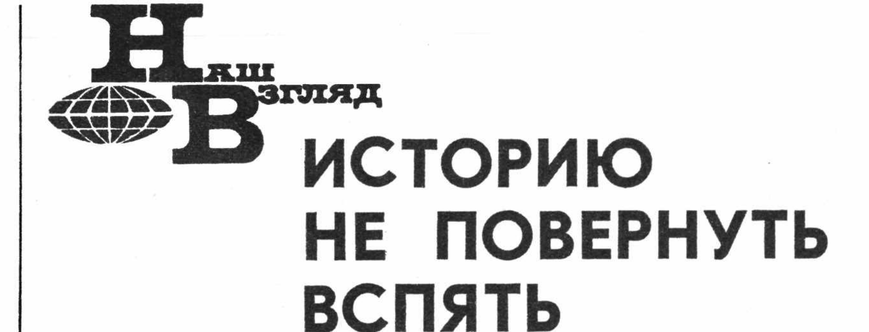
С небывалым энтузиазмом трудится сегодня молдавский народ. Во всех своих помыслах и делах он чувствует надежную поддержку и щедрую помощь народов-братьев.

Григорьевич, весят от двухсот до тысячи ста килограммов. Обычно станок обслуживают два человека, и их норма — две покрышки в смену. А Богатырев работает один, а дает восемь! И вот что удивительно: никаких «секретов» в его работе нет. Все просто, понятно и доступно каждому рабочему. Правда, надо так организовать рабочее место, чтобы не делать ни одного лишнего движения, так отладить станок, чтобы его не «заедало» во время работы, и безукоризненно выполнять все операции.

Стоят рядом два одинаковых станка. За одним — Богатырев, за другим, как и положено, двое сборщиков. Собирается шина, состоящая из десяти браслетов. Первый браслет Николай Григорьевич надевает на тридцать секунд медленнее, чем его коллеги. Второй — на сорок секунд быстрее, третий — на пятьдесят пять. На пятом он выиграл 112 секунд, на седьмом — 168, на девятом — 233 секунды! В итоге покрышка собрана почти в два раза быстрее.

Богатырев, конечно, устал, но это была та хорошая, здоровая усталость, без которой, наверное, не может быть удовлетворения своим трудом.

А потом он мыл руки. Большие, крепкие. Руки рабочего человека. Завтра — новый трудовой день...



ИСТОРИЮ НЕ ПОВЕРНУТЬ ВСПЯТЬ

Олег ИГНАТЬЕВ

Передо мной лежат телеграммы различных информационных агентств, полученные из стран Латинской Америки за минувшие дни после наступления нового года. Калейдоскоп сообщений, из которых складывается мозаичная панорама политического, экономического и социального процесса в латиноамериканских государствах.

Чилийская хунта, сообщает аргентинская газета «Нотисиас», объявила о «новом повышении цен. На молоко цены увеличены на 100 процентов, квартирная плата — на 650 процентов».

Корреспондент Ассошиэйтед Пресс пишет из Уругвая: «В 1973 году стоимость жизни здесь возросла приблизительно на 80 процентов, а по сравнению с 1968 годом на 1 013 процентов».

Телеграмма из Венесуэлы: «Правительство страны решило установить государственный контроль над двумя нефтепромыслами, принадлежавшими американской компании «Креол петролеум».

Информация из Перу: «Крупнейшая из действующих в стране иностранных горнодобывающих компаний — американская «Серро де Паско» переходит в собственность перуанского государства».

Еще одна телеграмма: «В Чили объявлено о возврате бывшим владельцам еще 16 предприятий, национализированных правительством Народного единства».

Безусловно, если рассматривать глобально события в этой части земного шара за минувший год (а процитированные январские телеграммы являются следствием или логическим продолжением событий минувшего года), то промежуточный баланс для прогрессивных сил выглядит отрицательным в связи с захватом власти в Чили фашистской хунтой и беспримерной в истории Латинской Америки трагедией, переживаемой народом этой страны. Но здесь уместно привести одну цитату из выступления Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на Всемирном конгрессе миролюбивых сил в Москве: «Нет на земле силы, которая могла бы повернуть вспять неумолимый процесс обновления общественной жизни. Там, где есть колониализм, будет борьба за национальное освобождение. Там, где есть эксплуатация, будет борьба за освобождение труда. Там, где есть агрессия, там будет и отпор ей».

У власти в Чили пока еще держится фашистская хунта, но в этой стране идет необратимый процесс консолидации патриотических сил, поддерживаемых мировой прогрессивной общественностью. Повсеместно растет сопротивление чилийцев фашистской банде.

Главарь чилийской военной хунты Пиночет и его подручные, являясь ставленниками местной олигархии и международных, в первую очередь североамериканских, монополий, в пожарном порядке уничтожают завоевания трудящихся, одержанные за три года власти Народного единства: передают прежним владельцам национализированные предприятия, запрещают все массовые организации, уничтожают и бросают в концлагеря тысячи лучших людей страны. Но бандиты бессильны в одном — они никогда не смогут вытравить из сознания миллионов чилийцев память о тех трех годах народной власти, когда страна шла по пути социального прогресса. Пути сложному, трудному, как бывает сложен и труден любой процесс обновления. Вот почему мир верит, что придет неизбежно время, когда народ Чили победит мрак и снова зажжет над страной зарю свободы.

Вне сомнений, свержение законной власти в Чили активизировало действия реакции в других латиноамериканских странах: началось широкое наступление на завоевания трудящихся в Уругвае, правые элементы в Перу умножили свои нападки на политику правительства, опять зашевелились антинародные силы в Аргентине. Этот перечень можно было бы продолжить.

Но очевидно и другое: процессы обновления не остановлены в Латинской Америке. Они продолжают идти различными путями, преодолевая препятствия разной степени трудности. Однако, несмотря ни на что, движение вперед налицо.

Примеров тому много. И неизменный курс перуанских властей в защиту национальных интересов, и последовательная линия венесуэльского правительства по отношению к иностранным нефтяным компаниям в стране, и действия панамских представителей в очень трудных переговорах с Соединенными Штатами по вопросу о зоне Панамского канала...

Будущее за теми, кто действует в соответствии с интересами народа. Будущее за теми, кто выражает волю и чаяния народа. И нет силы на Земле, которая могла бы повернуть вспять неумолимый процесс обновления общественной жизни в Латинской Америке и на всей нашей планете.

В Латинской Америке светит маяк Свободы — революционная Куба, которая от года к году набирает силы и, идя по социалистическому пути развития, добивается расцвета во всех областях жизни. Крепнут узы братства и дружбы Острова Свободы с Советским Союзом. Яркой демонстрацией этого явится предстоящий визит на Кубу Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

В дни работы XXIV съезда КПСС.

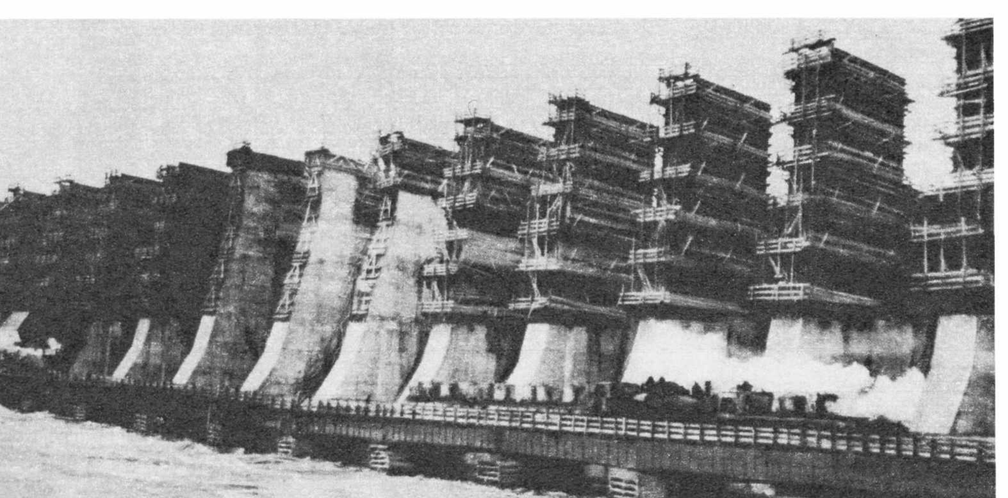
БЕССМЕРТ

О. КУПРИН

На Москву падал снег. Его пушистые хлопья, как крошечные парашютисты, медленно опускались на землю, на голые ветви деревьев, на серебристые лапы елок. Снег был мягким, он не царапал лицо, не скрипел под ногами, как тогда, в те злые морозные дни и ночи полвека назад.

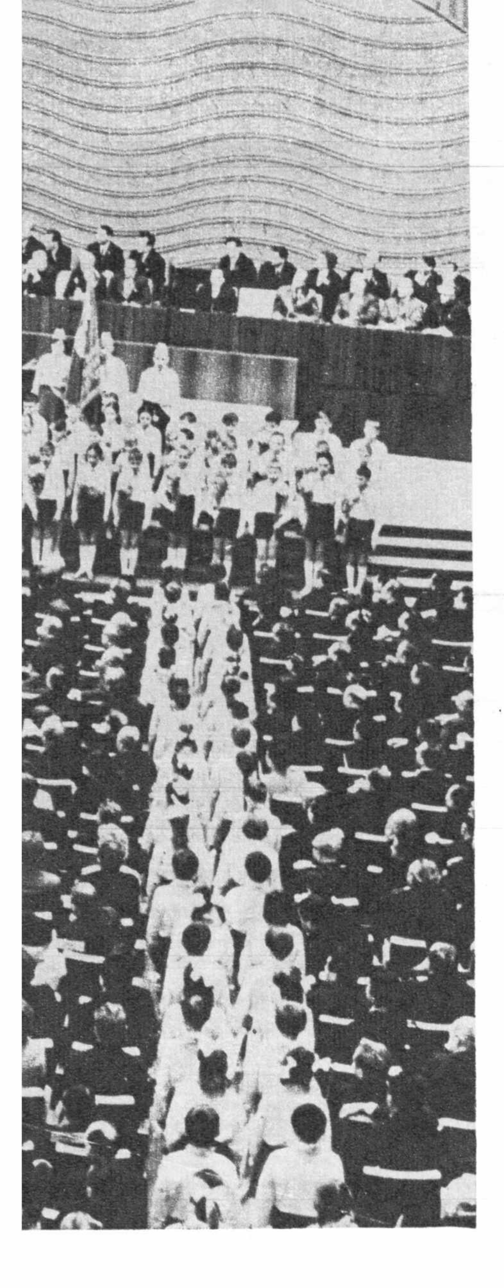
...Длинная вереница людей резкой линией прочертила заснеженный Александровский сад, Кремлевский проезд, Красную площадь. Миллионы и миллионы людей уже полвека ходят этим маршрутом. День будничный. По Александровскому саду идут в основном приезжие — из разных городов и сел страны, из разных стран. Они первый раз сошлись вместе, чтобы пройти этот маршрут, и, может, никогда больше не встретятся. Но эти час-полтора они проживут одинаково — шагая по мягкому московскому снегу к Мавзолею.

...Я видел фотографии полувековой давности. Знамена с траурными лентами. Плачущие женщины. Скорбные лица мужчин. Люди, придавленные чудовищным горем. Москва, страна, планета, за-



Рождение Днепрогэса имени Ленина.

На строительстве первой линии Московского метрополитена имени Ленина.



ИЕ

хваченные врасплох одним чувством — чувством скорби.

Прошло полвека. Какими мы сегодня приходим к Мавзолею? Какие чувства несем сюда, с какими уходим отсюда?

Я становлюсь в самый конец очереди. Прислушиваюсь, о чем говорят люди. Они пока в своих житейских заботах. Но вот уже показалось пламя, мечущееся над мраморными плитами могилы Неизвестного солдата. Я не раз шагал этой дорогой и знаю, что у первого мраморного прямоугольника, на котором высечено «Брестская крепость», стихнут будничные разговоры, и мысли начнут укрупняться, и где-то в глубине души начнет выкристаллизовываться что-то общее и важное для всех.

Желтые языки пламени. Неповторимые и вечные. Цветы на мраморе засыпаны снегом. Венки из живых цветов — тоже в снегу. Видна красная лента с золотыми буквами «Гвинея-Бисау».

— От самого молодого государства мира — нашему солдату,— говорит кто-то.

— Где она, Гвинея?

— В Африке, южнее Сахары.

— Ох, далеко... А солдатика нашего знают. Они и снег-то, поди, первый раз увидели... Цветы ему принесли.

— Не плачь. Не надо здесь.

— Так и не знают, кто тут лежит?

— Нет. Неизвестный.

Неизвестный! К нему тоже приходит вся планета, потому что он олицетворяет те миллионы советских солдат, которые погибли, спасая человечество от фашизма.

Мы выходим из ворот Александровского сада и мимо Исторического музея медленно движемся к Красной площади. Стихают разговоры.

Рядом со мной — высокий седой старик. Ему явно за восемьдесят. Он плохо слышит даже со слуховым аппаратом. Когда спрашивает меня о чем-то, я только киваю — дескать, да или нет. Уже на Красной площади он наклоняется ко мне и шепчет:

— Фрунзе тоже похоронен у стены?

Я утвердительно киваю. Что-то в моем безмолвном ответе его не устраивает. Он расстегивает старенькое пальто и к самым моим губам подносит плоскую металлическую коробочку, проводок от которой идет к наушнику.

— Скажите. Я услышу.

— Да,— отвечаю.— Он тоже там.

Когда старик снова распахивает пальто, чтобы положить слуховой аппарат в карман, на лацкане его черного пиджака я вижу орден Красного Знамени.

Бессмертие историческое оставляет в памяти все сколько-нибудь значительные события, радостные и трагические, без которых не было бы самой истории. Она педантично заносит на свои страницы все падения и взлеты человечества. Но не всему, на чем остановит история взор, суждено бессмертие.

Когда-то очень давно спорили два человека — Ленин и социолог Михайловский. Историю делает, рассуждал Михайловский, «живая личность со всеми своими помыслами и чувствами».

«Совершенно верно,— соглашался Ленин.— Но чем определяются эти «помыслы и чувства»? ...И далее: по каким признакам судить нам о **реальных** «помыслах и чувствах» **реальных** личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: **действия** этих личностей,— а так как речь идет только об общественных «помыслах и чувствах», то следует добавить еще: **общественные действия** личностей, т. е. **социальные факты**».

Бессмертие социальное — высшее признание непреходящей ценности личности. Не бессмертие имени, а бессмертие дела. Бессмертен только тот, чья жизнь и чьи дела живут в жизни и делах людей, пришедших после него.

...Неизвестный истории красногвардеец, один из многих соавторов самой великой революции, неизвестный истории землекоп, рывший котлован для Днепрогэса, Неизвестный солдат, погибший под Москвой или на безымянной высоте безымянной равнины, неизвестный истории сварщик, оставивший свой автограф на первом искусственном спутнике Земли,— имена их останутся неизвестными потомкам, но именно они были, есть и будут той силой, которая движет историю человечества. Останутся в той истории и их помыслы и их чувства — как дух времени, эпохи, как эмоциональное отражение социальных фактов.

...Мавзолей за прозрачной сеткой снега. Это трибуна, обращенная ко всему человечеству. В год смерти Ленина мимо временного деревянного Мавзолея прошли первые десять советских автомобилей. В тяжелые дни ноября сорок первого солдаты уходили отсюда в огонь одной из самых беспощадных битв, чтобы вернуться сюда в июне сорок пятого и бросить к подножию Мавзолея знамена поверженного фашизма. В апреле шестьдесят первого с этой трибуны планета услышала голос первого космонавта Земли.

Мы подходим все ближе и ближе. Уже видно выходящих из Мавзолея. Люди вытирают глаза. Вон идут два негра, держат в руках меховые ушанки — забыли надеть. Солдаты, поднимаясь по ступенькам, словно по команде распрямляют плечи, шагают по-прежнему медленно, а осанка — как на параде!

Опять вспоминаю фотографии полувековой давности и изучаю лица тех, кто идет со мной рядом. И тогда и сейчас — внутренняя собранность, острое ощущение значимости всего, что происходит вокруг.

В настоящей большой трагедии всегда есть и героическое и оптимистическое звучание. Такова диалектика жизни. Такова и диалектика чувств. Полвека назад люди шли к Ленину в Колонный зал не только проститься. Помню, как меня поразила одна строфа в поэме В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин». Поэт писал о, казалось бы, всеподавляющем чувстве непоправимого горя — и вдруг слова: «Я счастлив».

Я счастлив,
что я
этой силы частица,
что общие
даже слезы из глаз.
Сильнее
и чище
нельзя причаститься
великому чувству
по имени —
класс!

Великое чувство класса и великое чувство Родины, первой в мире страны социализма, оно приходит к человеку, когда он становится участником больших общих дел, когда он видит грандиозные результаты общего труда — плотину Днепрогэса, атомоход, крушащий льды, серебристый вымпел, прилетевший с первой земной ракетой на Луну, подземные дворцы Московского метрополитена... У этих и сотен других выдающихся достижений труда и творческой мысли одно имя — Ленин. Великое чувство Родины сливается с этим именем.

Это чувство испытывают коммунисты, получая партийные билеты, где на первой странице — его портрет и его слова: «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи». И нашу партию называют ленинской. Ленин стоял у ее истоков, во всей своей деятельности партия следует ленинским заветам. Владимир Ильич навечно в рядах КПСС, ему по праву принадлежит партийный билет № 1.

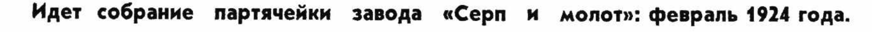
«Ленинизм, как вечно живое, развивающееся учение,— говорил на XXIV съезде КПСС Л. И. Брежнев,— был, есть и будет в центре идейной жизни партии, основой всей ее революционно-преобразующей деятельности. Обращаясь к идейному наследию В. И. Ленина, партия видит свою важнейшую задачу в том, чтобы на основе ленинских мыслей, ленинской методологии находить решение актуальных проблем коммунистического строительства».

Ленинизм — методология революционного мышления и революционного действия. Путь к Ленину — в грохоте строек и тиши библиотек, в биении мысли открывателей новых законов природы и в накаленном молчании бесконечной вереницы людей, идущих к Мавзолею. На этом пути человек словно пропускает через фильтр бессмертия свою такую обычную и такую короткую жизнь, чтобы отделить от будничного то, что останется в мире после него. Конечная жизнь человека сливается с вечной значимостью труда и борьбы его поколения, его народа.

...Мы снимаем шапки и мимо застывших солдат караула вступаем в безмолвие Мавзолея. Мы идем к самому земному, самому человечному человеку, чтобы оценить себя самой строгой и бескомпромиссной мерой, чтобы причаститься великому и бессмертному делу, которому служил Ленин и которое живет в нас.

7 ноября 1941 года.

Парад победы. 1945 год.



Идет собрание партячейки завода «Серп и молот»: февраль 1924 года.

Максим Мясоедов.

ЛЕНИНСКИЙ ПРИЗЫВ

Юрий ЮРОВ

ИЛЬИЧЕВЦЫ

С экрана смотрят на нас пролетарии Москвы, те, что вступили в партию в незабываемые траурные дни. Коммунисты Ленинского призыва!

Они с завода, что еще в 1922 году был назван именем Владимира Ильича. Они с завода, в цехах которого не раз бывал Ильич. Здесь он в мае восемнадцатого года в гранатном корпусе вместе с воинскими частями, квартировавшими в Замоскворечье, принимал социалистическую клятву на верность революции и Советской власти. Тут Ленин выступал с речами на митингах, призывал их участников неутомимо творить революционную работу, отвечал на многочисленные вопросы и записки. Там же 30 августа восемнадцатого года Ленин был тяжело ранен. На всю страну тревожно прогремел выстрел эсеровской террористки.

Ильичевцы первыми откликнулись на Ленинский призыв в партию, объявленный Пленумом Центрального комитета РКП(б) в конце января 1924 года.

...Всматриваюсь в кинокадры.

...Максим Мясоедов — литейщик-формовщик, типичный представитель той рабочей гвардии, которая всегда была гранитной основой партии. Полвека назад репортер «Рабочей Москвы» беседовал с ним в литейном цехе. Разговор шел о главном: что побудило рабочего Мясоедова — «дядю Максима», как уважительно называли его на заводе, вступить в партию.

— Родство с партией у меня кровное,— сказал старый рабочий.— Сын погиб на гражданской войне... Крепко стоял за Советскую власть. Да и сам я... Прикипел к революции...

Корреспондент интересовался тогда: все ли взвесил Мясоедов, вступая в партию? Он твердо и решительно ответил:

— Да, все взвесил, все обдумал...

Ему в те дни было уже под шестьдесят, покойному дяде Максиму. А Петру Ермакову сейчас перевалило за семьдесят семь. Но в партию они вступали вместе — ветеран рабочего класса и еще совсем молодой пролетарий. Подпись Ермакова стояла первой под заявлением 27 рабочих-ильичевцев: «Мы хотим нести всю ответственность за дело, начатое нашим дорогим Владимиром Ильичем». Так они писали в том своем заявлении.

В Октябре семнадцатого Петру Ермакову доверили быть командиром «десятки» — одного из боевых подразделений заводского отряда красногвардейцев, штурмовавших Кремль. Первое боевое крещение! А потом он сражался с белогвардейцами под Царицыном, с интервентами под Архангельском, гнал на запад белополяков. И снова на завод. Здесь тоже проходила линия фронта — шла битва с разрухой.

...Он хорошо помнит тот январский вечер 1924 года. С завода, запыхавшись, прибежала посыльная.

— Петр Пафнутьевич! Вас вызывают в партийную ячейку. Скорей, скорей собирайтесь!

— Что случилось?

— Не знаю. Только просили, чтобы поторапливались.

В партячейке Ермаков узнал о смерти Ленина. Он включен в делегацию рабочих, которая будет сопровождать гроб с телом Владимира Ильича из Горок в Москву. Двое их: старейший коммунист Николай Яковлевич Иванов и беспартийный Петр Пафнутьевич Ермаков.

Правительственный поезд уходил с Павелецкого вокзала в четыре часа утра. Ильичевцы сидели рядом с Михаилом Ивановичем Калининым.

— Приехали мы на станцию Герасимово. А оттуда на санях в Горки. Обогрелись в вестибюле дома. Вдруг слышим: «Кто здесь с завода имени Владимира Ильича?» «Мы». «Пожалуйста, поднимайтесь наверх». Поднялись. Там гроб с телом Владимира Ильича. У изголовья — Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Иванов и я встали в почетный караул.

Петр Пафнутьевич рассказывает, как бережно несли на руках гроб от Горок до самой станции Герасимово. Местные жители выходили навстречу траурному поезду проститься с Ильичем.

— Приехали мы в Москву. Встречали поезд тысячи людей. У выхода с вокзала стоял катафалк, но мы, москвичи, решили нести гроб на руках. От Павелецкого вокзала до самого Дома союзов...

Оттуда, не заходя домой, Ермаков направился в партийную ячейку. Он рассказал секретарю все, что видел, пережил за последние часы. Говорил, а к горлу комок подступал. Умолк. В задумчивости сидел минуту-другую. А потом негромко спросил:

— Товарищ Ларионов, вы мне рекомендацию дадите? В партию хочу вступить.

— Рекомендацию мы тебе дадим, Петр Пафнутьевич. И есть для тебя уже партийное поручение. Пойди собери старых рабочих, слесарей, токарей, расскажи им, как ты провожал Ильича.

Более ста рабочих собралось в механическом цехе завода, чтобы послушать Ермакова. И он снова рассказывал о последнем пути Ильича из Горок в Москву.

— Ушел из жизни Владимир Ильич Ленин. И мы, старые рабочие, должны восполнить эту тяжелую утрату партии, вступить в ее ряды.

— А как ты?

— Я уже записался первым.— И Ермаков показал лист бумаги с наброском коллективного заявления, написанного его рукой.

— Из конторки принесли маленький столик и две табуретки,— вспоминает Петр Пафнутьевич.— К листку, лежавшему на столике, потянулись руки рабочих. Подписалось 27 человек. Документ я передал Ларионову. Он посмотрел и сказал: «Молодец! Большое дело сделал... Отлично выполнил партийное поручение».

Обсуждали наше коллективное заявление на открытом собрании... Каждого в отдельности,— подчеркивает Ермаков.

...Мы беседуем с Ермаковым в заводском музее. Тут события полувековой давности оживают в документах, реликвиях. Вот фотокопия протокола собрания заводской ячейки РКП(б), рассматривавшей заявления рабочих о приеме в партию. Дата: 27 февраля 1924 года. Рядом фотография, запечатлевшая памятное собрание. На сцене клуба — ленинский портрет и плакат: «Помни, ты несешь имя его!» Пристально всматривается Ермаков в фотоснимок, узнает старых друзей. Как дорога ему эта реликвия!

— Не всех, кто подал заявление, приняли тогда в партию... Только достойных. Мотивы отводов были разные. Но подход один: ленинская взыскательность.

Сразу же после того памятного собрания, зимой двадцать четвертого, Ермаков взялся за книги. Начинал с кандидатской школы на заводе. А тут разнеслась по цехам весть — завод получил пять путевок на рабфак со стипендией фонда имени Владимира Ильича, созданного Наркоматом труда. Требования при отборе претендентов на те путевки были строгие. Однако Ермаков, как говорится, подошел по всем статьям.

После трех лет учебы он стал контрольным мастером в инструментальном цехе. А вечерами — опять за партой. Теперь в Промышленной академии.

И вот неожиданная командировка. За океан. Представителем «Амторга». Принимать оборудование, закупаемое для индустриальных гигантов первой пятилетки.

Наметанный глаз да натруженные руки рабочего человека подчас нащупывали порок в машине там, где фирме, недобросовестно выполнившей заказ, он казался неуловимым. И уж если Ермаков давал свою визу металлическому

«американцу», значит, все в порядке. Клеймо с изображением серпа и молота, которым он при этом пользовался, я увидел в том же музее завода имени Владимира Ильича.

По возвращении из Америки Ермаков снова на производстве. Теперь он старший мастер московского завода имени Серго Орджоникидзе. Мастер, председатель завкома, позже — член президиума Центрального комитета профсоюзов.

...Однажды его пригласили в наркомат для переговоров о новой работе.

— Хотим назначить тебя, товарищ Ермаков, директором Средневолжского станкостроительного завода в Куйбышеве.

— Сразу же и директором? — смущенно спросил Ермаков.

— Справишься, у тебя есть все возможности... Мы поможем...

Принял Ермаков в Куйбышеве станкостроительный завод. Наследство получил архитяжкое. Вот уже несколько лет завод не выполнял государственный план.

Новый директор, разобравшись в причинах отставания предприятия, предложил собрать коммунистов: «Там и обсудим, как жить дальше».

— Дело у нас не пойдет, если не создадим оснастку для токарных и резьбофрезерных станков,— докладывал на партийном собрании директор.— Задача эта очень трудная. Но нам, коммунистам, по плечу любые трудности. Если одолеем их, то завод встанет прочно на ноги.

Ермаков встретил полную поддержку коммунистов и всех передовых рабочих.

— Когда оснастка была готова, все изменилось,— рассказывает Петр Пафнутьевич.— Стали делать станки по суточному графику. В день двенадцать станков: десять токарных и два резьбофрезерных... Одолели!

И вот уже завод наградили орденом Трудового Красного Знамени. А директора — орденом Ленина.

Потом коммунист Ленинского призыва Ермаков будет директорствовать на станкостроительных заводах Москвы, Минска, Рязани. И всюду оставит он о себе благодарную память. И ныне сказывается его весомый вклад в технический прогресс.

Ну, а сегодня? Он снова в большой семье коммунистов завода имени Владимира Ильича, той семьи, что принимала его в партию в дни Ленинского призыва. Теперь это один из передовых коллективов столичной партийной организации. В нем состоит и персональный пенсионер союзного значения Петр Пафнутьевич Ермаков.

СОРМОВЦЫ

В Центральном ордена Ленина Музее Революции СССР мне показали знамя, подаренное в мае 1924 года многотысячным рабочим коллективом завода «Красное Сормово» XIII съезду партии. На кумаче изображена наковальня. Надпись гласит: «Нет нашего Ильича — единством партии и сплоченностью пролетариата выполним его заветы».

Кто вручал это знамя? Имя этого человека я нашел в стенографическом отчете о работе XIII съезда партии. Вручая знамя, делегат сормовичей тов. Жидков передал пролетарский привет съезду и сообщил, что после смерти Ильича две тысячи сормовичей, борцов Ленинского набора, встали под знамена ленинской партии.

Как это было?

Перелистываю подшивки газеты «Нижегородская Коммуна». Заметка в номере от 1 февраля 1924 года. «Рабочие Сормова, опомнившись от удара, каким была весть о смерти Ильича, правильно поставили вопрос о том, что местная партийная организация должна быть пополнена свежими силами из среды рабочих. ...В среду 30 сего января на ячейковых собраниях в Сормовском заводе... подавались коллективные заявления рабочих о вступлении в партию...»

Еду в Сормово, чтобы разыскать кого-нибудь из тех, кто в ту пору «пополнил» партию «свежими силами из среды рабочих». И вот встреча с Леонидом Ивановичем Алямовским, бывшим рабочим, бывшим секретарем комсомольской организации кузнечного цеха завода «Красное Сормово». Коммунист Ленинского призыва и сегодня остается в рабочем строю родного коллектива. Когда на «Красном Сормове» начинался обмен партийных билетов, первым его вручили Л. И. Алямовскому, мастеру одного из цехов.

Солдат партии верно служит ей полвека, не раз она посылала его туда, где проходил передний край.

...В деревне шла коллективизация. На помощь ей партия направила двадцать пять тысяч рабочих. Среди них и коммунист Аляиовский.

Недолгими были сборы. И в путь-дорогу. Сормовский рабочий-двадцатипятитысячник едет в Белоруссию. Дома осталась невеста Татьяна, она тоже работала на «Красном Сормове».

— Все будет благополучно, приеду за тобой,— успокаивал я ее.— И приехал. Через восемь месяцев после того, как организовал колхоз «Советская Белоруссия». Там меня председателем избрали... Зарегистрировались мы с Татьяной — и в тот же день в обратный путь. Дела звали в деревню. А свадьбу справляли в поезде...

Доверие сормовичу, председателю колхоза «Советская Белоруссия», выразили и коммунисты партийной организации сельсовета: избрали его секретарем. И начал он новую жизнь в деревне строить — по ленинскому пути.

Аляиовский сам хорошо управлял трактором и решил создать курсы механизаторов. Бережно хранит он снимок, запечатлевший торжественный момент: выпускники курсов — их пятнадцать человек — во главе со своим учителем стоят у трактора.

Это те, кто помогал потом колхоз укреплять, ломать старые устои...

А ломать те устои пришлось под огнем. Мстило ему кулачье. Пытались убить, сожгли дом, в котором жил председатель. Все эти испытания делила с ним жена, Татьяна. Несла дежурство. Научилась с оружием обращаться. Без этого нельзя было тогда.

Потом были и другие партийные мобилизации: перед войной — на транспорт, в годы Великой Отечественной войны — в армию, а затем работа на Смоленщине — заместителем председателя одного из райисполкомов.

Сегодня Леонид Аляиовский вновь на родном заводе. Завидной бодростью и живостью, энергией и подвижностью обладает в свои годы этот человек. Кроме производственной работы, он ведет еще и большую общественную. Агитатор. Председатель товарищеского суда.

Когда я заметил ему, что о нем никак не скажешь «старик», хотя Аляиовскому уже под семьдесят, Леонид Иванович улыбнулся.

— Хотите узнать секрет — извольте. Утром привык делать зарядку. А главная зарядка все же — производство. Хочу доработать до юбилея завода. В семьдесят четвертом «Красному Сормову» исполняется сто двадцать пять лет, а мне — семьдесят. И полвека в партии. Вот и хочу до этих юбилейных дат поработать...

А старейшине сормовичей, вступивших в партию по Ленинскому призыву, Семену Сергеевичу Загребину в этом году исполнится семьдесят пять. Помнит Загребин, как протяжные траурные гудки заводского паровоза оповещали сормовичей о кончине Владимира Ильича. Помнит, как в тот же день пришел он к секретарю партячейки судомеханического цеха и сказал: «Хочу вступить в партию...» И сразу же заявление написал. Там же, в цехе.

...Партией призванный и мобилизованный, Семен Сергеевич Загребин в годы индустриализации страны был послан на строительство автомобильного гиганта в своем родном городе. Был он там и мастером и инспектором по оборудованию в отделе главного механика. И в Германию ездил по командировке «Станкоимпорта». Принимал станки и машины, заказанные для автомобильного на берегу Волги.

Тепло вспоминает сормовский ветеран своего боевого политического наставника.

— Моя жизнь в партии началась с политзанятий. Всю зиму ходил в клуб «Металлист»... Отличный у нас был пропагандист, Яков Карпович Кокушкин...

Яков Карпович привил вкус к пропагандистской работе и тем, кто занимался в кружке. И это уже на всю жизнь. На стройке ли автозавода, или на «Красном Сормове», или в деревне, где ремонтировал технику МТС, везде и всюду Загребин оставался боевым пропагандистом. Учил и учился.

Загребина-пенсионера мы представили читателю. А кто такие Загребины, работающие сегодня на «Красном Сормове»?

Их два брата. Младший — Владислав, мастер в одном из цехов завода. Старший — Сергей. Вот эпизод из его биографии.

...Весной 1942 года на собрании коммунистов партизанского отряда, действовавшего на Псковщине, рассматривалось заявление о вступлении в партию комсомольца, добровольно ушедшего в отряд народных мстителей.

— Родился в Сормове. И прадед, и дед, и отец — потомственные рабочие,— рассказывал он о себе на партийном собрании партизан.— Окончил школу ФЗУ. Работал токарем в арматурном цехе.

— Какой боевой счет у вас?

— Участвовал в операциях по спуску под откос четырех вражеских эшелонов, по взрыву железнодорожного моста.

Потомственного сормовича в партию приняли единогласно. На свой родной завод Сергей Загребин вернулся коммунистом, кавалером ордена Ленина. Сейчас он заместитель секретаря парткома на том же заводе «Красное Сормово».

Таковы они — сыновья коммуниста Ленинского призыва Семена Сергеевича Загребина.

Поколение за поколением рабочего класса пополняет партию надежными бойцами. Плечом к плечу становятся они в ее строй.

НАЧАЛО ПУТИ

Н. А. ЧИНАКАЛ,
член-корреспондент АН СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий

Есть события, о которых помнишь всегда. Они стали живой тканью твоей судьбы, и уже нельзя вычеркнуть их из твоей жизни.

Я часто смотрю на одну старую фотографию. Группа людей в тулупах, шинелях, ушанках, шапках-малахаях, красноармейских буденовках. Фотографу пришлось немало потрудиться, чтобы уместить всех в кадр.

В центре — Владимир Ильич Ленин. На этой же фотографии среди делегатов II Всероссийского съезда горнорабочих и я, делегат от рабочих Макеевского рудника. Конечно, я не думал тогда, в 1921 году, что стану ученым, директором Института горного дела Сибирского отделения Академии наук СССР и за свои научные работы получу высокую награду — премию, носящую имя Ленина.

Съезд горнорабочих избирает меня в члены Центрального комитета Всероссийского союза горнорабочих.

В памяти остался момент: приходит от Владимира Ильича Артем (он был в те годы председателем ЦК Всероссийского Союза горнорабочих и часто бывал у Ленина) и говорит: «Владимир Ильич интересуется, а что собирается сделать Союз горнорабочих для облегчения труда шахтеров». Путь к облегчению труда горнорабочих был только один, и я ответил — «механизация». «А какая, легкая или тяжелая?» «Тяжелая, при ней рабочим легко».

И вот 23 августа 1921 года мне, бывшему, как говорили тогда, «царскому специалисту» (я стал инженером еще до революции), поручают принять участие в восстановлении шахт Донбасса, механизацию горных работ на них!

Сейчас даже трудно представить, насколько исследования по механизации опережали то время. Это было началом работ по облегчению труда горнорабочих, началом дела всей моей жизни.

Я часто вспоминаю шахты Донбасса, с которых начался мой трудовой путь. Вспоминаю, когда вижу разработки машин, которые будут верными помощниками шахтера в будущем.

Основная работа института — теоретические исследования, позволяющие находить оптимальные инженерные решения новых приборов. Мы стремимся совершить революцию в горном деле — создать безопасные и комфортабельные условия труда и даже полностью вывести шахтера из-под земли. Можно, конечно, помечтать и пофантазировать, как будет выглядеть шахта будущего. Но лучше этого не делать. Ведь самый большой фантаст — время.

Подполковник Г. ТИМОХИН

Фото А. БОЧИНИНА.

ПОСТ НО

— Идут!..

Стихает разноязыкий гул на Красной площади. Подкатывается людская волна к подножию Мавзолея В. И. Ленина.

Глаза устремлены к Спасской башне. Печатая шаг, из ворот выходят солдаты. Торжествен, лаконичен ритуал смены караула. Каждый час, одновременно с первым ударом курантов, замирают у дверей Мавзолея часовые. От имени народов солдаты воздают почести вождю Октября. Ровно шестьдесят минут стоит каждая смена. Так было и так будет всегда.

В этом году исполнится пятьдесят лет с тех пор, как был установлен главный пост Советского Союза. Самый почетный на земле...

* * *

«Тот, кто хоть раз нес службу на первом посту, не имеет права прожить жизнь напрасно. Генерал-майор Г. Коблов».

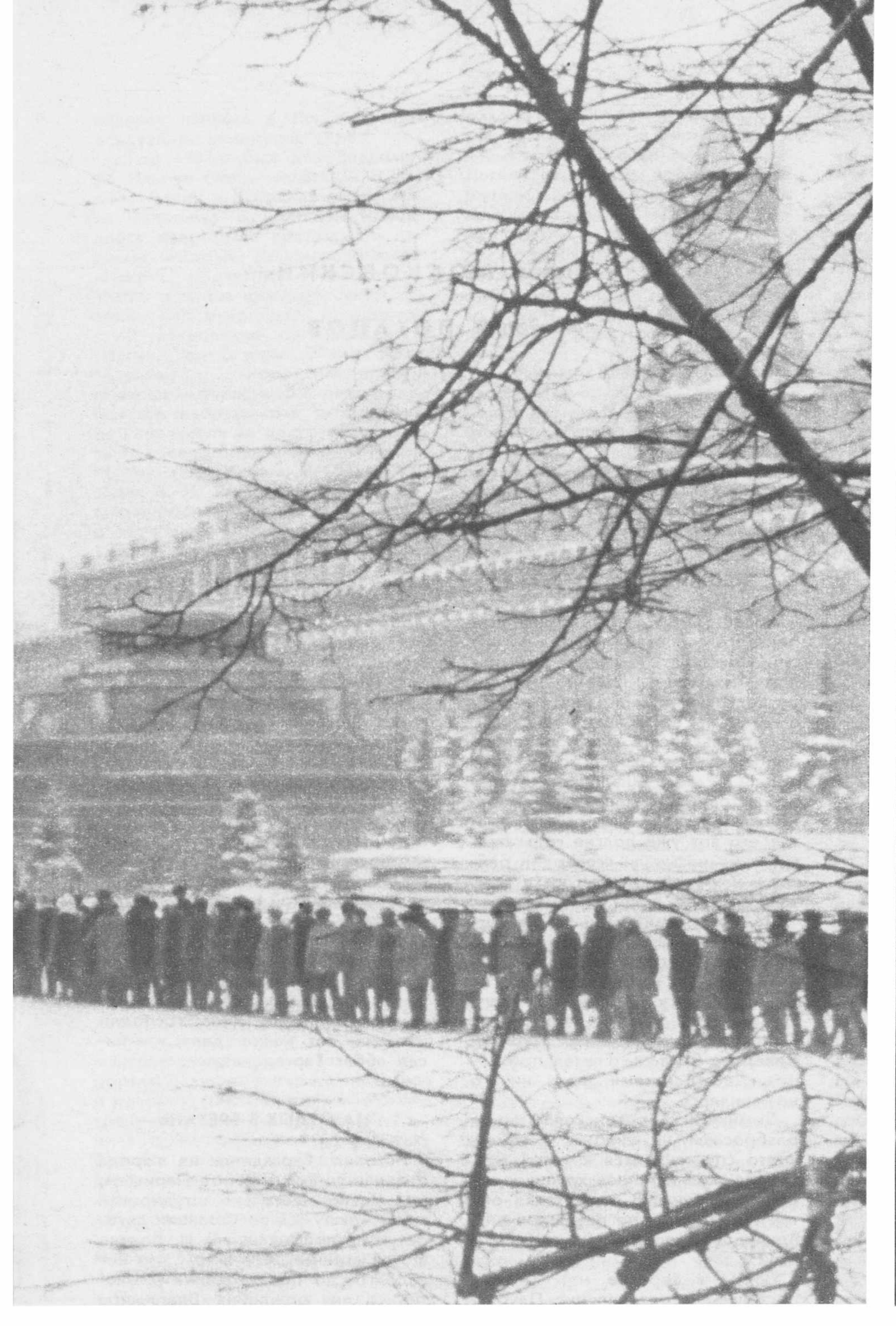
Эту фразу я прочел на титульном листе конспекта политзанятий. Конспект принадлежит ефрейтору Василию Кондратьеву. В той объемистой тетради много записей и пометок из истории КПСС, Советского государства, Вооруженных Сил СССР.

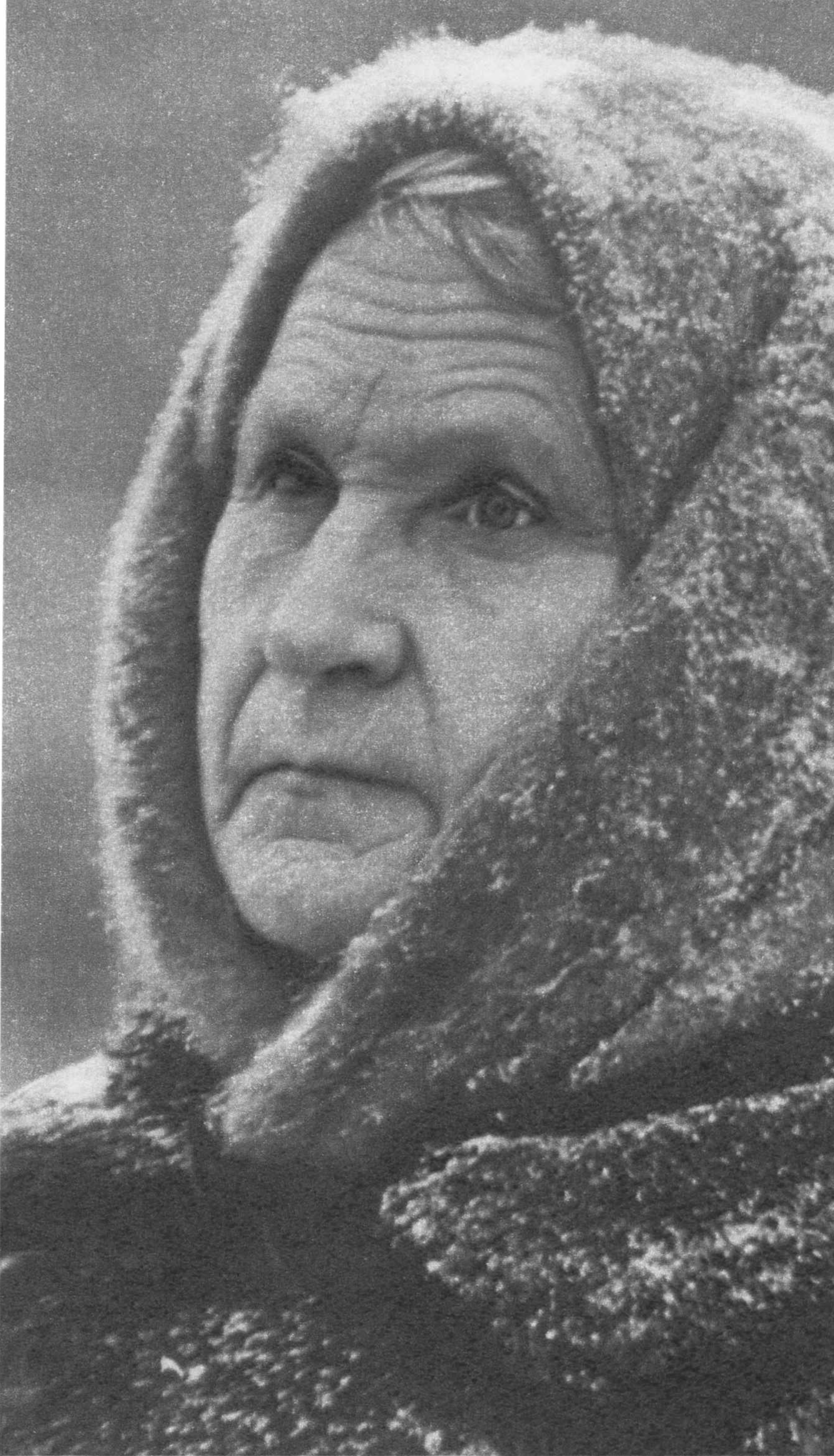
Но слова генерал-майора Г. Коблова, бывшего курсанта Кремлевской школы имени ВЦИК, первого часового поста № 1, девятнадцатилетний воин выделил особо. Для ефрейтора Кондратьева эти слова имеют действительно особый смысл, ибо и сам он не раз выходил на Красную площадь в составе почетного караула и застывал с карабином на первом посту.

До службы в армии Василий Кондратьев часто приезжал в Москву во время школьных каникул. Бывал, конечно, и у Мавзолея. Приходил сюда Василий и когда поступил в энергетический институт. Разве он мог предположить в то время, что предстоящая служба в армии вдруг соединит его судьбу с этим священным местом? Что ему будет предоставлено почетное право от имени миллионов людей воздавать воинские почести вождю Октября!

Рядом с Кондратьевым несут службу такие же воины, недавние рабочие, колхозники, учащиеся. Заместитель командира первого взвода сержант Иван Бородин — бывший токарь-автоматчик завода электронных приборов имени Ленинского комсомола в Рязани. Рядовой Эдгар Бигелис работал грузчиком-экспедитором в городе Кулдиге. Ефрейтор Николай Шитов — электромеханик из Пензенской области. Ефрейтор Юрий Буров — из Рыбинска. Встретил здесь Василий и москвичей, и рижан, и своих земляков из Иванова.

Служба в подразделении, которое несет караул на посту № 1, оказывает влияние на внешний и внутренний облик каждого человека. Деловитые, немногословные, собранные, эти парни, как видно, всегда готовы к решительному действию. И недаром на стендах в солдатском клубе так много фамилий отличившихся во время службы.





МЕР ОДИН

На одном стенде я видел фотографию сержанта И. Бородина, отличника боевой и политической подготовки. Рассказывают, что недавно заслужил очередную благодарность Николай Шитов. Почти по всем дисциплинам имеет отличные оценки ефрейтор Юрий Буров. Впрочем, в подразделении две трети воинов — отличники и почти все — спортсмены-разрядники.

Как и везде в нашей армии, в этом подразделении идут напряженные занятия по всему курсу солдатской науки, поддерживается строгий распорядок дня и железная дисциплина. Нередки учения, во время которых солдаты совершают многокилометровые марш-броски, стреляют из различных видов оружия, развивают силу, ловкость, выносливость. Но эта обычная армейская жизнь как бы освещена сознанием личной сопричастности к самому святому, что есть на земле, великой гордостью за то, что именно на них возложена особая миссия, чувством ответственности за каждый прожитый день...

С интересом рассматриваю экспонаты комнаты боевой славы. Это яркая полувековая летопись, многие страницы которой повествуют о судьбах людей, в разные годы стоявших на часах на главном посту страны. Дважды Герой Советского Союза С. Шутов, генералы Г. Кобзов, А. Родимцев, Е. Коберидзе, И. Кузовков. Созвездие имен — созвездие героических дел, легендарных подвигов. Об этих людях и их подвигах созданы фильмы, написаны книги.

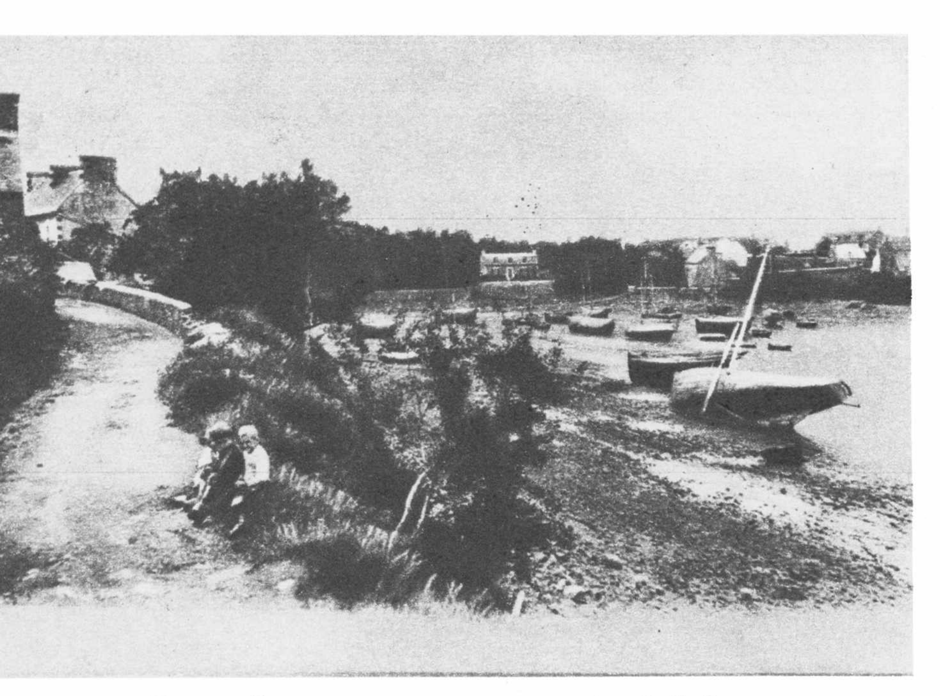
У ефрейтора В. Кондратьева и его сегодняшних боевых товарищей пока нет столь великих заслуг. Они просто солдаты, просто воины, каких много в наших Вооруженных Силах,— добросовестные, трудолюбивые, жизнерадостные. Вечерами в солдатском клубе слышатся их песни, задорные споры, шутки и смех.

Но когда под сводами старинного зала торжественно звучат стихи о Ленине, когда в Ленинской комнате слышен голос живого Ильича, сохранившийся на пластинке, когда склоняются солдаты над ленинскими томами, их лица становятся строгими, как и в тот особый час, определенный приказом, когда они торжественно, предельно собранно готовятся к выполнению своего почетного долга.

Ефрейтор В. Кондратьев впервые вышел на пост к Мавзолею с ефрейтором Ю. Буровым. Это произошло 29 декабря 1972 года, накануне 50-летнего юбилея СССР.

— Волновался очень,— рассказывает Василий.— Но особенно памятно последнее мгновение этого часа, когда мы с Юрием повернулись лицом к площади. Поднял я глаза — даже дух захватило: вся площадь полна народу.

Выходит на многолюдную Красную площадь очередная смена караула. Сотни глаз неотрывно следят за каждым движением воинов. Одновременно с первым ударом Кремлевских курантов замирают у Мавзолея В. И. Ленина двое часовых. И нет почетней, нет ответственней этой вахты.

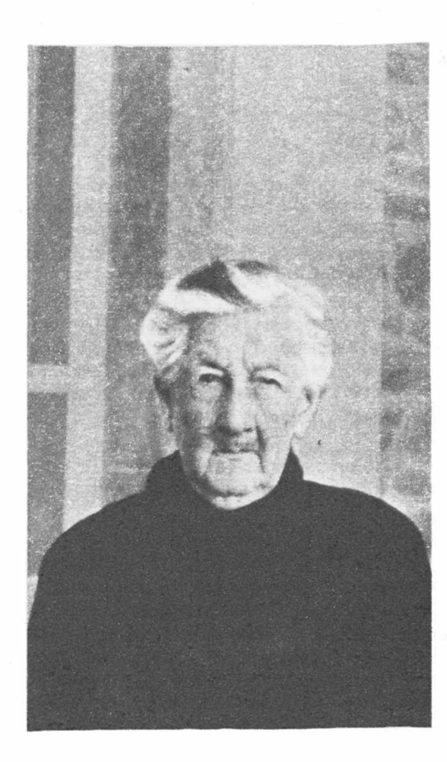


Деревня Логиви тех времен, когда там жил В. И. Ленин.

Павел МОСКОВСКИЙ,

Анатолий ПОТАПОВ

ДО ПАРИЖА — ПОЛТЫСЯЧИ КИЛОМЕТРОВ...



Марианна Лепивер — старейшая жительница Логиви.

Фото авторов и из архива Ирэн Кюршнер.

НЕОЖИДАННАЯ ВЕСТЬ

Аббат Пено, открыв ящик старенького секретера, достал потертый конверт с почтовым штемпелем Парижского района. Это короткое письмо было уже знакомо ему чуть ли не до каждой запятой. Собираясь писать ответ, он вновь пробежал глазами строчки, вызвавшие такое удивление и столько разговоров в маленькой деревне, где он знал каждого жителя и где его вот уже долгие годы почтительно называли «господин ректор», как громко именуют в Бретани сельских кюре.

Да, новостями жизнь Логиви отнюдь не богата, ему-то это хорошо известно. Деревня стоит в устье извилистой и капризной Триё, на самом берегу Ла-Манша. Всего 900 жителей. Рыбаки и их семьи. Полтысячи километров от Парижа. Северная Бретань. Глухая провинция. Десятилетиями здесь ничего не менялось.

Домики из бретонского камня разбросаны на склонах холмов, круто спускающихся к тихой бухте, где нашли приют хрупкие рыбацкие шхуны. В час отлива они так и остаются на песчаном дне, причудливо ощетинившись лесом мачт...

Почты в деревне нет. Письма поступают через селение Плубазланек, что примерно в шести километрах. Нет и своей мэрии. Всего одно кафе.

Маленький ресторанчик в скале у самого берега, да и тот открывает свои двери лишь летом, в туристский сезон. Но туристы не слишком-то жалуют Логиви своим присутствием. Достопримечательностей нет. Здесь живут «труженики моря». Они новостями не избалованы. Сегодняшний день, как две капли воды, похож на вчерашний и на позавчерашний...

Но эта весть была ошеломляющей.

«Господин ректор! Вы хорошо знаете свою деревню, поэтому я обращаюсь именно к вам. Соблаговолите сообщить, что известно о пребывании в Логиви летом 1902 года Владимира Ульянова-Ленина, вождя русской революции, создателя Советского государства. Сохранился ли дом, где он жил, есть ли люди, знавшие его. Буду признателен за скорый ответ. Гаргаденек, историк».

Маленькая бретонская деревушка и Ленин!.. Аббат Пено потерял покой. Он перечитал всю литературу о Бретани, обращался к авторам монографий об истории района Логиви, к мэру Плубазланека, даже к самому префекту департамента Кот-дю-Нор. Никаких сведений. Он решил опросить всех своих прихожан.

Впрочем, был еще один источник возможной информации. И однажды аббат Пено, раскрыв телефонный справочник, стал искать номер телефона федерации коммунистической партии департамента Кот-дю-Нор...

«Какую новость вы нам открыли, господин историк! О ней у нас сейчас много говорят. Отыскать ленинский дом в Логиви! Недавно появилась статья об этом в департаментской газете «Уэст-Франс». На днях мне звонил корреспондент парижской газеты «Монд». Он хотел знать подробности. А вчера — вы можете это себе представить? — я беседовал с секретарем секции компартии нашего района. Мы говорили о Ленине!.. Вот какие дела, господин историк, вот какие дела...» — писал аббат Гаргаденеку.

НА ОТДЫХ В БРЕТАНЬ

Историк Гаргаденек из города Вильнёв-ле-Руа, что под Парижем, уже давно тщательно штудировал всю имевшуюся во Франции литературу о пребывании В. И. Ленина в этой стране. Дело в том, что незадолго до празднования столетия со дня рождения Владимира Ильича, работая над одной из своих монографий, он побывал в Москве.

Знакомясь с ленинской перепиской, он впервые с удивлением открыл для себя, что Ленин дважды побывал в Бретани. Будучи уроженцем этой древней французской провинции, Гаргаденек решил написать об этом обширную статью. Приехав в Париж, он засел в Национальной библиотеке в надежде раздобыть дополнительные сведения о посещении своего родного полуострова великим человеком из России. Но новых фактов почти не было.

Известно, что Ленин дважды побывал на полуострове Бретань — летом 1902 года на северном берегу в департаменте Кот-дю-Нор, в Логиви, и летом 1910 года, уже будучи в эмиграции во Франции, он отдыхал в небольшом городке Порник, на юге полуострова. Пребывание в Порнике описано чуть подробнее в воспоминаниях Н. К. Крупской. В письмах Владимира Ильича давался точный адрес дома, где он жил с Надеждой Константиновной. В 1963 году французские коммунисты разыскали этот дом в Порнике. Но о первом приезде в Бретань в биографической литературе о В. И. Ленине — две-три строчки... И вот тогда Гар-

гаденек написал в Логиви, надеясь узнать ленинский адрес.

...Год 1902-й был для Владимира Ильича очень нелегким. В апреле Ленин и Крупская переехали из Мюнхена в Лондон. Теперь здесь надо было продолжать издание «Искры». Ленин возглавлял «Искру», редактировал ее, писал статьи почти в каждый номер газеты. Он руководил деятельностью искровских организаций в России, вел с ними и многочисленными корреспондентами «Искры» обширную переписку. Вся эта напряженная работа была направлена на подготовку к созыву съезда, призванного основать партию нового типа. В 1901—1902 годах В. И. Ленин создал выдающееся произведение «Что делать?» и обеспечил его издание в марте 1902 года в Штутгарте. Много усилий потребовала подготовка проекта Программы партии для II съезда РСДРП.

Ко всему этому следует добавить, что много нервов и здоровья отнимала сложная обстановка внутри редакции «Искры», борьба с оппортунистическими шатаниями членов редакции.

Чрезмерная перегрузка сказалась на здоровье. «Нервы мои истрепаны «в лоск»,— писал он в тот год Плеханову, — и я чувствую себя совершенно больным».

И вот в июне 1902 года было решено, что Ленин отправится отдохнуть во Францию. Там легче было устроить и встречу с родными, с матерью, о которой так соскучился Ильич.

«Дорогая мамочка! — писал он Марии Александровне из Лондона в Самару.—...Надеюсь скоро увидаться с тобой, моя дорогая».

Итак, во Францию. Но куда? О многолюдных, дорогостоящих курортах Лазурного берега не было и речи. Русские политические эмигранты во Франции иногда снимали в тихих рыбацких деревушках Бретани комнаты с пансионом за весьма скромную плату. Ленин об этом знал. По совету друзей созрело решение: выехать в Бретань, снять комнату и ожидать там Марию Александровну и сестру Анну Ильиничну.

Приехав из Лондона в Париж, Владимир Ильич выступил 14 (27) июня на собрании русских политэмигрантов с рефератом о программе и тактике эсеров. А затем — полтысячи километров к суровым, скалистым берегам Ла-Манша, в те края, где поднимается из моря овеянный древними легендами Бреа, «остров цветов и розовых утесов»...

ИВ ЛЕ КАЛЬВЭ — КОММУНИСТ

— Логиви? Но в департаменте Кот-дю-Нор есть три Логиви. Вот полюбопытствуйте.

Член Политбюро Французской компартии Жак Дюкло, с которым встретился в Париже, в здании Центрального Комитета ФКП, один из авторов этих строк, разложил на своем столе подробную карту Бретани.

— Да, я неплохо знаю эти края. Вот здесь, в небольшом городке Пэмполе,— родина Марселя Кашена. Мы сохранили его родной дом, создали музей. А вокруг Пэмполя почти на одинаковом расстоянии — три деревни, и каждая называется Логиви. Но Ленин наверняка жил здесь.

Дюкло отмечает карандашом маленькую точку неподалеку от глубоко вдающегося в море мыса Аркуэст.

— Ильич хотел отдохнуть у моря, так ведь? И вот только эта Логиви ближе всего к берегу. Она и называется Логиви-де-ля-мер — Логиви у моря. Мы просили федерацию департамента разыскать ленинский дом, — говорит ветеран партии. — Кое-что они сделали. Но у товарищей там полно повседневных забот. Да и коммунистов в этом округе не так уж много. Знаете что? Поезжайте в Пэмполь. Мы предупредим федерацию.

...На узкой маленькой улочке в городе Сен-Бриё, центре департамента Кот-дю-Нор,— департаментская федерация компартии. Всего две комнаты на первом этаже старого дома, несколько столов и стульев, книги, брошюры, листовки...

Товарищи приготовили номер газеты «Бретань нувель» от 26 апреля 1970 года. Ее выпускают коммунисты Бретани. На одной из страниц — статья «Ленин в Пэмполе». Автор — Ив Ле Кальвэ.

— Ив у нас секретарь секции компартии в Пэмполе. Он уже не раз бывал в Логиви. И вот написал эту статью. Ив — боевой парень, увидите...

На пороге своего скромного домика на самой окраине Пэмполя Ив встречает крепким рукопожатием. Представляется:

— Ле Кальвэ, коммунист.

Высокий, сухопарый, со впалыми щеками, он кажется несколько моложе своих сорока двух лет. Работает в одной из крупных автомастерских. Двое сыновей, уже старшеклассники, в лицее. Младшей дочери — 14 лет. Он не только секретарь секции компартии, но и руководитель местного профсоюза, входящего во Всеобщую конфедерацию труда.

— Я его и дома-то почти не вижу, — сетует мадам Ле Кальвэ.

Иву рано пришлось бросить школу, надо было зарабатывать на жизнь. Лет шестнадцати пошел работать докером в порту, потом взяли на корабль, стал матросом торгового судна. Помнит негодование моряков, когда на судах переправляли военные грузы и французские колониальные войска во Вьетнам.

— Я всегда симпатизировал коммунистам,— рассказывает Ив.— Но тогда, в начале пятидесятых годов, когда мы везли солдат для участия в «грязной войне», я понял, что просто разделить идеи коммунистов недостаточно, надо бороться, бороться активно в рядах тех, кого я считал своими братьями по классу. И я вступил в партию.

Когда Иву сообщили о том, что Ленин около 70 лет назад отдыхал в Логиви, он принялся за поиски ленинского дома. Опросил жителей, беседовал и с аббатом Пено, обо всем этом написал в газете. Но ленинский адрес пока не установлен.

— Но как же так, Ив? Ведь Логиви, видимо, мало изменилась за эти годы, а адрес есть в одном из писем Плеханову.

«M-me Leguen (pour M. Otinoff) Loguivy (par Ploubazlanec). Côtes du Nord, France».

«Мадам Легуэн (для г-на Ульянова) Логиви (через Плубазланек). Кот-дю-Нор, Франция».

— Легуэн, Легуэн... А вы знаете, что это самая распространенная фамилия в Бретани? Когда-то это, видимо, было прозвищем. По-бретонски «легуэн» значит «белый». Сколько их и сейчас-то в Логиви, семей Легуэн. А сколько семей Легуэн не живет здесь больше? Ведь семь десятилетий... И все-таки,— продолжает Ив,— кто бы мог подумать, что имя Ленина связано с нашим кантоном, а? Вот уж поистине, как бретонцы говорят, «Бретань — это целая вселенная».

Он заразительно смеется. И, прихлопнув ладонью по столу, заключает:

— А завтра мы все-таки покопаемся в архивах мэрии. Обязательно...

«ВОТ ЭТОТ ДОМ, ГОСПОДИН МЭР»

Логиви и Плубазланек — это одна коммуна. В поселке Плубазланек несколько тысяч жителей. Здесь расположена и мэрия, которая управляет коммуной. 35 лет стоит во главе местного муниципального совета мэр Марсель Легюйадэ, генеральный советник департамента от кантона Пэмполь. Только в годы гитлеровской оккупации покидал он свою коммуну. А так вся жизнь прошла здесь. Он знает в округе каждый дом, каждый поворот дороги. Марсель Легюйадэ — член Объединенной социалистической партии.

— На последних парламентских выборах был с нами, — сказал Ив Ле Кальвэ, когда зашла речь о мэре, и рассказал, как мэр был союзником левых сил в нелегкой борьбе перед выборами в Национальное собрание в марте 1973 года.

Три года назад мэр писал историку Гаргаденеку: «К сожалению, я не смог добыть никаких сведений о доме, где жил Ленин в Логиви». Теперь, узнав причину нашего визита, он решительно откладывает в сторону все дела и вместе с секретарем мэрии Жаном Эвну, который работает здесь добрых три десятка лет, тщательно листает толстые, запыленные тома в картонных переплетах, вытащенных из архивов мэрии.

Пожелтевшие страницы записей за прошедшие полтора века... Здесь все о постройке домов, их переходе к новому владельцу, регистрация жителей деревни от рождения до смерти. Вот секция «Л» — «Легуэн». Жан Эвну тонким почерком выписывает на листочки все, что связано или было связано с этой фамилией. Потом по особым регистрам находит участки земли, на которых стояли или стоят дома семей Легуэн. Их набирается немало, таких листочков. Даже мэр удивлен. Он раньше не занимался столь тщательным отбором.

— Я сам обойду с вами все дома в Логиви,— заявляет он.

На своем стареньком «ситроене» он везет гостей в деревню. Уже полдень, обеденный час во Франции. Мэр оставляет машину на набережной и, сверяясь со своими записями, уверенно идет по крутым узким улочкам к отмеченным в мэрии домам.

Дом за домом... Разные семьи.

— А вы бы побывали у Марианны Лепивер, господин мэр. Ведь она самый старый житель Логиви. Ей восемьдесят шесть...

Дом Марианны Лепивер стоит на самом краю деревни, высоко над бухтой. Отсюда хорошо видна вся Логиви. Седая женщина в черном платье встречает гостей на пороге. Ив Ле Кальвэ подробно излагает цель визита. И вдруг...

— Ульяновы? Так они жили у мамаши Легуэн, вон там.— И она делает знак рукой куда-то вниз, к заливу, туда, где высится островерхая деревенская церковь.— Я точно знаю этот дом. Моя мать ведь тоже сдавала комнаты. Мы жили как раз напротив, и я не раз заходила к русским постояльцам, поручения какие-нибудь выполнить по хозяйству. Мне шестнадцать было тогда... А у мамаши Легуэн, знаете, уже не первый год жили русские. Помню я и пожилую даму, которая к сыну прямо из России приезжала. Да вы повидайте Мари Риу. Это ее дом. Ведь вторая фамилия Мари — Легуэн.

У МАДАМ ЛЕГУЭН

Нет в Логиви названий улиц. Слишком мала эта бретонская деревня. Почтальон найдет любой дом не по номеру, которого тоже нет, а по имени его владельца.

Самый старый квартал в порту почему-то называют «Замок». Возможно, в древние времена на крутой скале и стоял какой-нибудь замок бретонского сеньора. А теперь здесь лабиринт таких узких переулков, что порой двум прохожим трудно разойтись. Поворот, другой... Длинный одноэтажный домик, сложенный из бретонского камня. К нему вплотную примыкает двухэтажный. Серые каменные стены, видимо, уже давно покрыты известкой. Вот здесь когда-то мадам Легуэн сдавала комнаты.

У ее внучки Мари Риу муж был рыбаком. Однажды в сильную бурю он не вернулся... У двоих дочерей мадам Легуэн, которым сейчас за восемьдесят, море отняло сыновей. Десятки имен «тружеников моря», погибших в его пучине, высечены на стене в поселке Плубазланек...

Сестры Мари Кортир и Луиза Коредир были девочками в ту пору, когда их мать сдавала комнаты русским политическим эмигрантам. Их память сохранила даже несколько столь трудных для их слуха русских фамилий. Перебивая друг друга, быстро переходя с французского на бретонский язык, они пытаются правильно произнести фамилию Ульянов.

— Да, он снимал комнату на втором этаже. А его мать и сестра жили в одноэтажном доме, что по соседству. Только постояльца по имени Ленин у нас никогда не было, нет, мсье,— говорит 85-летняя Луиза Коредир.

— Заходите в дом. Здесь почти все осталось так же, как при бабушке,— приглашает Мари Риу.

Всего две комнаты: одна внизу, другая на втором этаже. Фланелевые тапочки у порога, как во всех бретонских домах, чистенькие, покрытые лаком ступеньки скрипучей деревянной лестницы. Ив Ле Кальвэ поднимается первым, открывает дверь, но не входит, застывает на пороге. Он едва скрывает волнение.

...Большая деревянная кровать. Старый комод у стены. Рядом на маленьком столике кувшин и таз для умывания. На стене картина — рыбацкие шхуны в море и барометр, которому, видимо, гораздо больше лет, чем самому дому. В белый цвет покрашены деревянные балки потолка. Небольшое окно распахнуто настежь — рыбацкий порт, скалы, синяя гладь моря, видавшее виды потертое кресло у самого окна...

«Море с его постоянным движением и безграничным простором он очень любил, у моря отдыхал»,— писала Н. К. Крупская,

вспоминая об отъезде Ильича в Бретань.

...Прогулки с близкими по небольшому живописному скалистому мысу, на котором стоит Логиви, по этой «земле гранита и грез», как говорят жители Бретани. Возможно, поездки на остров Бреа, что виден отсюда с берега, в соседний Пэмполь. И во время этих прогулок, конечно, подмечал пытливый взор Ильича многое из жизни этого уголка Франции: как чинили рыбачки сети на берегу, как собирали они морские водоросли на скалах во время отлива, как выгружали рыбаки свежий улов в маленьком порту. Слушал он, наверное, рассказы рыбаков и заунывную мелодию бретонского народного инструмента «биньу». А может быть, знаток многих иностранных языков, интересовался Ильич существующим и поныне весьма своеобразным языком древнего народа, населившего в пятом веке этот полуостров, бывшую землю галлов, которому пришельцы дали имя «Бретань»...

Но отключиться полностью от дел и здесь, на отдыхе, Ильич, конечно, не мог. Как идет подготовка Второго съезда партии, как «Искра», что в партийных организациях Петербурга? Письма Плеханову в Женеву, письма в Петербург о том, как нужно готовить победу «искровцев» над «экономистами», статья «Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам?».

Работа, работа... Идут письма и в Логиви на имя мадам Легуэн для мсье Ульянова. Крупская переслала Владимиру Ильичу из Лондона адресованные редакции «Искры» письма московских студентов, заключенных в красноярской пересыльной тюрьме. Ленин внимательно прочел письма и направил для опубликования в «Искре», предпослав заголовок: *«Из писем ссыльных студентов»*.

Быстро пролетел месяц в бретонской деревне. 11(24) июля Ленин пишет одному из русских социал-демократов в Париж: «Я завтра двигаюсь домой. В общем, мне здесь очень нравилось и я отдохнул недурно, только к сожалению возмнил себя раньше времени здоровым...»

РАЗГОВОР В СТАРОМ КАФЕ

Небольшая полустертая вывеска «У Ирэн». Заказать другую не хватает средств. Да и к чему? И так все жители Логиви знают дорогу к этому единственному кафе деревни, где гостеприимная Ирэн всегда нальет чашечку кофе, стаканчик пастиса или рюмку «руж» — красного вина.

Ирэн Кавэллан — и владелица кафе, и официантка, и судомойка. Маленькая комнатка, два-три столика, стойка бара — вот и все кафе. Когда-то здесь был небольшой ресторанчик, но содержать его стало накладно, налоги большие, и Ирэн перестала готовить «бретонские фирменные блюда», которые все еще рекламирует вывеска на ее кафе.

— Кофе, пожалуйста.

— Скажите, ваш товарищ из Москвы? — обращается Ирэн к Иву Ле Кальвэ.

— Да, он журналист.

— Я принесу вам кофе в другую комнату. Сюда, пожалуйста.

Рядом с баром комната побольше, несколько столиков, аккуратно покрытых клеенкой. Здесь и подавались те самые «фирменные блюда», которые готовила Ирэн. Она приносит кофе. И кладет на стол советский почтовый конверт с обратным ленинградским адресом.

В этой комнате, рассказала Ирэн, семьдесят лет назад был маленький ресторанчик, единственный в деревне. Его содержала мать Ирэн Леонтина Эллио. Со слов матери Ирэн знает, что здесь столовались постояльцы, приезжавшие на отдых в Логиви, среди них было немало русских. И очень вероятно, что именно здесь, у Леонтины Эллио, частенько бывали Ленин, его мать и сестра...

Викторина Эллио, сестра владелицы ресторанчика в Логиви, вышла замуж за русского художника и уехала в Петербург. И теперь в Ленинграде живет ее дочь, Ирина Кюршнер, кузина Ирэн, с которой она переписывается. А из города, носящего имя Ленина, идут письма в этот дом во французской деревне, где побывал Ильич...

Кафе в таком селении во Франции — это своего рода маленький клуб. Сюда приходят, чтобы повидаться с приятелем, обсудить последние новости. Зашел сюда и учитель Альфонс Марек. С ним коммерсант Луи Перрон и коллега Марека, тоже учитель Луи Ле Бега.

— А ведь это просто здорово, что в Логиви жил Ленин, — говорит Перрон.

— Да, есть чем гордиться деревне. Навсегда она теперь связана с именем великого человека, — подхватывает Марек.

— Я недавно читал толстенную книгу о Пэмполе и его окрестностях, — вступает в беседу Луи Ле Бега. — Ее написал Жан Керлевео. Это доктор теологии, социальных и политических наук и еще, кажется, доктор права. Ему известно, что Ленин жил в Логиви. И знаете, как называет его этот прелат Ватикана? Гигантом, разрушившим российскую империю и создавшим на ее руинах новое государство.

— Теперь с этой страной у Франции связи прочные. Это чувствуется и в нашем кантоне. Вы слышали? Недавно в Пэмполе открылась франко-советская фирма по продаже советских тракторов. Так нашим крестьянам эти машины пришлись по душе. Говорят, хорошо отвечают местным условиям...

— А мне довелось видеть советские плавучие заводы по переработке рыбы, — говорит Луи Перрон. — Отличная техника.

— Что ни говори, люди у нас рады развитию франко-советских отношений. Может, и нам удастся когда-нибудь съездить повидать страну Ленина, а?

— Я в это твердо верю, господин Марек, — говорит Ив Ле Кальвэ.

...За стеклами автомашины остались последние дома Логиви. Вот по этой же дороге семьдесят с лишним лет назад ехал, наверное, в попутной повозке человек, которому суждено было стать создателем нового мира.

Вновь невольно перебираешь в памяти только что прошедшие встречи, новые знакомства с французами — жителями Бретани. И думаешь о том, как все же бесконечно дорого сегодня простому человеку любой национальности все, что связано с именем «великого русского» — В. И. Ленин.

Швеция

КАК НАЙТИ НАРУШИТЕЛЯ

Десять миллионов тонн нефти ежегодно сбрасывают в океаны нефтеналивные суда. Нефть растекается жирной пленкой по огромным водным просторам. Гибнут морские животные. Погибают перелетные птицы — не чуя беды, они садятся на воду, а взлететь уже не могут, нефть склеивает их оперение.

Как же обнаружить виновников? Какой именно танкер сбросил остатки нефти в океан? Очень трудно, но не невозможно. Шведские ученые из управления защиты окружающей среды предложили простой, но действенный способ.

После того как судно разгрузится в порту, в оставшуюся после слива нефть добавляют металлическую пудру, состоящую из смеси различных сплавов. Для каждого судна определенный состав и пропорция. Достаточно раз в две недели брать анализы воды из загрязненных районов океана, чтобы по меченым остаткам обнаружить злоумышленников.

Финляндия

КАРДИОГРАММА ПО ТЕЛЕФОНУ

«Ультранс» — так называется устройство, позволяющее врачу следить за работой сердца больного по телефону. Финские специалисты разработали оригинальную систему аппаратуры, которая передает кардиограмму прямо по телефонным проводам.

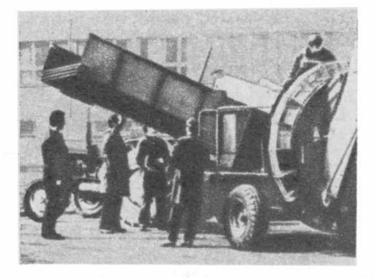
Передатчик, подключенный непосредственно к линии, не мешает пользоваться телефоном как обычно.

Польша

БЫСТРО И БЕЗ ПОТЕРЬ

Новую современную модель картофелеуборочного комбайна начал выпускать польский завод «Пионер». Продукция этого завода, производящего сельскохозяйственный инвентарь, пользуется неизменным спросом на внешнем рынке.

Новая современная картофелеуборочная машина значительно упрощает и ускоряет трудоемкий процесс уборки картофеля. Ежегодно завод будет выпускать 5 тысяч таких комбайнов.



Новый картофелеуборочный комбайн.

Австралия

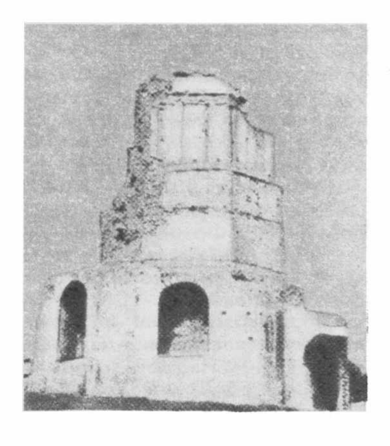
ЛАЗЕРНЫЕ НОЖНИЦЫ

Чем только не занимается лазер — управляет спутником, режет металл, оперирует больных и... стрижет овец. Стрижка овец настолько трудоемкий процесс, что даже электричество ненамного облегчает его. Другое дело — луч лазера. Аппарат, сконструированный в Австралии, в считанные секунды срезает шерсть со шкуры овцы при помощи теплового луча.

«Лазерные ножницы» работают удивительно точно. Программное устройство мгновенно отключает луч, как только он коснется любого вещества, кроме шерсти овцы.

Франция

БАШНЯ, ПОЛНАЯ ТАЙН



Великая башня

Загадочные руины, оставшиеся со времен владычества Рима, найдены археологами в южной части Франции, на окраине города Нима. На вершине холма возвышаются остатки странного сооружения, о котором никто ничего не знает, кроме названия — Тур Магна, или Великая башня.

Сейчас она 92 фута высотой, но можно предположить, говорят археологи, что раньше она была на 30 футов выше. Вершина башни представляет собой площадку, на которую можно подняться по внутренней спиральной лестнице. Отсюда открывается изумительный вид на Ним и его окрестности.

Кто построил эту башню? Для каких целей? Историки и летописцы не оставили никаких упоминаний об этом. По архитектурному стилю это сооружение очень напоминает маяки, строившиеся римлянами по побережью Средиземного моря. Совпадает и дата постройки, вычисленная археологами, — I век до нашей эры. Можно даже сказать, что знаменитый Фаросский маяк в Александрии, известный как одно из семи чудес света, был прототипом Великой башни.

Все совпадает — и время, и стиль, и то, что Ним тогда был самым процветающим городом Римской Галлии (Франция), где римляне построили много необыкновенных зданий. И есть только одно «но»... Маяк удален от моря на 30 миль! Так для чего это сооружение было построено?

Французские ученые пытаются найти ответ на этот вопрос. Возможно, Великая башня была монументальным надгробным памятником какому-нибудь правителю, чтобы слава о нем сохранилась навечно. Но все поглотило время. Как древний сфинкс, ждет она, чтобы ктонибудь разгадал ее тайну.

США

ЛИК ВЕНЕРЫ

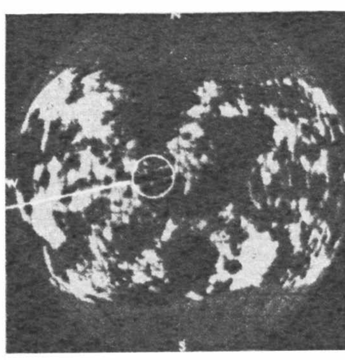
Черты загадочной планеты наконец-то удалось разглядеть сквозь ее облачное покрывало. При помощи радиоволн, пронизавших 13-мильную толщу облаков, всегда скрывающих Венеру от любопытных взоров, американские ученые исследовали рельеф и структуру поверхности планеты. Данные, полученные при радиолокационном зондировании, позволили ученым составить первую карту поверхности планеты, примерно шестой части.

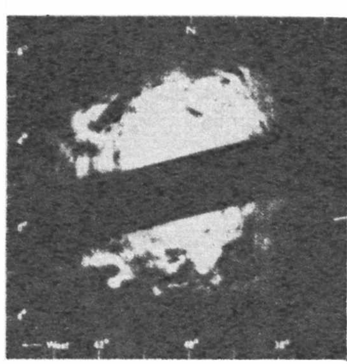
Оказалось, что Венера буквально усеяна огромными неглубокими кратерами. Ширина их — от 33 до 160 километров в поперечнике. Самый большой кратер имеет глубину около 400 метров, а перепад высот — не более 1000 метров.

В чем же причина такого «обмеления» кратеров Венеры? Ведь в ее недрах и сейчас происходят интенсивные вулканические процессы. Возможно, говорят астрофизики, это произошло в результате того, что выход газов на поверхность проходил одновременно с заполнением кратеров лавой. Но это пока лишь одна из гипотез.

Дальнейшее изучение планеты очень важно для понимания многих процессов, происходящих не только на Венере, но и в земной коре. Поскольку сестра Земли, как называют Венеру, значительно моложе, то ее кора подвижнее земной. И те процессы, которые она сейчас переживает, закончились на Земле очень давно.

Более подробные сведения о планете загадок ученые надеются получить 5 февраля 1974 года, когда космический аппарат «Маринер-10» подойдет к Венере на расстояние 5 300 километров. «Маринер-10», запущенный в ноябре 1973 года, следует по трассе Земля — Венера — Меркурий. Приблизившись к Венере, он произведет радиолокацию планеты, при помощи телевизионной аппаратуры сделает снимки и передаст их на Землю.





Вверху: часть поверхности планеты, нанесенная на карту. Внизу: увеличенное изображение таинственной черной полоски, которая «не просвечивается» никакими приборами. Еще один из сюрпризов Венеры.

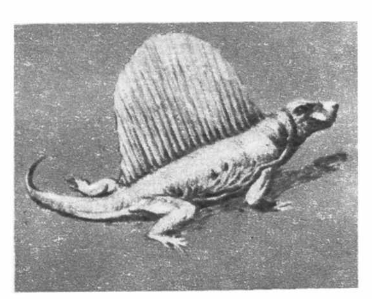
Англия

ЗАЧЕМ ДИНОЗАВРУ «ПАРУС»?

Для обогрева. Ведь это своеобразный аккумулятор солнечной энергии, утверждают английские физики.

Миллионы лет назад в полупустынной области, называемой ныне Техасом, бродил динозавр диметродонт. На спине у него возвышалось странное устройство — не то парус, не то огромное кожаное крыло. Зачем оно было нужно?

Английские физики Брамбелл и Феллгетт изучили окаменевшие останки ископаемого ящера и пришли к выводу, что диметродонт использовал свой «парус» для обогревания — ведь холоднокровные животные не имеют постоянной температуры тела. Ученые рассчитали, что, поворачивая «парус» вслед за солнцем, он мог поднимать температуру своего тела от 26 градусов по Цельсию до 32 всего за 80 минут! А к вечеру, когда становилось холодно, диметродонт вообще отключал кровообращение «паруса», чтобы сохранить накопленное за день тепло.



Так выглядел диметродонт.

Румыния

У САМОГО ЧЕРНОГО МОРЯ

Из окон лабораторий видно море — предмет исследований ученых. Румынский институт морских исследований, хотя и находится в древнем городе Констанце, еще очень молод. Достраиваются аквариумы для акклиматизации рыб, водорослей, бассейны, где испытываются неводы.

— Мы работаем по таким главным направлениям, как океанография, химия моря, предотвращение загрязнения воды, вызванного индустриализацией побережья и развитием туризма, освоение биологических ресурсов Черного моря,— рассказывает директор института Вирджиль Иорданеску.— Черное море — достояние многих государств, поэтому исследования идут в тесном контакте с учеными других стран и особенно Советского Союза.

Основная задача института,— изучив биологическую жизнь моря, дать исчерпывающие ответы на вопросы, где ловить рыбу, когда ловить и чем ловить.

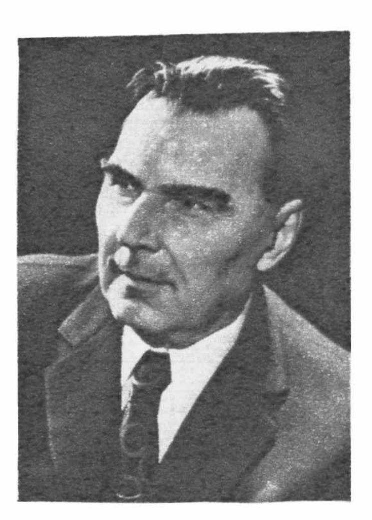
Этим занимается лаборатория промыслового рыболовства. Николае Железку, один из тех румынских специалистов, кто получил образование в Советском Союзе, показывает новый невод, разработанный в институте. На невод идет на 30 процентов меньше материала, чем обычно. Сеть имеет «подъемную дорогу», как говорит Железку, по которой рыба заходит в нее, а выйти обратно не может.

Ведутся в лаборатории исследования и по бессетевому методу лова рыбы: при помощи света, давления, ультразвука. Однако ученых интересует не только, как ловить рыбу, но и как пополнить богатство Черного моря.

Калейдоскоп подготовила
О. ПЕРФИЛОВА.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. Д. СОКОЛОВА

БОЛЬШОЙ ТРУД ПИСАТЕЛЯ



Когда именно запала в сердце Михаила Соколова идея написать роман о русской революции, положившей начало новой эре человечества, о железных солдатах Октября, о создании художественного образа Владимира Ильича Ленина, можно только предполагать.

Одно бесспорно: вся его жизнь, его рабочая родословная, трудовой уклад в доме отца, Дмитрия Соколова, токаря старейшего на юге России Сулинского металлургического завода, одного из первых членов РСДРП в заводском поселке, сохранившиеся в памяти тревожные годы детства, юность, полыхающая в зареве гражданской войны,— вот что вело к творчеству немногословного и впечатлительного рабочего паренька, вступившего в ряды РКСМ.

И, может быть, пройдя все эти университеты, он закономерно оказался у изначальных вех своей будущей дороги писателя.

По окончании Коммунистического университета имени Свердлова в Москве Михаил Соколов на партийной работе — в аппарате ЦК Компартии Туркестана, затем — в Северо-Кавказском крайкоме. Встречи с Розалией Самойловной Землячкой, с Александром Александровичем Фадеевым — редактором отдела партийной жизни ростовской газеты «Советский Юг». Под их благотворным воздействием — первые литературные опыты.

Годы учебы в Инженерно-экономическом институте. Ко времени его окончания в степи, за родным городом, вступил в строй «Ростсельмаш». Соколов — старший инженер.

И тут появляются первые главы романа «Искры», капитального литературного труда, над которым Михаил Дмитриевич работает годы, почти всю свою жизнь.

Перед ним задачи неимоверной сложности. Но я бы сказал, ему повезло: у истоков его литературного крещения стояли Алексей Максимович Горький и Михаил Александрович Шолохов. Соколов послал им сравнительно небольшую рукопись. Откликнулись оба. Поддержали. И в доброжелательных советах отметили удачи, высказали ценные критические замечания.

Роман рождался не просто. Все явственнее и зримей становились главные герои большого, многопланового произведения. Во весь рост встали на страницах революционной эпопеи большевики-ленинцы Лука Матвеич, Илья Чургин, Леон Дорохов, Ольга.

Мы видим, как трудовые люди России, руководимые партией Ленина, штурмуют тысячи преград в жесточайшей борьбе с самодержавием — к свету, к свободе, к счастью, к вещему выстрелу «Авроры».

Особо следует сказать о работе писателя над образом Ленина. В нем воплощены жизнеутверждающие идеалы партии, во имя которых многочисленные соратники вождя — подлинные герои революционного подвига — идут на любые лишения ради интересов трудящихся.

Писатель рассказывает:

— Использованный в романе фактический материал собирался мною на протяжении многих лет. Сюда входило: знакомство с местами, где жил и работал Владимир Ильич, встречи с людьми, близко знавшими его, изучение трудов вождя, мемуаров, архивных документов.

В 1951 году за первые две книги романа М. Д. Соколову была присуждена Государственная премия СССР. В последующие годы вышли третья и четвертая книги.

«Искры» — писательский подвиг М. Д. Соколова. Художник вошел в большую советскую литературу не только как прозаик, но и как автор пьес, как талантливый публицист.

Михаилу Дмитриевичу Соколову — семьдесят лет. Его знают как активного общественного деятеля. Он — председатель Ростовского отделения Советского комитета защиты мира. Восемнадцатый год работает писатель главным редактором журнала «Дон». Михаил Дмитриевич неоднократно избирался в партийные органы, депутатом местных Советов.

Поздравляя своего товарища по писательской организации со славным семидесятилетием, желаем ему крепкого здоровья и новых книг.

Михаил АНДРИАСОВ

Ростов-на-Дону.

ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА

В. ПРИВАЛЬСКИЙ

РАССКАЗ

В ночь на 7 ноября 1918 года ударил легкий морозец — остеклил лужи, украсил деревья легким пушком инея; и солнце поднялось большое и красное, обещая погожий, морозный день.

Владимир Ильич проснулся рано... Сразу встал — он не любил залеживаться — и открыл форточку. Вместе с прохладным воздухом в комнату ворвался веселый гул: москвичи уже вышли на улицу. Где-то пели «Марсельезу», потом послышался «Интернационал», еще какие-то песни, угадывалась медь духовых оркестров, и, словно сердце сегодняшнего праздника, глухо и мерно бил барабан.

«Да, праздник...— чуть ли не вслух сказал себе Владимир Ильич. — Первый юбилей, первая годовщина. Подумать только, год целый прошел! Парижская коммуна прожила всего семьдесят дней, а мы — уже год. Конечно, положение тяжелое, неимоверно тяжелое, но мы выстояли этот год. Рабочим других стран уже будет легче, они учтут наши ошибки, воспользуются нашим опытом и нашей поддержкой.— Владимир Ильич отошел от окна и задумчиво прошелся по комнате. — Что ж, очень может быть, что революция вспыхнет по всей Европе, Венгрия и Германия уже в огне...»

Стараясь не скрипнуть дверью, он на цыпочках вышел в коридор.

В коридоре за тремя аппаратами круглые сутки работали телеграфисты. Тихо постукивали клавиши, медленно ползли серпантины лент.

— Здравствуйте, товарищи! — приветливо улыбнулся Владимир Ильич. — С праздником вас!

У телеграфистов просияли лица.

— Доброе утро, Владимир Ильич! С первой годовщиной!

— От Гусева ничего не было? — уже озабоченно спросил Ленин.

— Нет, Владимир Ильич, пока ничего, — ответил старший телеграфист.

Ленин кивнул и поспешил к кабинету, но у самой двери вдруг повернулся:

— Да, да, первая годовщина! Триста шестьдесят пять дней. А сколько их будет еще, как думаете вы? — обратился он к молодому телеграфисту с маленькими усиками.

— Годовщин-то? — откликнулся тот и почесал макушку. — На нашу жизнь, наверное, хватит.

— А после нас?..

— Владимир Ильич! — даже с укоризной воскликнул телеграфист. — Да ведь Советская власть-то навсегда.

— Вы так думаете? А ведь положение на фронтах трудное, очень трудное. Кому ж об этом и знать, как не вам!

— Все одно, выдюжим!

— Выдюжим? — В глазах Владимира Ильича заплясали веселые искорки.

— Обязательно!

— Ну, и я так думаю.

Он вошел в кабинет, с удовольствием повторяя про себя: «Выдюжим, непременно выдюжим!»

В кабинете было прохладно, как и любил Ленин. Он потер руки, направляясь к большой карте, висевшей на стене, и, наклонившись за указкой, поморщился: раны все еще давали о себе знать. Только ни в коем случае нельзя показывать и виду, ни в коем случае.

Карта была утыкана флажками. Но сейчас его интересовал лишь один из них — Ижевск. Несколько дней назад Сергей Иванович Гусев, член Реввоенсовета 2-й армии Восточного фронта, обещал, что к празднику этот важный опорный пункт будет взят. А ведь Ижевск — это еще и город, в котором находится столь необходимый сейчас оружейный завод...

Он подошел к письменному столу.

Прежде всего — материалы съезда... Да, теперь уже шестого съезда Советов... И хотя сегодня заседания не будет, надо просмотреть тезисы постановления о революционной законности. Вопрос архиважный, у республики есть свои законы, и надо сделать так, чтобы они строжайше соблюдались.

Затем... Выступления на открытии памятника Марксу и Энгельсу, потом у мемориальной доски на Красной площади и сам праздник, парад, демонстрация. Да, великий день!.. Он поглядел в окно, машинально растирая ноющую руку.

На самой середине стола лежали бумаги, а сверху большие ножницы. Ножницы — условный знак: «Бумаги не трогать». Вытащив стопку мелко исписанных листков, Владимир Ильич принялся их просматривать. Это была рукопись еще не завершенной брошюры «Пролетарская революция и ренегат Каутский», над которой он работал последние дни.

На телефоне зажглась лампочка. Владимир Ильич покосился на аппарат: брать трубку или не брать? Очень хотелось записать весьма важную мысль... Лампочка помигала и загорелась опять. Он снял трубку и, не отрывая глаз от рукописи, коротко сказал:

— Да!

— Ну, конечно, так я и знал, что застану вас в кабинете, — послышался в трубке глухой бас.

— А, Яков Михайлович, здравствуйте!

— Здравствуйте, Владимир Ильич! — сказал Свердлов.— Что же это вы нарушаете дисциплину? Праздник, а вы работаете.

— С праздником, дорогой Яков Михайлович! Как вы себя чувствуете? Оденьтесь потеплей, сегодня прохладно. Зайдете за мной? Спасибо, буду готов.

Едва он положил трубку, как лампочка загорелась снова. Говорил Бонч-Бруевич.

Поздравив управляющего делами Совнаркома с праздником, Ленин спросил:

— На улице были?

— Только что вернулся. Погода чудесная, весь город на улицах и порядок полный.

— Очень хорошо. Очень! Да, Владимир Дмитриевич, а где же обещанный календарь? — спросил Ленин.

— Календарь на девятнадцатый год будет, и как будто неплохой. А пока раздобыл я для вас книжную редкость, так сказать, раритет... Маленькая такая книжица, называется «Календарь нового и старого стиля на 1918 год». Издано в Питере типографией журнала «Спорт и фаворит».

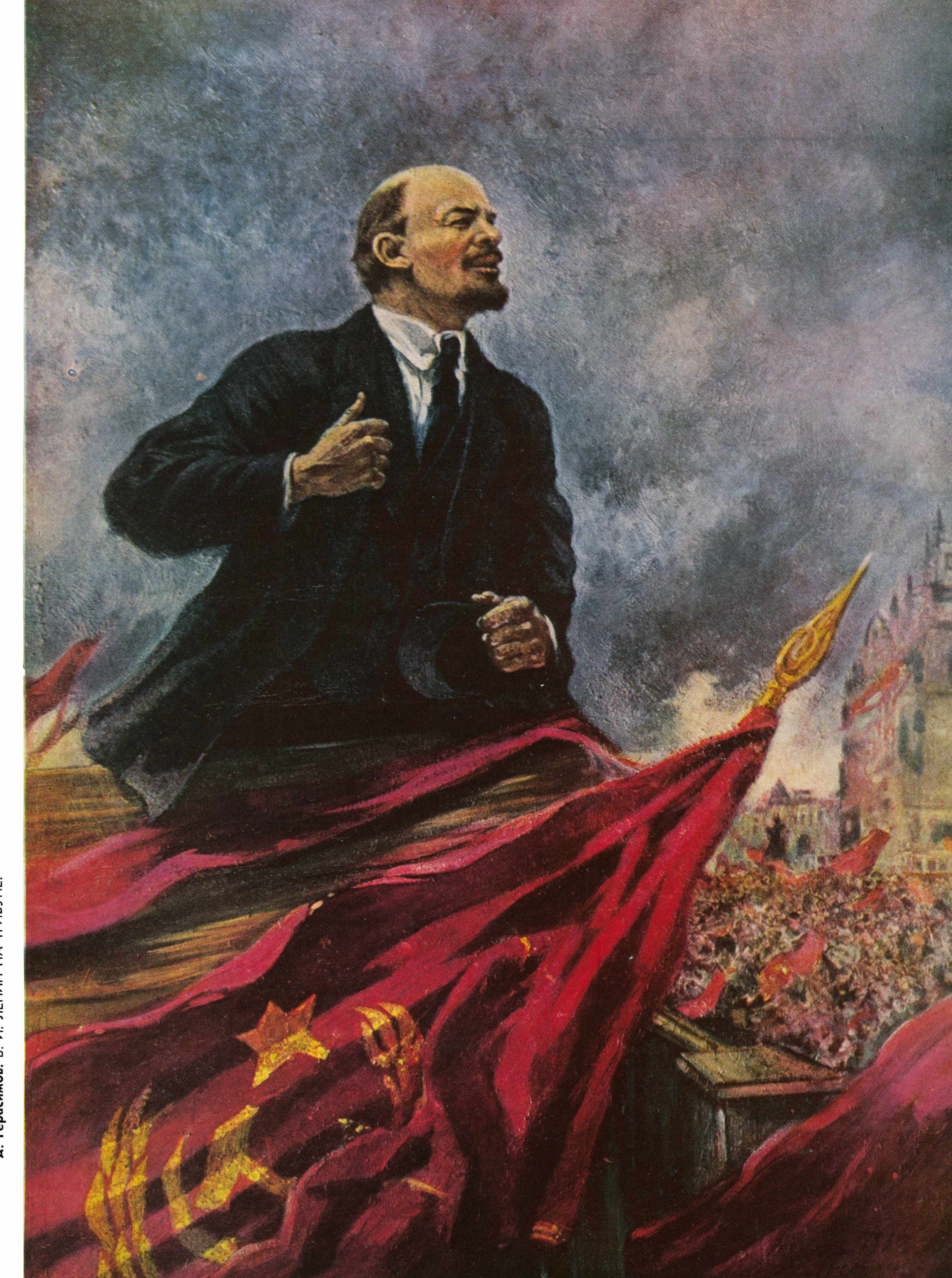
— Как, как?..

— «Спорт и фаворит».

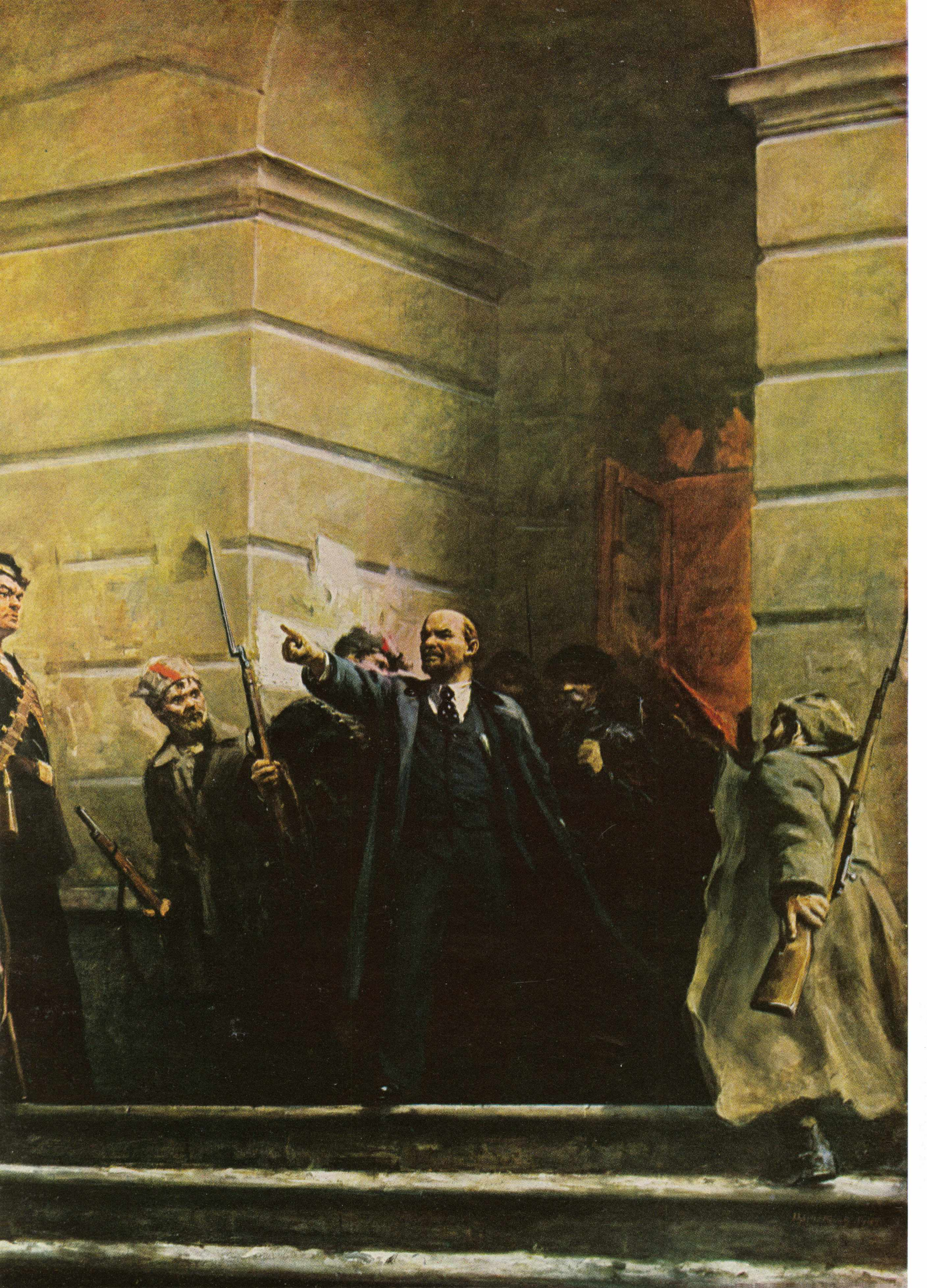
— Впервые слышу. И что же там, в этом календаре?

— А вот послушайте... «25 октября старого стиля, 7 ноября нового стиля. День великомучеников Дмитрия Салунского, Маргиана и Мартирида, праздник Иконы Казанской божьей матери...» А также особо отмечено: «1917 год, социал-демократическая партия большевиков овладела властию в Петрограде».

— Превосходно! «Овладела властию»! И в «Петрограде»! А больше нигде? — Владимир Ильич рассмеялся. — А мы существуем уже



А. Герасимов. В. И. ЛЕНИН НА ТРИБУНЕ.



В. Цыплаков. В. И. ЛЕНИН.

И. Бродский. В. И. ЛЕНИН В СМОЛЬНОМ.

В. Серов, В. Подковырин, Д. Беляев. ВЫСТУПЛЕНИЕ В. И. ЛЕНИНА НА ПУТИЛОВСКОМ ЗАВОДЕ.

С. Герасимов. В. И. ЛЕНИН НА II СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ.

Н. Жуков. ПТИЦЫ ПОЮТ.

В. Серов. ГОРКИ. 23 ЯНВАРЯ 1924 ГОДА.

год и не только в Петрограде! — Сказав в телефон еще несколько слов, Ленин попрощался.

В кабинет заглянула Надежда Константиновна.

— Здравствуй, Володя! Уже работаешь и чаю даже не попил.

— С праздником, Надюша! Я только на минуточку заглянул в кабинет. День-то какой!

Надежда Константиновна с улыбкой посмотрела на мужа.

— Ты сегодня прямо сияешь. Как рука, болит?

— Ни капельки! И почему же мне не сиять? Ведь такой юбилей! Позволь, позволь, по-моему, и ты сияешь не меньше моего.

В столовой хлопотала Мария Ильинична.

— Ну вот,— сказал Владимир Ильич, поздравив сестру,— еще одно сиятельство! — Взгляд его остановился на столе.— Вот так пиршество! — изумленно воскликнул он.— Откуда такие яства?

На белоснежной скатерти стояли тарелки с жареной рыбой, рядом — сливочное масло, варенье, свежий хлеб.

— Забыл? — улыбнулась Мария Ильинична. — Праздничный паек.

— Ах, да! Совсем забыл.

Постановлением Моссовета на 7 ноября всем гражданам, без различия категорий, решено было выдать два фунта хлеба, два фунта рыбы, полфунта масла и столько же кондитерских изделий или варенья, а всем детям от двух до пятнадцати лет — бесплатный обед. Пришлось, что называется, поскрести по сусекам.

Вошел Свердлов, невысокий, черноволосый, в неизменной кожаной куртке, в пенсне на шнурочке.

— С праздником!

— Яков Михайлович, чаю, бутерброд? — предложила Надежда Константиновна.

— Спасибо, завтракал!

...Внизу уже ждала машина.

— Что за ерундистика! До Дома союзов два шага — и машина! — воскликнул Владимир Ильич. — Пойдемте пешком? — В голосе его послышалась просьба.

— А пешком вас не пропустят часовые, — напомнил Свердлов. — Постановление Оргбюро. После покушения, знаете ли...

Все четверо уселись в машину. Владимир Ильич с жадным любопытством оглядывал улицу. Охотный ряд... Его еще вчера грязные лавки неузнаваемы: расписанные, словно пряничные домики, с палисадниками и яркими солнцами подсолнухов, превратились в какой-то сказочный городок. На «Метрополе» — гигантское полотно, на нем изображен рабочий со «светильником знания», деревья в сквере перед Большим театром окутаны лиловой кисеей, дорожки окрашены в серебристый цвет.

И всюду — красные флаги, флаги, флаги, серпантин лент и красной бахромы.

Машина выехала на площадь Революции. И тут все расцвечено флагами, а на здании бывшей Думы красовалось огромное панно художника Герасимова: пахарь с золотым поясом пшеницы и румяными плодами. А внизу колыхалось человеческое море. Посреди площади, прикрытый полотном, стоял временный памятник Марксу и Энгельсу.

После окончания митинга на площади Революции Ленин направился на Красную площадь.

Владимир Ильич вдыхал морозный воздух, радуясь царящему вокруг веселью. Он бы с удовольствием затерялся вот в той толпе у Александровского сада, где оркестр играл «Смело, товарищи, в ногу» и пели люди с красными бантами. Но его увидели, и сразу раздались возгласы «Ура!», «Да здравствует товарищ Ленин!».

Приветливо помахивая рукой, изредка прикасаясь к шапке, словно салютуя людям, Владимир Ильич направился к многоступенчатой красной трибуне, возле которой стояли делегации со знаменами... На мгновение его взгляд задержался на лозунге: "Не сдадимся! Выдержим! Победим!" «Превосходные слова!» — подумал Ленин, вспомнил утреннее «Выдюжим!» и улыбнулся.

Подойдя к закрытой красным атласом мемориальной доске, он снял шапку и срезал печать. Красная завеса упала. Оркестр заиграл марш.

Хор голосов все множится, и вот над площадью раздается тысячеголосое: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»

На барельефе работы Коненкова — белокрылая фигура женщины с пальмовой ветвью в руке и надписи: «Октябрьская революция» и «Павшим в борьбе за мир и братство народов».

— Товарищи! — произнес Ленин, и на площади воцарилась тишина. Только плещутся колеблемые ветром флаги. Люди, стоящие на противоположной стороне, у Торговых рядов, поднимаются на цыпочки, чтобы лучше видеть вождя.

— Почтим же память октябрьских борцов тем, что перед их памятником дадим себе клятву идти по их следам, подражать их бесстрашию, их героизму. Пусть их лозунг станет лозунгом нашим, лозунгом восставших рабочих всех стран. Этот лозунг — «победа или смерть».

Мгновение над площадью стоит тишина, а потом она взрывается криками «Победа или смерть!», «Да здравствует товарищ Ленин!» и мощным «Ура!».

Это «Ура!» служит как бы сигналом к началу парада.

Бойцы в старых шинелях, папахах и фуражках, но все как один с красными бантами на груди, с винтовками за плечами, гордо стараясь держать строй, проходят мимо трибуны. За пехотой следует пестрый строй кавалерии, с тяжелым грохотом проезжают пушки.

Сзади на пушки уже напирают колонны демонстрантов.

В эту первую годовщину социалистической революции все фабрики и заводы соревновались в праздничном оформлении. Над рядами демонстрантов вырезанные из фанеры фигуры грузчиков, согнувшихся под тяжестью ноши, печатники за своими станками; пекари несут огромный, увы, бутафорский, калач. Всеобщее веселье вызывают плакаты футуристов — фигуры, составленные из синих квадратов, треугольников и кривых линий.

Появились телеги, а на них — крестьянки и солдаты в цепях, сзади Свобода — в цепях разорванных. Это идут ткачи с «Трехгорки».

— Да здравствует Красная Пресня! — приветствует Владимир Ильич и взмахивает шапкой.

Медленно ползут грузовики, превращенные в цветочные клумбы, из-за цветов выглядывают румяные от волнения ребячьи лица.

Владимир Ильич оживленно машет детям рукой.

...Домой Владимир Ильич вернулся только к вечеру. После обеда захотелось вздремнуть, но, полежав полчаса, он поднялся и пошел в кабинет. В коридоре его остановил старший телеграфист:

— Владимир Ильич! Телеграмма от командующего Второй армией.

— Ижевск? — живо откликнулся Ленин.

— Взят нашими войсками! — радостно выговорил тот.

— Вот это праздничный подарок. Давайте сразу ответим.— И, прохаживаясь по коридору, он начал диктовать: — Приветствую доблестные красноармейские войска, взявшие Ижевск. Поздравляю с годовщиной революции. Да здравствует социалистическая Красная Армия!

...В кабинете Ленин снял трубку и позвонил Дзержинскому.

— Феликс Эдмундович! Приятное известие: Ижевск взят. Да, да, только что я поздравил красноармейцев и с победой и с праздником. Что? Вечер в ВЧК? Обязательно, Феликс Эдмундович, и с удовольствием. Заедете? Что это все за мною заезжают, нет того, чтобы предложить прогуляться, подышать воздухом. Ну, хорошо, хорошо, подчиняюсь.

...Клуб ВЧК на втором этаже дома № 13 на Лубянке был переполнен, и все присутствовавшие нетерпеливо посматривали на рассаживающихся членов президиума.

И вот наконец вошел Ленин. Владимиру Ильичу не сразу дали говорить: аплодисменты и возгласы долго не смолкали. А Ленин, не раз укоризненно показывавший на часы, вглядывался в лица: тут и пожилые люди, кадровые рабочие, но немало и молодежи, почти юнцы — у этих глаза горели восторгом. Большинство в гимнастерках, иные в пиджачках, косоворотках.

«Всем нам сейчас тяжело,— думал Ленин, — а этим, пожалуй, тяжелее всех. Сказать им радостное... Нет, не те это люди, которые нуждаются в конфетке».

И он заговорил... об ошибках.

— ...Не только от врагов, но часто и от друзей мы слышим нападки на деятельность ЧК. Тяжелую задачу мы взяли на себя. Когда мы взяли управление страной, нам, естественно, пришлось сделать много ошибок и естественно, что ошибки чрезвычайных комиссий больше всего бросаются в глаза. Обывательская интеллигенция подхватывает эти ошибки, не желая вникнуть глубже в сущность дела.

...Маркс говорил: между капитализмом и коммунизмом лежит революционная диктатура пролетариата. Чем больше он, пролетариат, будет давить буржуазию, тем бешенее будет ее отпор... Для нас важно, что ЧК осуществляют непосредственно диктатуру пролетариата, и в этом отношении их роль неоценима. Иного пути к освобождению масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров,— нет. Этим и занимаются ЧК, в этом их заслуга перед пролетариатом.

Ленина долго не отпускали, и самому ему хотелось послушать концерт, но надо было возвращаться — на письменном столе его ждали листки неоконченной брошюры.

— Я вас провожу,— сказал Дзержинский.

— Опять на машине?

— Да уж пройдемте пешком,— улыбнулся тот.

Они вышли на Лубянку, и Владимир Ильич поглядел на звездное небо...

— Чудесный был день! — обратился он к спутнику, взяв его под руку.

— Да, праздник... Вступаем во второй год новой эры.

Они повернули к Лубянской площади. Сзади, в отдалении, двигались двое... Ленин вздохнул и сделал вид, что не замечает их.

— Ну-с, что слышно по части заговоров? — спросил он.

— Есть,— коротко ответил Дзержинский.— И еще будут, не зря же вы сегодня говорили о бешеном сопротивлении буржуазии.— Он вынул из кармана свой любимый мундштучок, повертел в руках, но закуривать не стал, зная, что Владимир Ильич не переносит табачного дыма.— Ничего, справимся.

— Справимся? А сегодня я, знаете ли, услышал чудесное слово: выдюжим. Очень мне нравится. А?

— Да. Выдюжим. Хорошо сказано.

— Что в Сибири?

— Это вы о Колчаке? Есть сведения, что он намеревается провозгласить себя «верховным правителем».

— Ну-с, и что вы думаете по этому поводу?

— Причинит он нам еще немало хлопот. Но — выдюжим.— Дзержинский улыбнулся.

— Выдюжим! — снова подхватил это слово Ленин.— Сегодня я как-то особенно в этом утвердился.

...В полночь Владимир Ильич на цыпочках, чтобы не разбудить домашних, прошел из кабинета в свою комнату. На столе прикрытый салфеткой ужин: бутерброды с маслом, кусочек рыбы, блюдечко с вареньем. «Ах, хорошо бы горячего чаю»,— подумал он. Словно подслушав его мысль, вошла Надежда Константиновна со стаканом чая.

— И даже с лимоном! — обрадовался Владимир Ильич.— Откуда сей диковинный плод?

— Сама не знаю. В кухне нашла. Кто-то положил на стол.

Уже лежа в постели, под любимым, подаренным матерью пледом, он подумал: «Вот и начался новый год новой эры. Какой-то она будет — новая эра?»

И еще подумал: «Похоже, откроется новый фронт». Но тут же перед глазами неожиданно всплыло задорное лицо усатенького телеграфиста и вспомнился утренний разговор... «Выдюжим!»

С этой мыслью он уснул.

СТРАНИЧКА ВОСПОМИНАНИЙ

Все в отеле «Ривьера» было так же, как пятнадцать лет назад,— огромный светлый холл с мягкими диванами и креслами, причудливые, отливающие золотом светильники на стенах. Только не было здесь прежней сутолоки, неумолчного гула голосов, как в первые дни кубинской революции, когда я прилетел сюда и когда здесь собирались на пресс-конференции сотни журналистов, фоторепортеров.

Я прошелся по холлу, пытаясь вспомнить, в каком зале была первая пресс-конференция Фиделя Кастро. И нашел. Да, да, это тот самый зал. Только сейчас здесь стоят столики, а в тот день были ряды стульев. Там стояла трибуна и стол президиума. Вокруг сцены вооруженная охрана. Из этих дверей появился Фидель с тяжелым автоматом на плече. Фидель встал на трибуну и не сходил с нее пять часов. Он ответил на сто вопросов. Особенно усердствовали американцы.

— Ваше правительство выиграло войну, но многие в Соединенных Штатах опасаются, что вы проиграете мир...

— Я не вижу причин,— отвечал Фидель,— из-за которых можно бояться, что мы проиграем мир. Хотя это тоже возможно, если учесть те камни, которые бросают на нашем пути. Но если нас оставят в покое, то с поддержкой народа мы завоюем экономическую и политическую независимость, хотя это вопрос нескольких лет...

ГОРЕК БЫЛ САХАР КУБЫ

Прошло 15 лет с тех первых горячих дней революции. И снова я на Кубе. Еду на восток страны на голубеньком «Москвиче». Рядом со мной Хесус Армас, которого попросту называют Чучо.

Наш «Москвич», обдаваемый тропическим жаром, мчится по дорогам Кубы. За окном проносится багряная земля. «Остров земли багряной» — вспоминаются мне слова из песни. От этого красного цвета зелень сахарного тростника, зелень веерных пальм кажется ярче.

Когда дорога пролегает среди полей сахарного тростника, машина наполняется ароматом патоки. Не зря говорят, что здесь даже воздух сладкий.

До чего же богата кубинская земля! На ней можно собирать

Василий ЧИЧКОВ

ОСТРОВ ЗЕ

по три урожая в год, пастбища зеленеют зимой и летом. Тут растут бананы, ананасы, апельсины, сахар, картофель, рис. Этот перечень мог бы занять целую страницу.

И несмотря на это, до революции только 40 процентов населения могло потреблять в пищу мясо. На Кубе было 200 тысяч безработных, 500 тысяч кубинцев имели работу всего 3—4 месяца в году. Скрытое нищенство было, пожалуй, самым распространенным явлением.

Чучо негромко напевал какую-то песню. Иногда он вынимал сигару, откусывал острый ее конец, выплевывал в окошко, как-то очень ловко, не отпуская руля, зажигал спичку и прикуривал.

Чучо сорок два года. Он относится к тому поколению кубинцев, которые хорошо помнят все, что было до революции. Он знает цену нынешнему времени. Мир, который проносится за окном автомобиля, для него отчетливо делится на два: «до революции», «после революции».

— Эта фабрика построена после революции,— говорит Чучо, показывая на здание у дороги и тем самым подтверждая ход моих мыслей.— Тот мост тоже построили после революции.

ПОСТРОЕНО РЕВОЛЮЦИЕЙ

Чучо вдруг сбавил скорость. Свернул на обочину и остановил машину.

На огромном синем щите, установленном на двух столбах, написано: «Все, что вы увидите впереди, построено революцией».

Мы поехали по узкой асфальтированной дороге. Вскоре появились одноэтажные домики, похожие на маленькие, опрятные особнячки. Здесь размещалось правление цитрусового госхоза.

В холле одного из таких домиков нас встретил Франциско Лопес, заместитель директора госхоза — молодой человек в роговых очках, совсем непохожий на крестьянина. Его скорее можно принять за ученого или за директора современного завода.

— Несколько лет назад я окончил экономический факультет Гаванского университета,— сказал Франциско в ответ на мой вопрос.— Я выходец из крестьян, дорогу в университет открыла мне революция.

Мы выпили по стакану прохладного апельсинового сока.

— Раньше Куба производила апельсины только для внутреннего рынка,— продолжал Франциско.— Сейчас мы хотим поставить это дело на государственную основу. Революция дала нам такую возможность. Мы очищаем от камней участки ранее пустовавших земель. Это под силу крупному хозяйству с мощными тракторами. На этих землях сажаем апельсиновые деревья. За пять лет наши плантации увеличились втрое. В морских портах мы построим холодильники и выйдем на мировой рынок.

Неширокие асфальтированные дороги проложены по землям госхоза. Чучо, который боязливо тронулся в путь, опасаясь, что его «Москвичу» придется трястись на ухабах, с удовольствием поглядывал на ровный асфальт.

Удивительное зрелище раскрывалось вокруг. На десятки километров тянулись плантации апельсиновых деревьев. Они посажены ровно по ниточке. Багряная земля между ними тщательно обработана. Ветви деревьев усыпаны спелыми желтыми, а иногда почти красными плодами.

И вдруг среди этих нескончаемых полей — четырехэтажное здание.

— Школа имени Гагарина,— объявил Франциско.

Когда мы вошли в школу, была перемена. По коридорам чинно, с достоинством прохаживались ученики — мальчики в голубых рубашках и синих брюках, девочки в голубых кофточках и синих юбках.

...И я вспомнил, как пятнадцать лет назад проезжал по дорогам этого края. Асфальт был плохой, и нам то и дело встречались мальчишки, добровольно засыпающие выбоины на шоссе. Когда мимо них проезжала машина, ребята снимали шляпу и терпеливо ждали вознаграждения. Кажется, что это было в какую-то другую эпоху, в другой стране. Нет! Именно здесь, рядом, на соседней дороге, 15 лет назад.

— В нашем хозяйстве уже одиннадцать таких школ,—сказал Франциско.— Мы их называем школы в поле. Обучение и питание бесплатное, все ученики ежедневно работают по три часа.

Мы поднялись по лестнице на четвертый этаж. Навстречу нам бежали ребята. Мулаты, негры, белые. Извечный вопрос об отношениях между черными и белыми на Кубе снят с повестки дня.

Сверху открылась широкая панорама. Среди апельсиновых плантаций вдалеке друг от друга возвышались здания школ.

— Здесь работают две тысячи восемьсот рабочих,— пояснил Франциско,— и сто двадцать техников. Они живут вон там.— И он показал рукой куда-то вдаль, где виднелись каменные четырехэтажные дома...

— Но есть еще и частники,— вмешивается в разговор Чучо.

— Значит, не все крестьяне хотят трудиться коллективно?—спросил я.

— Как вам сказать! — Франциско задумался.— Большинство крестьян живут в старых лачугах потому, что мы не можем их пока переселить в большие дома. Но есть и такие, в сознании которых еще прочно держатся слова «моя земля». У нас ведь тоже не просто было в период коллективизации. Мы не применяем к крестьянам никакого насилия. Даем квартиру в доме со всеми удобствами. Выплачиваем компенсацию за землю. Крестьяне, которые держатся за свой участок, рано или поздно все равно придут к нам, в этом я убежден,— заключил Франциско.

Чем больше он говорил, тем сильнее поражал меня не только знанием проблем, но и размахом своих суждений. От рассказа о судьбе крестьянина он переходил к обобщениям, смело говорил о будущих планах развития всего сельского хозяйства Кубы. Значение частного сектора в сельском хозяйстве резко падает. В 1962 году на долю частников приходилась почти половина посевов сахарного тростника. В 1971 году они занимали только одну седьмую. А сейчас и того меньше.

Страна прочно встала на путь индустриализации сельского хозяйства. Созданы госхозы с огромными земельными угодьями. Руководят ими образованные люди. Дело ведется с учетом опыта других стран, с использованием лучших достижений мировой практики. Два мощных комбината по производству удобрений в городах Сьенфуэгос и Нуэвитас окажут уже в ближайшее время неоценимую помощь сельскому хозяйству Кубы.

Я слушал Франциско и поражался, насколько же быстро революция меняет жизнь людей, их облик, взгляды. Кубинские крестьяне шли в отряды Фиделя Кастро, чтобы драться за землю. Земля была главной их мечтой. Они выиграли эту битву и были счастливы, получив землю из рук революционного правительства. Но вот прошло 15 лет, и люди отдают свои наделы государству, предпочитая работать сообща.

Франциско привез меня к рабочим госхоза. Здесь только что кончился обед.

Я приглядывался к лицам людей. Можно было без труда выделить тех, кто постарше, кто прошел тяжелый крестьянский путь. Но в глазах этих людей не было печали, они смотрели весело и, я бы даже сказал, молодо.

— Позвольте узнать ваше имя?— обратился я к одному из таких крестьян.

— Александро Бентанкур.

— У вас была своя земля?

— В прежние времена я арендовал участок у помещика и отдавал ему за это одну треть урожая. После революции получил землю по аграрной реформе. Ну, думал, уж лучше этого ничего быть не может. А оказывается, бывает лучше! Живу в новом доме. Все есть. Дети бесплатно учатся в интернате, получаю зарплату — сто шесть песо в месяц. За землю компенсацию дают двадцать три песо ежемесячно. Пенсия под старость обеспечена.

— Верно говорит Александро! — с разных сторон послышались голоса.— Что один сделаешь на клочке земли? А на наших полях — вон какая техника!

И когда рабочие, стоящие передо мной, наперебой говорили о делах госхоза, о технике, об аграрном образовании, об удобрениях, о бесплатных школах, было ясно, что эти люди уже не принадлежат к тому, прежнему, забитому и темному кубинскому крестьянству. Это говорил новый человек Кубы. Он грамотен, он хорошо знает проблемы своей страны, он уверен в будущем.

И не об этом ли мечтали кубинские крестьяне, когда с самодельными ружьями шли в отряды Фиделя Кастро, чтобы совершить революцию в своей стране?

ГОРОД СТА ОГНЕЙ

«Сьенфуэгос» в переводе на русский «сто огней». Возможно, когда-то моряки увидели здесь сто огней или сто костров индейцев. Люди издревле селились на берегах бухты, огражденной от бушующего моря подковой гор.

В окрестностях Сьенфуэгоса раскинулись плодородные земли, на которых высокой темно-зеленой стеной стоит сахарный тростник.

Жизнь города всегда определяли владельцы богатых «сахарных» земель и заводов. Наверное, в Сьенфуэгосе больше, чем в других кубинских городах, было роскошных особняков, всевозможных ресторанов и клубов. Вступительные взносы в некоторые клубы достигали тысячи долларов.

Были общества не столь богатых людей, но обязательно белых. Существовали общества мулатов, куда не могли вступить негры. Участь негров была особенно тяжкой.

Я поглядываю на Чучо, который неторопливо ведет машину по улицам Сьенфуэгоса. В руке у него неизменная сигара. Он сидит за рулем по-хозяйски, чуть откинувшись назад. И я не могу представить этого спокойного, уверенного человека отступающим перед табличкой «Черным вход воспрещен».

Чучо вывел машину на окраину города, откуда можно было окинуть взглядом весь Сьенфуэгос.

Огромной бетонной чашей поднимался над городскими постройками стадион на 30 тысяч зрителей. Рядом с ним — школа учителей, где обучаются 1 200 юношей и девушек. Новое здание техникума по своим размерам и красоте не уступает школе учителей. Неподалеку современный жилой массив. Многоэтажные дома с веселыми разноцветными балкончиками.

Чучо слегка дотронулся до моего плеча и взглядом показал на новые здания. Когда я впервые приехал на Кубу, ничего этого не было. Сейчас в глаза бросался склад для хранения сахара, напоминающий огромный ангар. Рядом городская теплоэлектростанция. Ее трубы, словно жерла мощных пушек, устремлены в небо. А дальше серебряные шары завода азотных удобрений.

— Я могу сказать,— произнес Чучо, когда мы сели в машину и поехали на завод,— за пятнадцать лет революции в этом городе построено больше, чем за все сто пятьдесят лет его существования.

Вскоре мы увидели большой плакат. На испанском, английском и русском языках было написано: «Добро пожаловать в промышленную зону».

Современные заводы: азотных удобрений, цементный, завод по

МЛИ БАГРЯНОЙ

Вот они, люди новой Кубы.

Фото Л. Шерстенникова.

изготовлению проволоки — построены в удивительно короткие сроки.

На заводе азотных удобрений нас встретила девушка-мулатка в синем комбинезоне и защитном шлеме.

— Анхель Валдес, техник,— отрекомендовалась она.

Анхель показала нам макет завода.

Закончив объяснение, она положила указку на подоконник и, обведя рукой весь макет, сказала:

— Этот завод, как и соседний с нами цементный завод, построен коммунистической бригадой.

— Сколько человек было в этой бригаде?

— Полторы тысячи!

— Когда на Кубу приехали английские инженеры,— продолжала Анхель,— они сказали, что строительство завода может быть осуществлено за семь лет. Семь лет — огромный срок! А нашему сельскому хозяйству нужны удобрения. Было выдвинуто предложение создать коммунистическую бригаду из добровольцев. На этот призыв немедленно откликнулись сотни рабочих из разных городов Кубы. На удивление англичанам, завод был построен за три года.

— Жилые дома, которые мы видели там, на горе,— сказал Чучо,— тоже сами строили. Из большой коммунистической бригады рабочие выделили микробригаду — тридцать три человека. Такие микробригады организованы сейчас на всех предприятиях республики.

Сознание человека меняется,— продолжал он.— Куда бы я вас сейчас ни привез, везде это увидите. Даже на складе сахара. До революции люди боролись против строительства этого склада и против механизированной погрузки сахара. А сейчас другое дело.

— Это почему же?—не понял я.

— Сами увидите!

Мы попрощались с Анхель и поехали к огромному, как ангар, зданию с полукруглой серебристой крышей. В нем помещается 90 тысяч тонн сахара. К складу подходят железнодорожные пути. По одному транспортеру сахар подается в склад, а по другому — в трюм корабля, который находится под погрузкой всего 10 часов.

Мы нашли директора склада Менендеса. Человек он уже пожилой, в прошлом рабочий.

— Скажите,— начал Чучо,— верно, что прежде рабочие боролись против механизированной погрузки сахара?

— Верно,—ответил Менендес,— потому что машины у нас работу отнимали. Четыре месяца мы рубили сахарный тростник, а восемь месяцев слонялись в поисках работы. А на погрузке корабля обычно сто грузчиков работали десять — двенадцать дней. Теперь другое дело. Хочешь — работай на фабрике, хочешь — на заводе. Жизнь изменилась, компаньеро!

Менендес улыбнулся. Улыбка у него открытая, светлая. Чувствовалась в этом человеке твердая вера в будущее своей страны, в то, что Куба никогда не свернет с социалистического пути. Эту веру в светлое будущее Кубы я встречал у разных людей, в разных уголках страны. И часто я видел на дороге плакаты: «Остров Куба может утонуть в Карибском море, но он никогда не достанется врагу».

Гавана — Москва.

Семен ДАНИЛОВ

СИЯНЬЕ ВОЛЬНОЙ СИНЕВЫ

ПАСТУХ

Он пришел.
Он вышел из гущи пурги.
Он пришел.
На суровых камнях Колымы
Злые духи ревели.
И собака-вожак,
Как над мертвым,
У ног моих выла.
Он пришел,
Когда в поле
Я, сгорбясь, стоял
И не знал,
Где стою я.
Он пришел,
Как волшебник
Из племени добрых людей,
Который всегда приходил,
И снова —
пришел.
Красивый,
Отважный,
И мерещились
Горы и реки
За плечами его.
Как давно уже день тот угас!
И растаяло много снегов.
И дни,
Отражая иное,
Своим потекли чередом...
И все ж
Я еще не забыл,
И
Никогда не забуду
Тот день
И того человека.
Никогда не забуду
Того человека,
Спокойные, тихие,
Серьезные,
Смотрящие прямо глаза.
Того человека
по-колымски
Раздумчиво льющийся,
Прекрасный и ровный,
Слегка
Растянутый голос.
...Не забуду
Колымскую землю
С лицом
Того пастуха.

* * *

Нам хорошо
В родных местах.
Мы ни о чем судьбу не просим.
С улыбкой светлой
На устах
Стоит в прохладной роще
Осень.
Сияньем
Вольной синевы
Пустых тревог рассеяв смутность,
Моей остывшей головы
Осенняя
Коснулась мудрость.
И ясность —
С зорким этим днем,
И строгость —
В просеках бескрайних,
И трезвость —
В воздухе
Хмельном
От крепких заморозков ранних.

УТРО

Снова зелен мир и розов,
Пенья птичьего раскат,
И под каждою березой
Колокольчики звенят.
Вижу: девушка корову
Гонит медленно на луг.
И, забившись бестолково,
Затихает сердце вдруг.
И такая легкость в теле,
И ни грусти, ни тоски.
Только жаль, что поседели
Эти черные виски.

ДОЖДЬ И РЕКА

Как легок в ливне
Древний шум
Реки,
Подобной небосводу!
Каким весельем
Полнит ум
Вода,
Струящаяся в воду!
Душа
Становится добрей
Среди поющих этих линий,
Когда о нежности
Морей
Реке рассказывает ливень.
И открывают берега
Тайге бескрайней
Под секретом
Ту даль,
Которую река
Всезнающим
Пронзает
Светом.

РОДНОЙ ЯЗЫК

В нем
Полей звенящие выси,
И традиции старины,
И смятенье творческой мысли,
И влюбленных вещие сны.
Снова юный восторг и опыт
У живых истоков его
Слышат сердца жаркого шепот
И бессмертия торжество.

Если зноем жизни соленым
Будешь мучим ты до седин
И однажды
Ртом воспаленным
Ты коснешься речи глубин,

Сразу примешь ты
Силу звонкую
Широко разлившихся вод,
Взор провидца, сердце ребенка
И поймешь времен поворот...
Пусть ума остроту ты выкажешь
На любом языке земном,
Все равно на чужом не выскажешь
То, что выскажешь
На родном.
И, забыв про тревоги случайные,
В роковые мгновенья твои
Не споешь
Свою самую тайную,
Задыхаясь от слез и любви...

Эта радость
Нам с жизнью подарена.
Потому materински велик
И татарский язык — татарину,
И якуту — якутский язык.

ХОМУС *

Хомус —
Губная музыка,
Хомус —
Огонь слетает
С потемневших уст.
К истоку твоему
припасть мне дашь,
И сердце все
смогу тебе отдать я.
Хомус —
Благословенье
И проклятье,
Моей свободы песнотворный страж.

Хомус —
Души коснулся голос бед,
И боль веков
становится напевней.
Гремит хомус
Земли печалью древней
И бурями
былых голодных лет.
Хомус —
Надрыв девических обид,
Я слышу
Голос
девушки влюбленной,
Которая в тоске неразделенной
То замирает,
плача,
То кричит.

Сливаются во мне
И даль и близь.
И я с моей
не слишком звучной музой
Перед дыханьем
вещего хомуса
Робею —
Что хоть в землю провались.
И снова рядом
Клич:
— Аарт-татай!
И чудится
Кровавой брани край.

Хомус —
Клинки свистят
и степь горит.
И сердце сердцу
Правду говорит.

Перевел с якутского В. ШАРГУНОВ.

* Хомус — старинный музыкальный инструмент.

ДО СТАРТА

Лариса ЛАТЫНИНА

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. БЛИОХА.

...Около универмага наш преследователь шмыгнул серым мышонком и остановился метрах в пятнадцати перед «мерседесом». Между лотком с экзотическим товаром: кокосовыми орехами — и табличкой, запрещающей парковаться. Слышно было, как скрипнули тормоза. Почти стандартное кинопреследование. Из маленькой машинки вышел непомерно высокий шофер. Вопреки киностандартам он держал в руках не «кольт» и не передатчик, а обыкновенные сигареты «Астор». Хорошо были видны белые букли знаменитости на темно-золотистом фоне пачки сигарет. Вслед за ним из автомобиля вылез приземистый господин в мягкой серой шляпе. Лицо у него сразу расплылось. Он показывал на нашу машину и что-то говорил шоферу. Тот открыл сигареты, медленно достал одну и уж потом стал исправно хохотать. Зубы у него были редкие, а хохот очень неприятный. Впрочем, другим он сейчас и не мог мне показаться. Если бы этот шофер не был таким высоким... Или если бы у него были те — выпуклые глаза. Тогда я ждала бы того знакомого с детства короткого похохатывания.

Когда я смотрела на кокосовые орехи, я вспоминала важных буддийских монахов на сонной улице Рангуна. Но это так. Пятнышко, которое может не мелькнуть второй раз. Тот смех не забыть. Он умрет вместе с памятью.

— Diese Leute passen ganz und gar nicht. Das ist bloss ein verwahrloses Gesindel [1],— неожиданно сердито сказал Карл.

Я посмотрела на Гейнца, но тот молча ерзал по сиденью.

— А может быть, действительно есть смысл ехать,— тихо и полувопросительно произнес Кожин.

Борисов молчал.

— Я говорю: надо бы тронуться отсюда, Дмитрий Леонидович. Поедут ли они за нами, вопрос. Магазин, знаете ли, ведь и место для провокаций. С нами, понимаете ли, Лариса.

— Верно, верно,— очень скучным голосом ответил Борисов и уже веселее добавил: — Ну, пошли. Все вместе.

Крохотные ручейки покупателей привычными руслами растекались по универмагу. Борисов крепко держал меня за руку и старательно объяснял Гейнцу:

— Сигнал. Звуковой сигнал для автомобиля. Понимаете? Нет. Не обычный сигнал, а музыкальный. Понимаете?

Гейнц покачал головой.

— И именно здесь?

— По возможности. А в чем проблема?

— Это универмаг, господин Борисов, а так как здесь самые разные покупатели, в том числе женщины и дети, сигнал не опробуется. Понимаете ли, шум может обеспокоить. Уж таковы правила.

— Мудрые правила. Людей зря не стоит беспокоить, а, Гейнц? Сигнал купим без проверки.

Мы подошли к отделу, где, по-моему, можно было приобрести весь автомобиль в разобранном виде.

— Какой же сигнал, господин Борисов? (В голосе Гейнца все еще слышалось недоумение по поводу того, что люди, приехавшие в Кельн на тренировку соперников и по прекрасной традиции осмотревшие собор, потом стали совершать нелогичные поступки. Видно, шансы Борисова попасть в реферат, о котором он говорил утром, значительно возрастали.)

— Что-нибудь из южных мелодий.

— Южноамериканских? Бразильскую самбу?

— Можно и самбу.

Пока я пыталась в очередных воспоминаниях уже о бразильском городе Порту-Алегри утопить неприятные мысли, Гейнц оживленно беседовал с продавцом.

Через минуту тот положил на прилавок с десяток безмолвных сигналов.

— Вот и отлично,— обрадовался Дмитрий Леонидович.— Как они... для «Волги»?

Гейнц опять посовещался с вежливейшим продавцом и сказал гораздо бодрее, чем раньше:

— Да, разумеется, подходят.

— Вот деньги, заплатите, пожалуйста, Гейнц. Николай Иванович, не соблазнитесь?

— Нет, знаете ли. Дорого. Да и желания нет выделяться. Вообще сигналы отмирают.

— Доказательно. Ну, а у меня приятель один — большой любитель. И как раз ко дню рождения. Вот вспомнил.

Мне не хотелось спрашивать при Гейнце, какие же у нас планы дальше.

— Вот видите,— произнес Борисов негромко,— и никаких провокаций. Услышали в соборе русскую речь... Решили локально поразвлечься. Проверить наши нервы.

Мы уже спускались, и Дмитрий Леонидович, размахивая сверточком, так и не выпускал мою руку. В «мерседесе» Карл выглядел спокойнее, чем прежде.

Закрыв за мною дверцу, Борисов сказал отрывисто:

— И вы садитесь, Николай Иванович, а мы с Гейнцем подойдем на минутку.

Кожин пожал плечами и очутился сзади меня. Свое удивление да и всю гамму чувств он выражал легким постукиванием ладонью о сиденье: раз-два, раз-два.

Теперь у серой машины стояли четверо. Сначала говорили Борисов и Гейнц, затем отвечал обладатель мягкой шляпы.

Все-таки здесь проходило немало народу: не было слышно ни единого слова. Во всяком случае, там не кричали. Рядом засопел Карл, мотнул головой и включил зажигание.

И как бы по этому сигналу через несколько секунд Борисов и переводчик очутились в машине. Щеки у Гейнца пунцово пылали, а руководитель наш, кажется, был очень доволен.

— Вот такие ананасы,— сказал он, перекладывая пакет с фруктами.— Прошу у экипажа извинения за задержку. Поехали.

Кожин опять постучал рукой: раз-два, раз-два. Я кивнула. И только Гейнц, видимо, продолжая разговор, спросил:

— Значит, вы считаете, что это недоразумение связано с политикой?

Борисов оставил пакет с фруктами в покое и ответил полувопросительно:

— А вы думаете — со спортивным интересом? Ну, считайте так.

— Я перевел все буквально, господин Борисов, как вы и могли судить по ответу. Но если говорить о моем мнении... Это просто невоспитанные люди. К счастью, не они характеризуют лицо этого города. И тем более лицо страны.

— Ну уж к чему сразу — лицо страны... Так... частности. Разные выражения разных лиц,— протянул Борисов.— А знаете, Гейнц, от политики-то вам не уйти. Никуда. В существование Schlaraffenland [2] вы уже не верите, правда? Значит, полеживать и созерцать, пока все само собой образуется, не придется.

— Но, господин Борисов, я и не ухожу от политики. Я хотел бы, чтобы вы согласились с двумя, на мой взгляд, бесспорными положениями. Во-первых, не все в мире является политикой. Во-вторых, далеко не всегда каждый может нести ответственность за ту или другую политику.

— Вот ведь какое дело... Ну, скажем, Гейнц Бюхнер... Конечно, он не ответствен за фашизм, который потерпел поражение через год после рождения этого Бюхнера. Будем считать: это история ему преподнесла подарок. Но вот через двадцать лет, когда в вашей стране десяток молодежных организаций вывешивает портрет Гитлера... Приходит время всем определяться. Правда? Эта самая история, оказывается, потом за подарки тоже хочет что-то получать. Второе... Или у вас это первое? По той же истории... когда-то либеральные профессора говорили о фашистах: просто плохо воспитанные люди. Продолжение известно...

— Но, видите ли, вы апеллируете к ушедшему времени. Я бы даже сказал, эпохе.

— Но та эпоха не сама по себе ушла. Пассивная форма и здесь не годится. И в прошлом и в настоящем!

...Когда мы выехали из Кельна, на нас будто опрокинулось целое озеро. На удивление крупный дождь... А сейчас он уже лениво обмывал крышу машины.

— ...Может быть, я не точно формулирую свои мысли по-русски, господин Борисов...

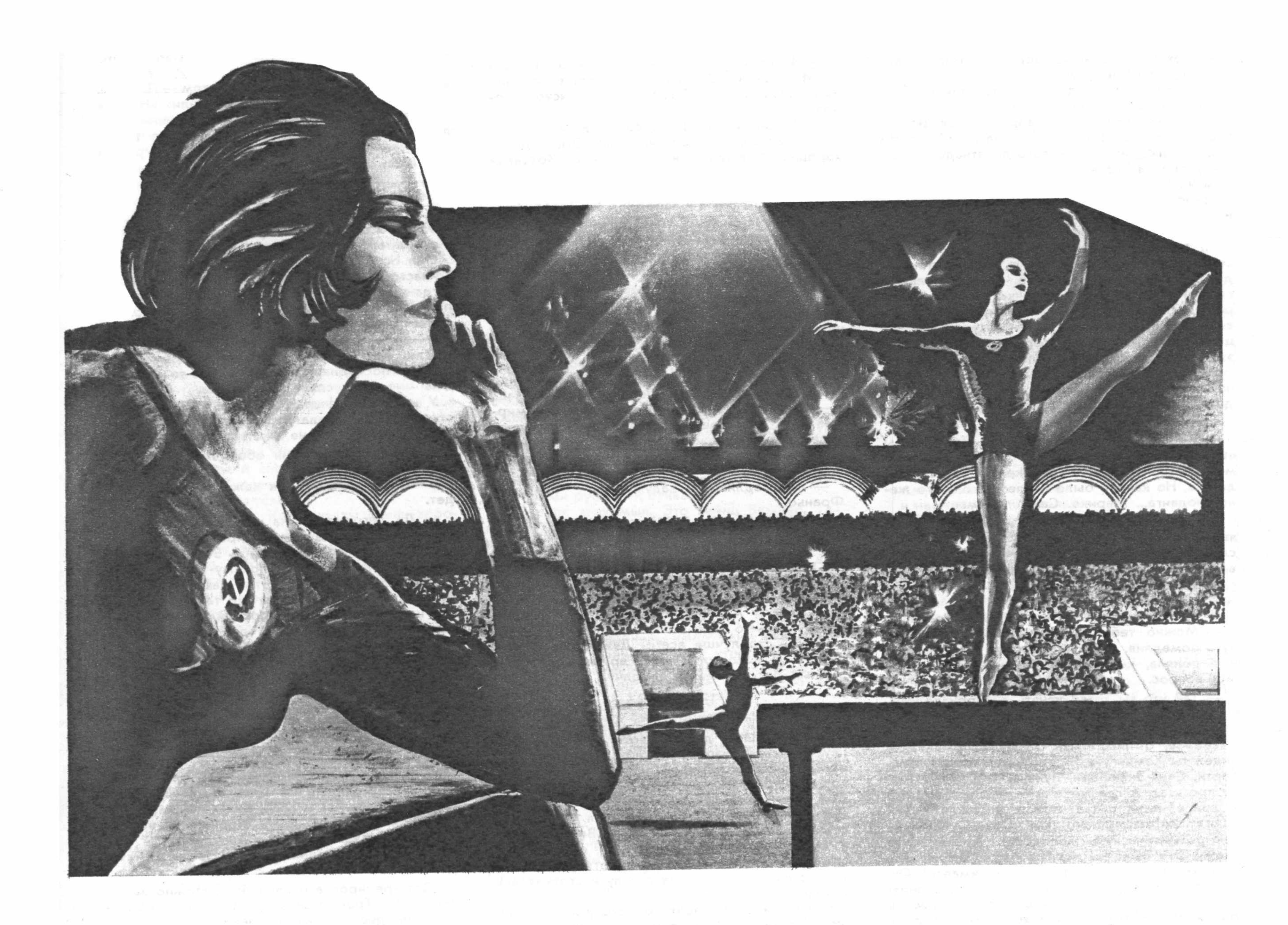
— Так ведь и я не исключаю этого у себя,— рассмеялся Борисов.

Вот мы и у Вестфаллен-отеля. Стоим перед гостиницей. Мигнули подфарники укатившего «мерседеса».

[1] Совсем не подходящие люди. Просто грязные людишки (нем.).

Окончание. См. «Огонек» №№ 1—3.

[2] Сказочная страна сибаритов и лентяев (нем.).



— Не зря жгли валютный бензин, Николай Иванович.

— В целом поездка удачная, Дмитрий Леонидович.

— А детали?

— Давайте сейчас закончим их обсуждение. В экипаже, как вы говорите. Так вот, подходить к ним не стоило. Как видите, Дмитрий Леонидович, я не боюсь во второй раз за день получить упрек в постыдном благоразумии. Согласитесь, однако, есть понятие целесообразности. И вот с точки зрения не эмоциональных оценок, а именно целесообразности подходить не стоило. Мы-то здесь, чтобы выступать. Ну если уж необходимость вынуждает... Вы можете сказать: риск невелик. А я отвечу: бессмысленный. Если бы это помогло команде, поверьте, я бы первый пошел. Ведь наша цель — выступить хорошо.

— Значит, исходя из целесообразности, дать им право хвалиться: «Мы напугали русских»?.. Вы думаете о большом флаге в честь нашей победы. И я думаю, поверьте. Но еще и о маленьком флажке. Как будто он был на нашей машине.

— Метафоричность мышления. Флажок на машине посла — да. Согласен. Но не у всех. И в этом есть смысл!

— Смысл? Да он в том, что мы все послы. Пусть не чрезвычайные, но полномочные.

— Отсюда стремление внештатным агитатором работать с Гейнцем?

— Как говорят литературные герои, факт. Гейнц — это очень важно! Очень.

— Ну, ну...— выжидательно протянул Кожин.

— А вот если мы тебя замучили, Лариса, это действительно нецелесообразно,— сказал Борисов.

— Нет. И три дня впереди. Вот пить хочется.

— И мне. Пойдем раздобудем холодненького.

— Только не пива.

— Ты скажешь! Да разве я буду гимнастке предлагать пива! Тренера могу угостить. Идем, Николай Иванович?

— Если вы разрешите, я к себе. Несколько устал.

Борисов пристально посмотрел на него.

— Раз так, конечно,— сказал он затем медленно,— конечно, отдыхайте.

Кожин вздохнул и ушел.

Наверное, он ругал себя сейчас за споры с руководством. А может быть, и нет. Может быть, кто-нибудь ему сказал, что Борисову нравится, когда с ним не соглашаются? Пожалуй, так. Или все же зря я не очень хорошо думаю о Николае Ивановиче? И стоит ли сейчас вообще о нем думать?

— Вот и кончилось путешествие,— тихо сказала я Борисову.

— Только прервалось...

Когда мы вошли в тот же зальчик ресторана, где в такой шумной компании завтракали утром, он неожиданно оказался пустым.

На стойке блестели и отсвечивали оранжевым цветом свежевымытые бокалы, в углу краснел высокий торшер под медь.

И медленно плыла ре-минорная фуга Баха. Откуда-то сбоку стойки к нам вышел худой и оживленный бармен. Мы уже знали его имя...

— Ну и торжественно сегодня у вас, Ивица. Впечатление такое, что мы попали в филиал Кельнского собора.

Ивица улыбнулся и показал на крайний столик в затемненном углу.

— Специалите!

И тут же из-за столика поднялся человек, которого мы и не заметили... Руководитель югославской делегации Франьо Раселинович. Он шел к нам, чуть косолапя, и на ходу говорил:

— Ах, ребятки. Спасибо, выручили. Представляете, все уехали на прием к швейцарцам. И вот один старик сидит здесь. Литературно, может быть, и красиво, а в жизни... Даже немного похоже на пьянство. Но я тебя сердечно уверяю, Лорочка, ничего подобного... Ничего. Вот разве что сейчас.

Он, как всегда, говорил по-русски правильно, с милым акцентом. Лицо у него куда краснее торшера, и на нем — широкая, добрая улыбка.

— А у нас, Франьо, режим. Ваша программа не принимается.

— Ты тоже будешь выступать, Дмитрий?

— Да. Обязательно. С отчетом. Правда, не письменным.

— Ладно. А все-таки вы у меня в гостях. Ивица, прояви умение. Лора, что же тебе? Какой-нибудь стерильно безалкогольный коктейль? Сок? Кофе? А ты, Митя, получишь хорошую рюмку виньяка. И не спорь. Нас же, югославов, здесь двое.

Он неожиданно помрачнел и добавил:

— А час назад было четверо. Но двоих я выгнал. Усташи.

Ивица скрылся за стойкой.

Когда мы уселись за столиком у торшера поудобнее, Франьо повторил:

— Да. Выгнал. Почему-то мне очень уж везет на подобные встречи. Приятные, так сказать. Вот в прошлом году в Вене... Представляете, я увиделся со своим давним приятелем.

Положим, сейчас он обувной фабрикант. Ну что же? Я-то узнал его еще в Терруэле.

— Вот как,— заметил Борисов, разглядывая поднос,— ты был в Терруэле?

— Спроси меня, где я в Испании не был.

— Знаешь, обязательно спрошу.

— Да, но погоди. Как говорят итальянцы, это хвост не от той кошки... Сначала про Вену. Не видел я Людвига без малого девятнадцать лет. Он успел за это время облысеть, стать богатым наследником и жениться на одной девушке-сиротке. Последовательность, может быть, и не та, но это основные события. Запомните: сиротка — немка. Так... мы идем к нему домой. На Рильке-штрассе. Маленький ужин в семейном кругу... Так вот в этом почтенном доме появляется еще кто-то. Респектабельный старый господин. Это папочка Марики, которая двадцать лет считалась сиротой. Милый сюрприз, а? И еще милее: он натуральный нацист, которого я знал с сорок второго года. И этот господин скрывался почти два десятилетия где-то в Боливии, Парагвае или Аргентине, чтобы явиться в Вену на Рильке-штрассе день в день со мною.

— А твой друг?

— Конечно, Людвиг выгнал его. Точнее, мы выгнали его. Видишь ли, у этого «отца» документы были в полном порядке. Им удается это делать. Но каково было после всего этого жене Людвига... Марике. Сами понимаете...

— Скажите, пожалуйста, ему надо было явиться именно в этот день?— Я пила чуть подслащенную смесь соков, где сильно чувствовался лимонный, и глядела то на седые волосы вдруг замолчавшего Франьо, то на задумчивого Борисова.

— Кофе? — произнес подошедший Ивица.

— Можно тебе на ночь кофе, Лариса? — чуть помедлив, спросил Дмитрий Леонидович, и я поняла, как трудно Франьо ответить на мой вопрос.

— Так что ты хотел узнать о Терруэле, Митя?— Франьо взял с блюдца горсточку миндаля и посмотрел на Ивицу. Тот пошел к стойке.— Наверное, о писателях? Обычно спрашивают: видел ты Хемингуэя, Эренбурга, Мальро, Альберти, Сент-Экзюпери, Лукача, Кольцова? Сразу про всех. А где же мне было всех увидеть? И они обитали там в разных местах и я. Испания... Ее вспоминают по-разному. Многие — как романтическую молодость. А я вот что скажу. Это было последнее место, откуда мы, коммунисты, ушли. Вы меня понимаете? Отступать мы отступали и после этого. Но неизменно возвращались. Кто был там с нами в одной линии, тот получил хороший заряд на всю жизнь. Уж поверьте, на всю жизнь. Только надо было стоять в нашей шеренге. Так о ком же ты хотел спросить?

— Он не писатель, Франьо.

— А кто там числился Гомером?

— Может быть, ты встречал майора Леона? Знал такого? Высокий. Волосы светлые. Не очень светлые. Как у меня.

— Хорошая примета... как у тебя. Точная... Как у тебя.

— Видишь ли, Франьо... Это мой отец.

Голос у Борисова дрогнул.

Я взглянула на Раселиновича, а он привстал со стула.

— Майор Леон. Твой отец. Я-то не встречал его, Митя. Но слышал о нем. Мины, взрывчатка и все такое прочее. Ах, кто бы мог многое рассказать о делах твоего отца в Испании, так это Мирко Древич. Нет уже Древича. В сорок третьем его убили. В Любляне. Извини, Митя, не умею я вспоминать по порядку. Ну, а отец? Он говорил... Рассказывал он тебе что-нибудь об Испании? Ах, жаль, мне не довелось встретиться...

Борисов посмотрел не на Франьо, а на меня.

— Когда отец вернулся, мне исполнилось девять лет. Какие уж тут беседы! Правда, одна была. Летом в Сокольниках. Мы ходили по просекам. Довоенные Сокольники. Какое это было замечательное место! Ребята в футболках, девушки в белых кофточках. Патефон: «Эх, Андрюша». Густая трава. Очень большая. Даже приняв поправку на то, что я был очень маленький,— действительно большая. Мы идем по ней. Вот я сорвал травку. Сжимаешь ее и загадываешь... Ну знаешь: петушок или курочка? Вот Лариса знает.

— Да,— тихо подтвердила я.

Впервые я слышала, как Борисов рассказывает о чем-то своем.

— И вдруг отец поднял меня высоко-высоко. И говорит: «Знаешь, сынок, вот в Испании есть трава, которая называется «мужское слово».

— Красивая трава? — спрашиваю я.

— Крепкая. Главное, крепкая. Этим она и хороша. И люди тоже. И страна. Красивая страна.

...Не так уж часто мне выпадало счастье гулять с отцом. Вот я и запомнил эти слова. Этим и завершилась наша единственная беседа об Испании. Когда началась война, мне было одиннадцать лет. А в сорок четвертом отец мой погиб. Уже в наступлении. Как ты говоришь, Франьо, возвращаясь.

Он посмотрел на меня и добавил:

— Вот так иногда память заставляет взглянуть в «бинокль перевернутый». Очень люблю Симонова... Но вот «все, что сзади осталось, уменьшено»,— этого принять не могу.

— Это ведь по сравнению с войной было уменьшено, Дмитрий Леонидович,— сказала я.— Понимаете, это военные строчки. Про мирные дни. А вот все остальное так и осталось в памяти увеличенным. Нет, это справедливые стихи. И о нашем горем испытанном зрении — правильно.

— Справедливые,— задумчиво повторил Франьо.

— Наверное, ты права,— медленно сказал Борисов.

— Спасибо. Только иногда оно очень уж жестокое, это зрение. И все же мы не хотим его менять. Ни на какое другое. Почему вы молчите, Франьо?

— Почему молчу? Да я знаю, бывает, человеку кое-что надо вспомнить про себя — тихонечко. Это лучше всего. Даже если рядом друзья. И вспомнить тех — других друзей и родных. Вот поэтому я и молчу.

* * *

Тогда пришла десятая весна моей жизни. Глухие удары наполнили ночь. Еще недавно нас обжигал штормовой ветер. Воздух колол холодом речных льдинок. Сейчас потеплевший, по-весеннему терпкий, он врывался во все щели нашей хатенки. Гул разбудил меня. Я соскочила с теплой лежанки. Дядя Ваня смотрел в окно, попыхивая самокруткой с остатками самосада. Я сделала два шага, потянулась к зеленоватому треснувшему стеклу и столкнулась с дядей.

Мы были с ним почти одного роста. После железнодорожной аварии ему ампутировали ноги. Он положил мне на голову жесткую и ловкую руку деревенского сапожника и тихо спросил:

— Боишься, Лора?

— Еще нет.

— То бьют наши. И еще говорят, той ночью из-за Днепра кричали: «Потерпите, Красная Армия близко». Потерпеть — это не хитрость. А дадут ли? Нам с тобою, к примеру, из хаты — куда же? Пойдешь досыпать?

Я кивнула и еще раз прильнула к окну. В небе, на востоке, откуда шел гул, рассеянно, предутренне мигали звезды.

Утром гул смолк. Мы девчоночьей компанией отправились за дорогу. Давно не паханное поле звало нас еще слабыми, но уже пьянящими запахами молодой весны. Здесь мы искали съедобные травы. Сладковатые их корни служили нам единственным лакомством. Сами бледно-зеленые, мы склонялись над побегами трав. Я долго и тщательно очищала корешок, когда увидела тень. Потом большие сапоги в грязи. Широкие пыльные полы плаща-накидки. Автомат на груди. И, наконец, улыбающееся лицо огромного человека. Он перекинул автомат, наклонился ко мне, поднял и прижал к груди. И я блаженно давним, но незабытым жестом терлась щекой о его жесткий подбородок. Я понимала, это прекрасное мое прошлое вернулось.

— Вы красноармеец, дядя?

— Старшина, дочка.

— Нашей Красной Армии?

— Советской. Да говори, как хочешь. Свой.

Ну, вот он и поднял меня высоко-высоко над землей. И я увидела других своих. Затем нас угостили настоящим хлебом и сахаром. Затем солдаты пошли вперед. Короткая еще трава не могла стряхнуть грязь с их сапог. Но подул такой широкий, смелый, теплый ветер, что стало ясно: она скоро вырастет. И весенний воздух наполнился новым ароматом — Победы.

И мы бежали по селу и кричали: «Наши!»

В тот день я не знала, что разведчики спасли Николаевку от поджигателей. И не знала, что в сорок третьем убит под Сталинградом мой отец.

* * *

Утром я отправилась на тренировку. Последнюю перед опробованием.

Она особая. Перед ней ты уже волнуешься по-настоящему. Так на соревнованиях. Что же тогда делать на соревнованиях? Видимо, успокоиться. Если бы все пожелания осуществлялись!

Я шла и раздумывала обо всем этом. А мысль, что это моя последняя тренировка, вообще последняя, спряталась где-то глубоко. Она мне была совсем не нужна.

У зала стоял Николай Иванович и смотрел по сторонам. Я глянула на небо: и следа вчерашних облаков и туч не виднелось.

— Наверное, сегодня обойдемся без дождя,— сказал Кожин.

— Сегодня не так уж важно: будет не будет.

— Да, сегодня мы на месте. А как вчерашнее — Борисов не комментировал?

...Я хотела вспомнить лицо Борисова вчера поздним вечером. Но почему-то выплывала его удивленная улыбка, там, давно — на палубе «Грузии». Может быть, что таким в пятьдесят шестом он больше походил на мальчика, который гулял когда-то в довоенных Сокольниках.

— Нет, не комментировал, Николай Иванович.

— Да, да. А дождя действительно не будет. «Тучки небесные, вечные странники»!

И мы тоже бродим по свету. Вроде и надоело... А с другой стороны: кочевать, так с размахом. А? И к этому привыкаешь. Но бывает так: сегодня ты капитан дальнего плавания, а завтра каботажник. Вот и спрашиваешь. Собственно, попадешь в наши ряды, поймешь.

— Пойму? Может быть. Борисов о вас ни слова не сказал. Извините, мне пора.

— Да, да. Конечно. Я ведь так — мимоходом.

...Вот тренировка и кончается. Можно замыкать счет. Тренировкам на тысячи, комбинациям на десятки тысяч, элементам — чуть ли не на миллионы. Или десяткам травм, ушибов, сорванных мозолей. Или...

Но каждая наша тренировка — это наши надежды. И теперь это надежды целой команды, в которой я просто одна шестая. Вот она, команда.

И я посмотрела по сторонам.

Розовая и веселая Оля Харлова. И я повеселела. Обрадовалась тому, что она смотрит так уверенно. И не боится трудной роли: начинать в команде. И где? На бревне. В этом упражнении в секунду все можешь потерять. А она не боится. Молодец.

У окна стоит Соня Муратова. И, как подобает тренеру, строго разговаривает с Лорой Петрик.

— Ведь ты же год учила переворот боком с поворотом на двести семьдесят! Год!

Лариска по-птичьи приоткрыла рот от волнения. Веснушки ее полыхают. Я знаю: она думает о своем. Она очень хочет победить. А в этом тоже нужна мера. А то получается что-то вроде переточенного оружия. Оно опасно не противнику, а самому себе. Да, ей будет нелегко.

А вот Зине Дружининой не надо делать ни малейших усилий, чтобы расслабиться. Без всяких таинств психорегулирующей тренировки она отдыхает на скамеечке безмятежно. Она меньше всего думает об опробовании и соревнованиях. Придет время, и она ими займется. Зина перехватила мой взгляд и слегка повела плечами. Спокойствие в каждом жесте. Да, она выдержит. Раньше я бы обязательно позавидовала ей потихонечку. Такая зависть разрешается.

Я повернулась к брусьям и увидела последний соскок Лины Астаховой. «Оборот назад на

верхней жерди в упоре и срыв ноги врозь через нижнюю жердь».

В шестьдесят четвертом после этого соскока осталось только получить золотую медаль. Всего два года назад... Уже два года назад.

А рядом стоит Наташка. Наша замыкающая. Стало быть, лидер. Она что-то спросила у Лины и улыбается ее словам. А может быть, музыке, которая несется из соседнего зала. Я подумала: если бы там играли что-нибудь подходящее, например, «Джульетту-девочку» Прокофьева, она бы начала танцевать.

Но когда я подошла к Наташке, оказалось, что улыбка у нее растерянная-растерянная. И в этом не было ничего странного. И еще я посмотрела на ее худые ключицы и подумала, что она неважно загорела. Хорошо, что она не придает этому никакого значения.

И плохо, что мы об этом вовремя не позаботились. Но сейчас и это уже не имеет большого значения.

— Как-то не по себе,— тихо призналась она.— Все-таки, наверное, рано ставить меня последней. У меня такое чувство, будто все ошиблись. Но Софья Ивановна говорит: «Нашла когда сомневаться».

Я спросила Полину Григорьевну. А она сделала этот соскок и спрашивает: «Хорошо?» Я говорю: «Очень хорошо». А она: «У тебя гораздо лучше получится».

— Да. Они правы. Конечно, ты очень хорошо готова.

...Конечно. Вот они и наступают, соревнования. Один день. Перерыв. Еще один день. Два дня по два часа соревнований. Два раза по четыре упражнения — это уже минуты.

Таков один счет.

С ним ты подходишь к этим дням ожидания. Они еще — ничейная земля. И если ты не знаешь, какими они будут, где уж тебе предвидеть и «главное — завтра».

Я научилась вести за минуты до старта другой отсчет. Всем пережитым годам. Ведь ни один из них не бесследен. Все они с тобою. И главное, люди. Они-то и научили меня такому вот счету времени.

И уже нет ничейной земли. Она твоя. И ты сделаешь все, что можешь. Все.

Одна я не могу передать это искусство семнадцатилетней девочке. Но я могу твердо повторить ей:

— Ты очень хорошо готова. Очень.

И, если она поверила нам, трудное ее учение началось успешно.

* * *

...В молодости бывает так. Читаешь книгу, в которой герой через много лет попадает в город, где он немало пережил. И переживаешь вместе с ним вновь, а все же тебя не оставляет мысль: это литературный прием.

Потом убеждаешься: жизненные сюжеты не уступают сложностью замысловатым романам. А возвращение в город, который чем-то тебе запомнился, дело совсем уж нехитрое.

Где-то я слышала, что у древних бог Гермес считался не только покровителем торговли, но и путешествий и гимнастики. Конечно, это не связано с богом-совместителем, но гимнастам выпадает немало разных дорог.

И все же. И все же я волновалась, когда в мае семьдесят третьего года наша команда отправилась на показательные выступления в Дортмунд. Да. И мы жили в том же Вестфаллен-отеле. И выступали в том же самом Вестфаллен-халле. Выступала, впрочем, команда. А для меня соревнования и выступления так и кончились тогда — в Дортмунде. И тогда я проиграла. Конечно, повесть не отчет. Протоколы к ней не прилагаются. Но здесь-то ничего не стоит изменять. Проиграла. А Наташа выиграла тогда три золотые медали.

Прошло с тех пор почти семь лет. А в нынешнем спорте это очень большой срок. Вот я подошла к тому переходу зала, где обнимала Наташку после первой ее золотой медали. И еще раз подумала о том, что со временем бороться трудно.

Уже четыре года Наташи нет в команде. И вообще из команды, которая выступала в Дортмунде, не осталось в сборной ни одной гимнастки. А Лина и я — тренеры. И у нас хорошая команда. Отличная. И кое-кто добавляет: непобедимая. Мне же не хочется это слово повторять. Не по суеверию — по опыту. Об этом мне уже приходилось писать.

Команда же действительно очень хорошая. После недавней победы в Мюнхене наших девочек горячо принимают в самых разных странах.

Когда выступления транслируются, Оле Корбут и Люде Турищевой аплодируют десятки миллионов зрителей...

И надо думать о будущем этой команды. И невозможно забыть все, что было здесь, в Дортмунде, семь лет назад. Да, наверное, и не нужно.

...Я иду по выставке космической техники Советского Союза, расположенной неподалеку от знакомого Вестфаллен-парка. Много народу на выставке. И на концертах наших артистов. И на наших выступлениях. В Дортмунде проходят дни советской культуры.

Подхожу к тому месту, где Валерий Быковский раздает автографы, и сочувственно качаю головой.

— Постой со мною хоть минуту,— говорит он.— А то эта очередь еще часа на три, и я начинаю превращаться в экспонат.

Действительно, люди все подходят и подходят. И кто-то произносит у самого моего уха:

— Здравствуйте.

Это не такая уж редкость, даже в витринах универмага «Карлштадт» это слово написано метровыми русскими буквами.

Но голос знакомый. Это Гейнц Бюхнер. Такой же рыжий, как и раньше. И краснеет так же. Любит повторять: «о». Только теперь он, кажется, не старается выглядеть очень уж солидным. На нем не строгая пара, а коричневый вельветовый пиджак.

— Какая встреча, госпожа Латынина! Я очень рад. А, знаете ли, ведь я летом приезжал в Мюнхен. К сожалению, имел один лишь свободный день. Слишком мало, чтобы пробиться к вам. Но я видел, видел. Какой триумф! О, подлинный триумф!

— Много дел сейчас, Гейнц?

— Масса. Темп сверхурбанизма. И особенности. Ведь я шеф целого отдела. Знаете ли, русский язык так популярен. Правда, некоторые пришли к этой мысли только сейчас. Может быть, мы успеем выпить по чашечке кофе? Крепкого кофе?

— Сейчас нет. Через пять минут подойдет машина со студии.

— Вот видите. Телевидение заполнено русскими. Встреча в Бонне. Колоссально. Предложения господина Брежнева так впечатляют. Я чуть провожу вас. Я понимаю, вы окружены вниманием. На сегодняшний вечер продано десять тысяч билетов. Десять тысяч! А сколько заказано роз!

Он замолчал на секунду, разглядывая людей, окруживших Быковского, и продолжил:

— Я думаю, сейчас в Кельне за вами могли бы поехать только с целью получить автографы!

Теперь мы шли к выходу.

— Вы считаете, Гейнц, все изменилось радикально?

— Все? Мне кажется, я повзрослел. Наверное, не все. Но, знаете ли... Во время войны вот здесь, где мы стоим, был концентрационный лагерь. Так вот... сейчас один из его узников — директор этой выставки. Понимаете? В тот ваш приезд это было бы невозможно.

— Похоже, Гейнц, это разговор о политике?

— Похоже? О! Я помню, помню. Видите ли, госпожа Латынина, я считаю, что был прав. Не все в жизни политика. Но... Вы увидите господина Борисова?

— В Москве, наверное...

— Он-то любит категоричные ответы. Передайте ему: он прав. Ах, этот темп! Но, знаете, вечером я буду вам аплодировать!

...Поздно, поздно вечером я стою у просторного окна. Теперь мы живем в новом корпусе гостиницы. Но сад виден хорошо.

В мае трава здесь уже высокая. Может быть, потому, что в этом году очень теплая весна. Трава пахнет остро, остро, и знаешь: скоро начнется ночной дождь.

Но не хочется уходить. Ветер пробегает по саду. И трава колышется.

И на нее можно смотреть так же неотрывно, как на языки пламени.

И хорошо думать: там, в далеком лесу, завтра какая-нибудь девчонка опять будет смотреть на траву. Будет мечтать о будущем. И набираться сил.

Иван **РЯДЧЕНКО**

НАШ ФЛАГ

* * *

Амударьи тугая лента
и нефтеносная Тюмень,
кварталы нового Ташкента,
грузинских чайных склонов день,
и паруса на рижских яхтах,
клич белорусских журавлей,
и сонмы яблочных галактик
в садах Молдавии моей.
Мартенов жаркая картина,
разлив взволнованных хлебов —
и Украина, Украина,
как будто первая любовь.
И, несравнимые по силе,
как ни кричало б воронье,
леса безудержной России,
просторы вешние ее.
И всюду добрый запах дома —
в столице, в дальнем кишлаке,—
и все привычно, все знакомо,
как будто пальцы на руке.

* * *

Если вынете сердце из груди у меня —
не умру я, как смертный,
а снова воскресну.
Я давно не боюсь ни меча, ни огня,
я, как слово, навечно попавшее в песню.

Эту песню не сжечь на костре, как тетрадь.
Сколько пуль ни всади в нее —
пять или десять,—
невозможно ее навсегда расстрелять,
невозможно убить, невозможно повесить.

В этой песне слова моего языка.
Не желает казаться она быстротечной.
Вобрала сто наречий она,
как река
сто притоков вбирает,
чтоб сделаться вечной!

* * *

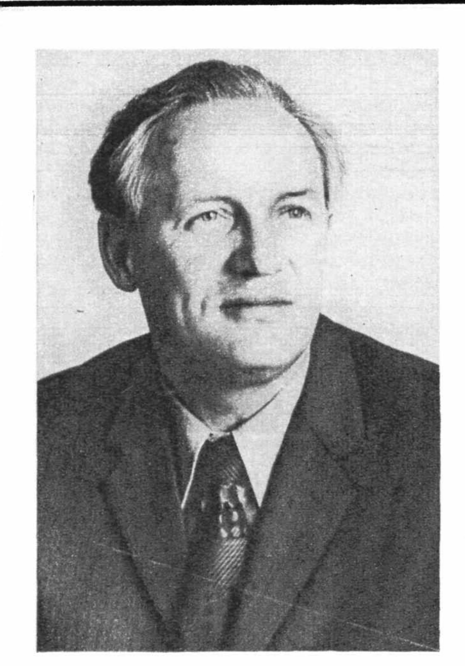
Пахнёт космическою стужей
размах сатурновых колец.
Но ты, Вселенная, послушай
биенье ста моих сердец.

Когда друзья повсюду рядом,
когда в ладони есть ладонь,
теряет пекло сходство с адом
и усмиряется огонь.

И мне покорны древесина,
металл и дальняя звезда.
И смерть уже не так всесильна,
как это числилось всегда.

Так дайте руки, побратимы!
Пусть в небе, словно красный птах,
летит и трепетно и зримо
соединительный наш флаг!

Одесса.



ДМИТРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ БОЛЬШОВ

Скоропостижно, в расцвете творческих сил скончался Дмитрий Григорьевич Большов, заместитель главного редактора журнала «Огонек». Перестало биться сердце журналиста, научного работника, страстного борца за идеалы Коммунистической партии. Трудно поверить, что нет больше среди нас Дмитрия Григорьевича, который завоевал общую любовь как темпераментный публицист, принципиальный, добрый человек.

Дмитрий Григорьевич Большов родился в Белоруссии в 1925 году. В восемнадцать лет, студентом Саратовского университета, он ушел на фронт, где сражался в действующей армии рядовым артиллеристом, а затем — командиром артвзвода. В послевоенные годы Дмитрия Григорьевича избирают на руководящие должности в комсомольских организациях Белоруссии. Он был секретарем Витебского обкома комсомола, секретарем ЦК ЛКСМ Белоруссии. В 1953 году Дмитрий Григорьевич стал членом редколлегии журнала «Молодой коммунист». В 1961 году окончил Академию общественных наук при ЦК КПСС, защитив кандидатскую диссертацию по философии. В течение семи лет был главным редактором газеты «Советская культура». С 1967 по 1970 год — заместителем генерального директора Центрального телевидения и директором творческого объединения «Экран», а в 1970—1972 годах — первым заместителем главного редактора журнала «Новый мир». Выступления Д. Г. Большова в печати органически сочетали теоретический подход к проблеме с живым откликом на нужды практики, с задачами коммунистического строительства.

В коллективе сотрудников «Огонька» Дмитрий Григорьевич Большов пользовался большим уважением как скромный, принципиальный человек большого душевного обаяния. Таким он и останется в нашей памяти.

ТЕАТР

«РОМЭН»: НОВЫЕ СПЕКТАКЛИ

Н. ЛЕЙКИН

Встреча с Пушкиным — событие в театральной жизни редкое. И не только потому, что создание образа великого русского поэта — дело чрезвычайной художнической ответственности. Тут надобна особая творческая смелость — и зрелость эстетическая и высокая театральная культура. Все это присутствует в новой работе театра «Ромэн» «Здравствуй, Пушкин!».

Авторы пьесы А. Гессен и И. Ром-Лебедев, постановщик С. Баркан, художник С. Бархин, композитор Шандор Каллош, балетмейстер М. Камалетдинов и весь актерский ансамбль во главе с исполнителем заглавной роли Б. Ташкентским подошли к сценическому воплощению пушкинской темы с большим вкусом и тактом. Все время ощущается, что театр говорит о чем-то необыкновенно дорогом и близком. В атмосфере этого спектакля, чуть торжественной, приподнятой, поэтичной, царит неостывающая любовь к Пушкину.

Естественно, что пушкинскую тему цыганский театр раскрывает своими художественными средствами; биография же поэта дает к этому все основания: в жизни и творчестве Александра Сергеевича, как известно, были памятные встречи с цыганами, с их искусством, которое Пушкин очень любил и ценил. На этом в основном построены и драматургия и спектакль. Страницы из жизни поэта рассказывают о пребывании Пушкина сперва в таборе бессарабских цыган под Кишиневом в 1821 году, потом в 1825 году в Тригорском, где он делится с Анной Керн замыслом «Цыган»; мы становимся участниками встреч поэта с цыганами в Грузинах и в доме Нащокина... Но это не иллюстративные эпизоды, театр хочет рассказать о Пушкине-художнике.

Тонко чувствуя прекрасное, поэт не мог не откликнуться на красоту цыганских песен и плясок; их истинно художественная стихия вызывала в сердце поэта живой отзвук. Поэтому-то с такой покоряющей легкостью, естественно включается он в цыганский хоровод у ночного степного костра или в прелестный, озорной танец цыганок, слушает цыганское пение... И нас, сидящих в зале, захватывают эти песни не только сами по себе — своей страстью, удалью или болью,— мы воспринимаем их вместе с Пушкиным, проникаемся его волнением, его чувствами.

В спектакле много интересных актерских работ. В таборных сценах: Земфира — Л. Боброва и Молодой цыган — Н. Сергиенко. В московских эпизодах — С. Тимофеева — Таня, Л. Иванова — Ольга Андреевна, О. Петрова — Матрена Сергеевна, Н. Золотарева — Любаша...

Но, конечно, центр притяжения здесь — Пушкин, сыгранный Б. Ташкентским. Мало сказать о внешнем сходстве, хотя и это очень существенно. Актер стремится — и успешно! — проникнуть в духовный мир героя, донести до нас его переживания, его творческие порывы.

Вклад театра «Ромэн» в сценическую пушкиниану знаменателен и в плане социальном. Пушкин писал о «дикой доле» современных ему цыган. Ныне же их просвещенные потомки в братской семье свободных народов нашей страны на равных правах участвуют в создании новых ценностей социалистической культуры; самый факт обращения цыганского театра к пушкинской теме — ярчайшее тому свидетельство.

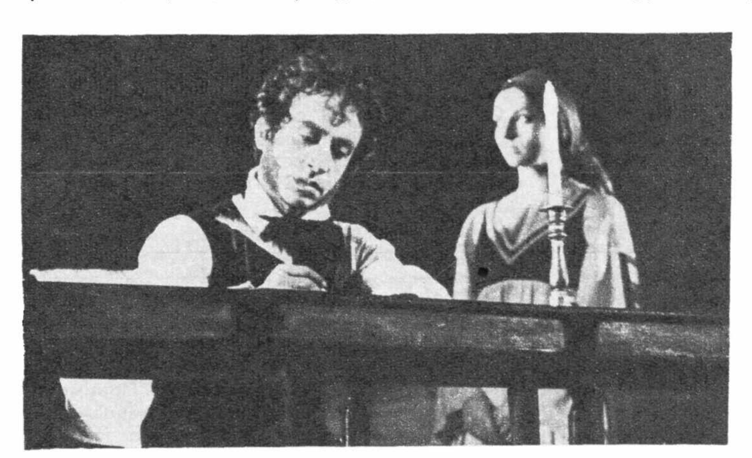
Да и не только пушкинская тема доказывает возросшие возможности театра. Для этого коллектива характерен всегда активный поиск своей художественной специфики в произведениях большой литературы. Вторая премьера театра «Ромэн», о которой пойдет речь, связана с творчеством Н. С. Лескова.

На основе одного из эпизодов повести «Очарованный странник» драматург И. Шток написал драму «Грушенька»; когда-то она уже шла в цыганском театре. Но сегодня перед нами не просто возобновление старой постановки. Создан совершенно новый спектакль; в качестве режиссера-постановщика дебютировал популярнейший артист Николай Сличенко. Он окрасил сценическое повествование о трагической судьбе молодой цыганки Грушеньки в тона тревожные и романтические; гордое, сильное чувство героини в спектакле поддержано глубоким сочувствием ко всем униженным и оскорбленным.

И динамичная пластика мизансцен, и насыщенная предгрозовым ожиданием недоброго музыка С. Бугачевского и В. Гроховского, и багрово-дымчатые оттенки декораций Э. Стенберга, и темпераментные танцы, поставленные И. Хрусталевым, подчеркивают эмоциональный строй постановки.

И до чего же хороша Соня Тимофеева в роли Грушеньки... Вот она с милым лукавством поддразнивает молодого цыгана Дмитрия (М. Иванов). Вот диковато, настороженно приглядывается к влюбленному князю (Е. Максименко)... Вот, повинуясь воле отца (С. Золотарев), царственно обносит шампанским подгулявших гостей и мимолетно награждает каждого поцелуем... Вот она поет и танцует, расставаясь с большой цыганской семьей перед уходом к князю, а потом мечется по княжескому дому в тоске и горе, когда узнает, что князь обманул ее и предал... Легче ей умереть, чем терпеть эту муку невыносимую...

До сих пор мы знали, как великолепно танцует и поет Соня Тимофеева; теперь мы знаем и незаурядный драматический талант актрисы.



Б. Ташкентский в роли Пушкина.

«Грушенька». В заглавной роли С. Тимофеева. Е. Максименко — князь.

Фото М. Строкова.

ПЕСНИ ГАЙДАРА

К своему семидесятилетию он пришел молодым, в солдатской шинели, которую так и не успел сменить на штатский костюм.

Не из прошлого вызван он волею нашей благодарной памяти. Он был рядом всегда. И после того, как в бою под Леплявой фашистская пуля остановила его сердце.

Его книги, говорящие на множестве языков планеты, пахнут свежей типографской краской. Написанные тридцать и сорок лет назад, они продолжают оставаться на переднем крае борьбы за наши идеалы, за человека завтрашнего дня.

Судьба не просто навечно зачислила Гайдара в действующий строй советской литературы для детей. Он и сегодня ее флагман, ее правофланговый.

Названия написанных о нем книг подчеркнуто просты: «Обыкновенная биография», «Невыдуманная жизнь», «Жизнь такая, как надо», «Аркадий Гайдар на Урале», «Аркадий Гайдар в Архангельске», «Гайдар на войне», «Партизанской тропой Гайдара»...

Будто авторы с первой заглавной фразы хотели сказать, что Гайдар не придуман, что он действительно жил, воевал, и жизнь его была обычной и вместе с тем именно такой, какой должна быть у каждого.

«Обыкновенной» назвал свою биографию сам Гайдар. Он не был бы Гайдаром, если бы вдруг стал говорить о своих заслугах перед литературой и перед Родиной.

Но мы обязаны это делать. Вот почему мне по душе, как назвал свой очерк Лев Кассиль: «Чудо» Гайдара».

«Чудо» он взял в кавычки, потому что мы знаем: чудес нет, всему есть свое объяснение. И все-таки чудо было, и оно сделало личность Гайдара легендарной.

В сущности, легенда не только опоэтизированный рассказ о том, что отдалилось во времени. Это как бы второе, неподвластное тлену бытие, когда личность продолжает реально участвовать в народной жизни независимо ни от чего.

История мирового искусства не знает, пожалуй, иного примера столь прямого и массового влияния литературы на жизнь, столь очевидного строительства жизни «по образу и подобию» литературы, какой явилась повесть «Тимур и его команда», родившая многомиллионное детское движение.

А не чудо ли, что, читая «Школу», «Дальние страны», «Военную тайну», «Судьбу барабанщика» — книги, пронизанные атмосферой 30-х годов с ее энтузиазмом, борьбой и тревожным предчувствием надвигающейся грозной битвы,— мы не столько погружаемся в прошлое, сколько думаем о настоящем и будущем!

Секрет гайдаровского «чуда» — в обостренном чувстве правды, в ощущении правды как тенденции, как движущей силы жизни. В самый канун войны, в январе 1941 года, на совещании в ЦК комсомола по военно-патриотическому воспитанию Гайдар, призывая «объяснить ребятам, как сделан винт или как устроен танк», не забывает добавить: «Но этого мало,— писатель должен объяснить ребятам некоторые слова: «честь», «знамя», «смелость», «правда»...»

Он думал о человеке, в чье сознание понятия воинской этики входили бы неразрывно с понятиями этики гражданской. О человеке, который, даже стреляя по врагу, остается Человеком в самом высоком значении этого слова.

Во всех книгах Гайдара идейное и нравственное, классово-пролетарское и общечеловеческое неизменно перекрещиваются, диалектически взаимопроникают.

Люди, близко знавшие Гайдара, рассказывают, как любил он песни. Песни звучат в каждом произведении Гайдара. Их поют ребята и взрослые. Иногда Гайдар только рассказывает о песне. Иногда приводит слова. Популярные, широко известные. Или те, которые сочинил сам. Смысл песен, независимо от того, когда и кем они написаны, всегда тесно связан с тем, о чем говорится в книге. По тому, *что* и *как* поют персонажи Гайдара, мы можем судить об этих людях — добрые они или злые, друзья нам или враги.

В «Судьбе барабанщика» Сережа просит отца, участника гражданской войны, петь ему солдатские песни. А отец поет дореволюционные романсы, то «Горные вершины», то «Жаворонка». «Это не солдатская песня!» — спорит сын. Но отец не соглашается. И сын понимает его. «Я знаю,— говорит Сережа,— что нет для него ничего святей знамен Красной Армии, и поэтому все, что ни есть на свете хорошего, это у него — солдатское».

В сценарии «Комендант снежной крепости» Женя напевает романс П. Булахова «Гори, гори, моя звезда». И при словах «Лишь ты одна, моя заветная, другой не будет никогда» неожиданно протягивает руку к... пятиконечной тимуровской звезде, нарисованной на воротах крепости. Так старые, привычные слова наполняются новым и значительным смыслом.

Мы знаем: за светлое царство социализма Гайдар ушел сражаться тринадцатилетним мальчишкой. С детства учился он видеть мир с последовательно классовой, большевистской точки зрения. Трудно назвать детского писателя, чье творчество было бы так открыто и органически партийно, как творчество Гайдара.

Слова «человек», «хороший человек» и «коммунист» в книгах Гайдара всегда синонимы, потому что писатель вкладывает в них очень точное содержание: любовь и доверие к людям, прямота, честность, стремление к справедливости, преданность друзьям.

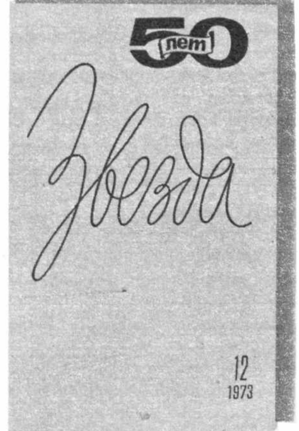
Не отсюда ли его неизменный дотошный интерес к внутренним сторонам жизни героя, к сложнейшим движениям его души, к тонкостям межличностных отношений, без урегулирования которых никакая человечность осуществиться не может? Не отсюда ли его постоянные размышления о счастье?

В повести «Чук и Гек» Гайдар писал о счастье «честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной».

Ради этой великой цели боролся, работал, творил и отдал жизнь Аркадий Гайдар.

Оттого он сам и песни его всегда с нами.

Игорь МОТЯШОВ



СВЕТ «ЗВЕЗДЫ»

В эти январские дни у всей советской литературы праздник: «Звезде», одному из старейших «толстых» литературно-художественных и общественно-политических журналов нашей страны, органу Союза писателей СССР, исполнилось 50 лет.

Ровно полвека назад в Петрограде вышел первый номер журнала «Звезда». Он открывался статьей В. И. Ленина «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». Статья вождя революции, подобно яркому снопу света, определяла идейное направление журнала, утверждала марксистское отношение к действительности.

Обращаясь к своим читателям, редакция писала: «Возобновляя вековую традицию толстых журналов в Петрограде после пятилетнего перерыва, вызванного эпохой революции и гражданской войны, «Звезда» ставит своей основной задачей служить делу марксистского воспитания новой, выдвинутой революцией, рабоче-крестьянской интеллигенции. Редакция прекрасно сознает всю трудность осуществления этой задачи в сложной обстановке наших дней,— тем не менее она уверенно рассчитывает, что в тесном контакте со своим читателем ей удастся найти правильный путь к ее разрешению».

Для такой уверенности у редакции были все основания. На страницах «Звезды» была опубликована третья книга М. Горького «Жизнь Клима Самгина»; здесь читатели впервые познакомились с эпическими произведениями Алексея Толстого, Константина Федина, Вячеслава Шишкова, Ольги Форш, сюда пришел «самотеком» «Сорок первый» Бориса Лавренева, отсюда начался путь в большую советскую литературу Алексея Чапыгина, Михаила Слонимского, Юрия Тынянова, Мариэтты Шагинян, Ивана Соколова-Микитова...

В годы Великой Отечественной войны, в горьких и суровых условиях блокады, когда не только бесценный хлеб, но и бумага доставлялась по «дороге жизни», «Звезда» была единственным «толстым» ленинградским журналом, который продолжал бесперебойно поступать к своим читателям. Свет «Звезды» согревал мужественных ленинградцев, «Звезда» помогала ковать победу на заводах и передовой. Именно в эти годы пришли к читателям «Ленинградские рассказы» и поэма «Киров с нами» Николая Тихонова, была опубликована глубоко лиричная и патриотическая поэма Александра Прокофьева «Россия», вошли в холодные и голодные квартиры ленинградцев стихи Ольги Берггольц и Веры Инбер, набатом прозвучали публицистические статьи Всеволода Вишневского, Вячеслава Шишкова, Виссариона Саянова...

Путь «Звезды» не всегда был ровным, но партийная критика помогла журналу вернуться к лучшим своим традициям, утверждающим и развивающим творческие принципы социалистического реализма. На страницах «Звезды» появляются произведения, вошедшие в золотой фонд советской литературы: «Журбины» Всеволода Кочетова, «Любовь на рассвете» Ярослава Галана, «К новому берегу» Вилиса Лациса...

Установив тесные связи с братскими национальными литературами народов СССР, «Звезда» продолжала укреплять и свои международные связи, оставаться верной одной из давних своих традиций, заложенных еще публикацией статьи Клары Цеткин «Искусство и пролетариат».

В напечатанном на днях Обращении Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу говорится: «Центральный Комитет КПСС выражает уверенность, что наша советская интеллигенция будет с еще большей энергией, настойчивостью развивать науку, технику и культуру, добиваться повышения эффективности научных работ, скорейшего внедрения в народное хозяйство важнейших научно-технических достижений, создавать духовные ценности, обогащающие жизнь советских людей».

Журнал «Звезда», уже в первом своем номере провозгласивший «своей основной задачей служить делу марксистского воспитания новой, выдвинутой революцией, рабоче-крестьянской интеллигенции», приобщивший за полувековую историю к немалым духовным ценностям не одно поколение советских людей, сделает еще очень много на пути нашего общества к намеченной цели. «А цели,— как сказано в Обращении Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу,— у нас благородные и гуманные — процветание Родины, благополучие и счастье всех советских людей».

Вл. МЕЖЕНКОВ

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЮСТАСА ПАЛЕЦКИСА

НАШ ЮСТАС

Спросите сегодня у любого человека в Советской Литве: кто в республике всех популярнее? И спрошенный ответит: «Наш Юстас». И лицо сразу расцветет светлой улыбкой, полной самых добрых пожеланий.

Такая популярность, давно перешагнувшая границы республики, распространившаяся по всей Советской стране и за рубежом, не родилась сама собой. От избушки сельского кузнеца до ответственных обязанностей в столичных кремлевских палатах, от среды малограмотных и просто безграмотных людей до высокого поприща журналистики и художественной литературы — всем пройденным жизненным путем Юстас Палецкис заслужил признательность и любовь трудящихся.

Перебравшись вместе с родителями в Ригу, он с юных лет был типографским рабочим, кладовщиком, плотником, рабочим на железной дороге, писарем, учителем, вместе с тем активно участвуя в деятельности прогрессивных организаций, в хорах, драматических кружках да еще находя время и силы, чтоб учиться. Как и многие представители рабочей молодежи тех лет, знания приобретал самостоятельно, посвящая этому короткий досуг и даже ночные часы.

Импульсом к литературному творчеству послужили для Юстаса Палецкиса раскаты грома Великого Октября. Рождается его первое стихотворение, посвященное родине, трудовому народу. С тех пор Юстас Палецкис не выпускал из рук пера и крепко держит его по сей день. Стихотворения, репортажи, корреспонденции из рабочей жизни, художественные очерки, публицистические статьи, зарисовки, снова стихи... Еще никто, включая самого юбиляра, не подсчитал всех его печатных работ, обильно посеянных в прогрессивной периодике, а позже — в советской и зарубежной прессе. Только книг опубликовано свыше тридцати. В том числе пять стихотворных сборников, рассказы и повести, книга о войне 1914—1918 годов, воспоминания о буржуазном господстве в Литве «Шаги в песке» и многое другое.

Самая характерная черта как публицистики, так и художественных произведений Юстаса Палецкиса — их актуальность. Совесть коммуниста и гражданина побуждала его откликаться на злободневнейшие вопросы, поднимать голос протеста против эксплуатации трудящихся в капиталистической Литве и за границей, против нараставшей в те времена угрозы фашизма, против поджигателей войны, за демократию, гуманизм и социализм.

Юстас Палецкис издавал прогрессивный иллюстрированный журнал «Лайко жодис» («Слово времени»), вел руководящую работу в прогрессивном Союзе молодежи, редактировал передовой молодежный журнал «Мусу жунимас» («Наша молодежь»), сотрудничал в нелегальных газетах антифашистского направления «Антифашист», «Народный фронт», «За права народа».

С 1931 года еще больше крепнут связи Юстаса Палецкиса с коммунистами, действовавшими в глубоком подполье. Он активно поддерживает литовскую организацию помощи рабочим (МОПР), входит в правление литовского общества по ознакомлению с культурой народов СССР, а затем избирается вице-председателем того же общества. В 1933 году посещает СССР, вернувшись оттуда, с большим энтузиазмом делится с трудящимися своими впечатлениями, публикует отдельную книгу о своей поездке «СССР — нашими глазами». Наконец, в 1940 году вступает в ряды Коммунистической партии.

Фашистские правители Литвы не раз арестовывали Юстаса и бросали в тюрьмы, выслали его в Латвию, откуда месяц спустя Ю. Палецкиса вернула в Литву латвийская полиция. Он был вынужден жить под полицейским надзором в Ионишкском и Кедайнском уездах, его работа в печати прервалась.

Когда в Литве рухнул буржуазный строй, Юстас Палецкис по рекомендации ЦК КП Литвы образовал Народное правительство, одновременно выполняя обязанности президента республики. В августе 1940 года он возглавил делегацию, которая вручила Верховному Совету СССР резолюцию Народного сейма Литвы с просьбой о приеме Литвы в Советский Союз. С того времени до 1967 года Юстас Палецкис — председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР, член Бюро, затем Президиума ЦК КП Литвы, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР, потом — председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР... Однако и на высоких постах он ни на день не забывает о своей писательской и журналистской деятельности, не прерывает творческого труда.

Юбиляр на протяжении ряда лет избирается членом и руководителем парламентских делегаций СССР. Трудно найти сегодня другого человека в Литовской республике, да и во всем Советском Союзе, кто столько разъезжал бы по белу свету, как Юстас Палецкис.

И во всех этих поездках наряду с решением важных международных государственных проблем Юстас Палецкис всегда остается чутким наблюдателем среды, явлений, а прежде всего людей. Именно поэтому его путевые впечатления всегда так привлекают читателя — и старого и молодого.

Государственный деятель и писатель, принципиальный коммунист и борец за мир среди народов планеты, за победу идей свободы, демократии, гуманизма, пролетарского интернационализма в человеческом сознании, Юстас Палецкис встречает сегодня свой юбилей полным сил и энергии, творческих планов.

Пожелаем дорогому юбиляру столь же успешных трудов и в будущем, долгих, плодотворных и счастливых лет!

Ю. БАЛТУШИС,
народный писатель Литовской ССР

СЛЕД НА СНЕГУ

Л. КОРОБОВА

Степан услышал, как совсем рядом плачет девочка, и открыл глаза. Он привстал, но страшная боль мешала идти, и стало вдруг очень холодно. Девочка плакала и кого-то звала по-таджикски. «Кого бы она могла звать? — подумал Степан.— Ну да, конечно, маму». Он попробовал подняться, ухватившись обеими руками за сиденье, прополз по узкому салону к двери и только тут осознал: самолет потерпел аварию.

— Саша! — крикнул Степан, пытаясь приподнять тяжелое тело второго пилота.— Саша, очнись! — Девочка от этого крика заплакала сильнее. Превозмогая боль, он подковылял к ней и увидел большие черные глаза, разметавшиеся косы.

— Как тебя зовут? — спросил он, поняв, что в живых остались только они двое.

— Назирбиби,— тихо ответила она и попросила пить.

Где же взять воды? Степан подполз к разбитому окну, зачерпнул горсть снега, растопил в ладонях и напоил девочку. Назирбиби испуганно смотрела на летчика и показывала на его голову. Он провел рукой вокруг головы и увидел кровь. Степан нашел полотенце, обмотал им лоб. В разбитом самолете, маленьком «АН-2», которым управлял Степан Синкевич, они остались вдвоем, и, когда их найдут — неизвестно, все зависит от погоды... Степан восстановил в памяти этот последний рейс. Заснеженные хребты над Сагердаштом, легкая облачность и вдруг сразу помутневшее до черноты небо, сплошная пелена. Самолет теряет управление и врезается в скалу...

Степан закутал девочку в свою куртку, отыскал в кабине две лепешки и отломил кусок Назирбиби. В самолете было очень холодно, и Степан никак не мог согреться.

— Нас найдут,— успокаивал он девочку,— обязательно найдут. Ты потерпи...

Наступил второй день. В воздухе ни звука, за иллюминатором только белый снег. Ясные лунные ночи приносили надежду на завтрашний день, но наступало долгожданное утро, а вокруг было по-прежнему пасмурно и сумрачно. Летчик и девочка напряженно вслушивались, пытаясь уловить гул мотора, но единственным звуком на перевале было завывание ветра.

На третий день в горах посветлело, и до самого полудня стояла светлая, солнечная погода.

— Вот они, наконец! — вдруг закричал Степан, увидев приближающийся вертолет, и подполз к ракетнице. Но дать сигнал он так и не смог: опухшие пальцы были неподвижны. Степан застонал от боли и досады и вдруг весь сжался — звук вертолета стал удаляться. На горы снова обрушилась тишина.

— Они вернутся? — робко спросила девочка.

Синкевич молча кивнул и углубился в невеселые мысли. Почему вертолет улетел? Не нашел площадку? Мог бы спустить альпинистов... Нет, за ними должны вернуться сегодня же, пока нет облаков...

Но ни в этот день, ни в следующие вертолет не прилетал. Степан не знал, что к ним пытаются пробиться поисковые группы, но безрезультатно. Вертолет же улетел потому, что не получил разрешения на посадку: в Душанбе думали, что живых в самолете не осталось, и не решились рисковать экипажем.

Над перевалом бушевала пурга. Два человека в разбитом самолете замерзали и слабели от голода. Летчик собрал всю одежду, что смог найти в машине, и укрыл ею девочку. Ночами он оберегал ее сон, а сам не мог заснуть. Иногда, впадая в забытье, он видел себя маленьким, в сползающей на глаза шапке старшего брата, в ватном, сшитом руками матери полушубке. Вот они, пятеро мальчишек из Малой Кочермы, прижавшись друг к другу и отворачиваясь от вьюжного ветра, идут в школу — туда и обратно восемь километров.

Стоял такой же мороз, как сейчас на Памире, и так же мела поземка, только рядом был теплый родительский дом. Здесь же обжигающий холод металла и пугающая неизвестность. Воспоминания детства как бы окутывали Степана голубым нежным туманом, июньскими покосами и запахами сосны, ему так неистово захотелось жить, как никогда прежде.

Жить и летать — это было у него в крови. Еще мальчишкой мечтал он о небе, хотя рядом не было ни аэродрома, ни «живого» аэроплана,— деревенские ребятишки видели их здесь только на картинках... А потом Степан Синкевич закончил авиационное учи-

лище, и ему доверили летать над «Крышей мира», на одной из самых сложных трасс: Душанбе — Хорог. Пять лет пролетал он над Памиром без единого происшествия. Получал поощрения и благодарности, стал ударником коммунистического труда. Комсомольцы избрали его своим вожаком.

В отряде любили Синкевича — за летное мастерство, за доброту, за внимание к товарищам.

Памирская трасса, соединяющая районные центры — Ванч, Рушан, Калаи-Хумб, считается у летчиков не просто трудной, она давно стала эталоном мастерства и школой мужества. Летать приходится в глубоком, узком ущелье, когда самолет идет в тесном каменном коридоре. И погода здесь «с сюрпризами»: небо вроде ясное, и вдруг в один миг все затягивает облачной пеленой. Так было и в тот раз. «АН-2» вылетел из Калаи-Хумба по хорошей погоде...

В ярком свете луны мелькали убегающие барсы; Степан отпугивал их, стуча по металлической обшивке. Девочка засыпала, а он не смыкал глаз уже пятые сутки. Порой ему казалось, что все происходящее — это жуткий сон, который вот-вот должен кончиться.

Летчик уже не мог даже ползать, и теперь девочка подносила снег к его воспаленным губам. Хлеба она не просила — знала, последнюю лепешку съели вчера. У Назирбиби хватило сил оторвать от халата рукава и натянуть их на опухшие ноги летчика. Ей очень хотелось есть, она сказала об этом летчику и стала шарить по салону в поисках съестного. Степан подозвал ее и попытался расстегнуть пиджак. Это ему не удалось. Назирбиби стала помогать и вдруг закричала от радости — под пиджаком оказались два куска лепешки.

— Ешь,— ласково улыбнулся Степан.— Нам еще надо ждать, беречь силы...

— Откуда лепешка? — удивилась девчонка.

— Кушай, кушай,— устало проговорил летчик и отвернулся. И Назирбиби догадалась: он не ел свою долю, а откладывал для нее. Девочка разломила лепешку и стала совать Степану в рот. Он упорно отказывался, но она запихнула все-таки кусочек, и Степан начал медленно жевать.

...Вертолет прилетел на шестой день. Он долго кружил над ущельем, выбирая место для посадки. Командир экипажа Юрий Сачко, друг Синкевича, посадил машину на гребень склона и удерживал ее, не выключая двигателя,— одно колесо висело над пропастью.

— Живые есть? — послышалось Степану словно во сне.

— Есть,— прошептал он и потерял сознание.

...В душанбинской больнице несколько месяцев боролись за жизнь летчика Синкевича. Несколько операций. Трижды наступала клиническая смерть. Врачи сделали почти невероятное, но обмороженные ноги пришлось ампутировать.

...В высокогорный кишлак Калаи-Хумб, где живет Назирбиби, мы летели на вертолете, которым управлял Юрий Сачко. Над перевалом Сагердашт машина набрала высоту более четырех тысяч метров. Белые снега лежали под нами. Командир показал вниз:

— Смотрите, вон самолет Синкевича!

И мы увидели повисший на скалах маленький «АН-2»: серый крестик на ослепительно белом снегу.

С красивой, черноглазой Назирбиби мы встретились в кишлаке Рузвай, неподалеку от Калаи-Хумба. Она приехала погостить к родным.

Мы пили из яркого чайника зеленый чай и говорили о чем угодно, только не о катастрофе в горах.

— Кем же ты хочешь стать? — спросили мы у нее, хотя вопрос этот задавать было, пожалуй, рановато — девочка еще учится в шестом классе.

— Врачом,— ответила она уверенно.

— Почему именно врачом? — допытывались мы.— Ведь у вас в семье все учителя...

Назирбиби заволновалась, пальцы ее задрожали. И она удивленно сказала:

— Как же вы не понимаете? Я должна лечить летчика Синкевича.

За столом стало очень тихо, наверное, так же тихо, как там, в разбитом самолете.

...Мы покидали Калаи-Хумб, красивый и уютный поселок на берегу Пянджа. По дороге к аэропорту каждый из нас думал о судьбе летчика Синкевича, который скоро будет работать в одном из подмосковных аэропортов, о спасенной им Назирбиби, о жизни человеческой. О той самой жизни, где всегда есть место подвигу!

Фото Г. РОЗОВА.

ПОЛВЕКА В ЛИТЕРАТУРЕ

Семидесятилетие писателя Григория Ильича Мирошниченко совпало с важной датой в истории советской литературы — сорокалетием Первого съезда писателей. И эта связь имеет свой внутренний смысл: Григорий Ильич Мирошниченко в 1934 году по рекомендации Алексея Максимовича Горького стал членом Союза советских писателей и получил билет, подписанный его рукой.

...Гражданская война на Дону. Белогвардейские войска заняли важный железнодорожный узел — станцию Невинномысскую. 16-летний Григорий Мирошниченко в тылу у белых организует подпольный партизанский отряд. Вместе со взрослыми подростки вели борьбу с врагами: пускали под откос эшелоны, задерживали бронепоезда, ходили в разведку. Это будущие герои «Юнармии», книги, впервые опубликованной в 1932 году, переведенной на многие европейские языки, книги, о которой с похвалой отозвался знаменитый французский писатель Ромен Роллан.

В огне военных сражений формировался талант писателя. Г. И. Мирошниченко только в 1922 году вернулся с фронта гражданской войны.

Встреча с А. М. Горьким окончательно определила дальнейшую судьбу Г. И. Мирошниченко. Он заканчивает Комвуз и Военно-политическую академию имени В. И. Ленина, становится профессиональным писателем. Под руководством Горького Г. И. Мирошниченко работает над созданием «Истории фабрик и заводов», редактирует журнал «Литературный современник». В эти же годы Г. И. Мирошниченко пишет повесть «Именем революции», вышедшую из печати с предисловием В. Я. Шишкова.

В первые же дни Великой Отечественной войны Григорий Мирошниченко уходит на фронт. Он полковой комиссар и заместитель начальника оперативной группы писателей на Балтике. Работая в газете «Краснознаменный Балтийский флот», Г. И. Мирошниченко ведет большую пропагандистскую и литературную работу среди моряков.

В годы войны Г. И. Мирошниченко опубликовал более 500 рассказов на военно-патриотическую тему: «Стакан крови», «Пожар Лансхорна», «Жена моряка», «Белая береза», «Белая птица», «Встреча», «Пожар на миноносце», «Миноносец «Стремительный», «Ветер Балтики».

В 1942 году вышла из печати книга «Гвардии полковник Преображенский» — документальная повесть о полетах советских военно-морских летчиков на Берлин, Данциг, Кенигсберг, Штеттин.

Военно-патриотическая тема нашла отображение и в книге «Сыны прославленной России», в которой автор знакомит читателей с историей Советских Вооруженных Сил. На ее страницах отображены былые походы и сражения солдат, матросов, командиров и политработников, их бессмертные подвиги, совершенные на фронтах гражданской и Великой Отечественной войн.

В послевоенные годы Г. И. Мирошниченко приступил к созданию исторического романа «Азов». В 1948 году он публикует первый том романа, успех которого обозначился сразу же после выхода книги. Его тепло встретили читатели и критики. Во втором томе романа, над которым писатель работал одновременно с первым, описано «осадное сидение» донских казаков в крепости Азов. Героизм и стойкость защитников города сломили наступательный дух турецкой армии, оснащенной более высокой военной техникой, чем осажденные.

Большие художественные достоинства двухтомного романа «Азов» и «Осада Азова» принесли заслуженную славу Г. И. Мирошниченко, о чем свидетельствуют не только громадные тиражи издания этой книги, но и присвоение ее автору в 1967 году звания «Почетный гражданин города Азова».

Г. И. Мирошниченко исполнилось 70 лет. Почти полвека он отдал советской литературе. Писатель-коммунист, активный участник трех войн, которые вел советский народ, защищая свободу и независимость своей Родины, Г. И. Мирошниченко вошел в советскую литературу как большой и признанный мастер слова, чье перо служит высоким патриотическим целям.

Г. Н. МОИСЕЕВА,
доктор филологических наук

Георгий БЛЮМИН

ГАЙДАРОВСКИЙ ПАРК

Этот парк не похож на десятки других.
Этот парк белостволен и ясен.
Здесь, в аллеях берез,
каждый ствол — это стих
О Гайдаре, весне, Арзамасе.

Здесь стремительно плыли над ним облака
И закат озарялся пожаром.
Здесь и шашку держать
привыкала рука,
Здесь впервые назвался Гайдаром...

И в свеченье рассвета, среди тишины,
Нынче птичья слышна перепалка.
И шагает Гайдар с последней войны,
Мимо светлых берез с полустанка.

ПРЕМЬЕРА

ДОБРО ОСТАЕТСЯ

Юр. ЗУБКОВ, заслуженный деятель искусств РСФСР

Много лет ждал пьесу от своего земляка — известного советского прозаика Сергея Никитина — Владимирский областной театр драмы имени А. В. Луначарского.

По мотивам собственной повести «Золотая пчела» Никитин создал пьесу, которую назвал «Личная жизнь». Это — самостоятельное драматургическое произведение, хотя оно воспроизводит образы и события ранее написанной повести.

Кажется, герой пьесы, журналист Никита Крылов, нигде не вступает в открытую схватку со своим нравственным антиподом Павлом Канунниковым, только казнит его презрением да насмешкой. Бой против Канунникова ведет Крылов-младший, будущий матрос, и не только словесный бой, но даже еще и физический,— вступаясь за честь отца, дает Канунникову пощечину... И все же Крылов-старший меньше всего похож на тех непротивленцев злу, которых иные авторы, полагающие, видимо, острую схватку добра со злом суетой сует, в которой-де и погрязнуть легко, самим запачкаться, выдают нынче за истинных героев современности.

Всей своей жизнью, всем строем чувств и образом мышления, всеми делами своими Крылов отвергает Канунникова — такого, какой он есть. А Канунниковым движут зависть и озлобление. В данный момент Крылову, быть может, и нет нужды драться с Канунниковым. Но всей логикой движения характера Крылова автор убеждает в том, что, коли возникла бы такая необходимость, Крылов-старший вступил бы в бой немедленно. Справедливость и добро — это не ремесло его, а призвание, пожизненное нравственное кредо. И вся жизнь героя есть непрерывный бой со злом и равнодушием.

Написанная в бытовой манере, глубоко психологическая пьеса «Личная жизнь» содержит одновременно и серьезные философские обобщения. Крылов и Канунников — олицетворение полярного отношения к людям, к действительности. И Канунников не выдерживает. Догадываясь о бессмысленности своего существования, лишенного и радости и перспективы, он кричит Крылову, что не может жить в одном с ним доме, дышать тем же воздухом!.. Он бежит прочь отсюда...

Крылов же смеется в ответ на паническое смятение недруга. Не потому, что рад от него избавиться (других, мол, пусть теперь мучает), а потому, что знает: нигде среди нас не будет хорошо Пашке Канунникову! Враждебна ему сама атмосфера социалистического общежития. Но и Канунников не так-то прост! Напоследок он просит Крылова: отдай, мол, мне малыша — приемного сына... Просит, пытаясь разжалобить Крылова горьким своим одиночеством, нежным отношением своим к ребенку. Просит, надеясь вырастить из мальчика нечто подобное самому себе!.. Но не был бы Крылов Крыловым, если б не разгадал он мотивов этой просьбы, откликнулся на нее...

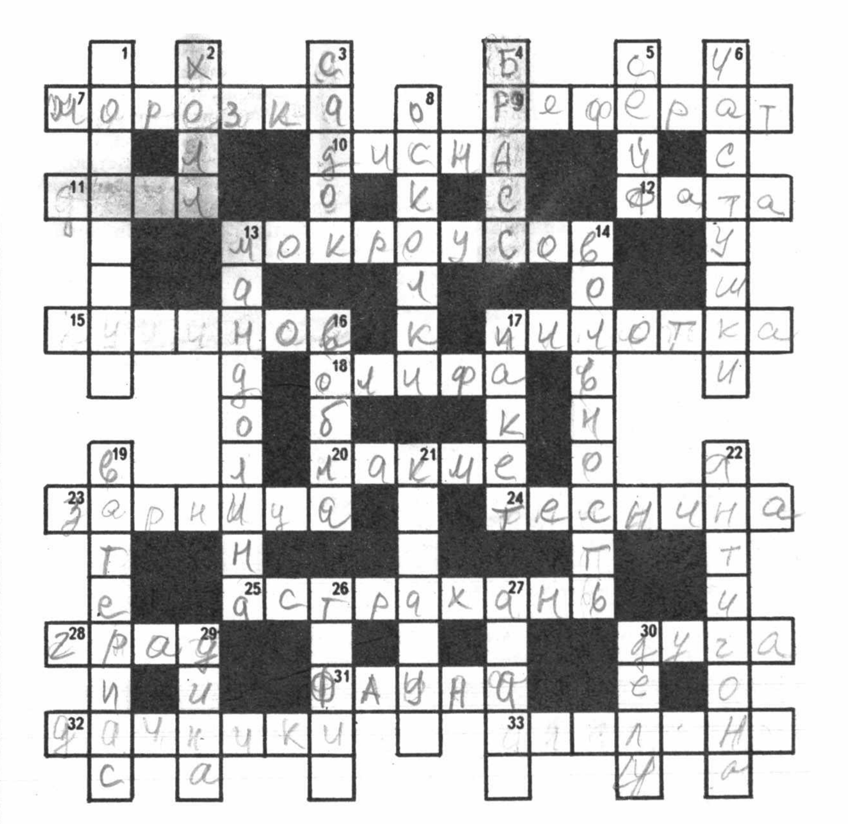
Автор населил свою пьесу добрыми людьми. Кроме Канунникова, только еще красавица Надя, молоденькая продавщица, живет циническим расчетом и корыстью. Все же остальные герои, включая и Елизавету Петровну, мать Нади,— единомышленники, духовные друзья Крыловых.

Заслуга владимирского коллектива более всего в том, что он приобщил талантливого прозаика к театру, к драматургии, открыл новую пьесу. Это и много и... мало, поскольку режиссер спектакля Г. Пушкарев не сумел достаточно полно и глубоко раскрыть философский план пьесы, пронизать постановку единой содержательной мыслью, создать актерский ансамбль. Именно поэтому и исполнение ролей оказалось неровным. Яркая игра таких актеров, как И. Туйметов, недавно удостоенный звания народного артиста РСФСР, в роли Канунникова, Л. Кулебакин (Крылов-младший), Б. Соломонов (Старый актер), И. Компаниец (Карасев), А. Штынова (Елизавета Петровна), правдива, психологически насыщенна, точна. К сожалению, страдает декламационностью исполнение С. Юматовым важной роли Никиты Крылова; с мелодраматическим надрывом играет О. Денисова роль Людмилы.

Особо хочется отметить, что И. Туйметов не только талантливо сыграл Канунникова, но и верно понял атмосферу пьесы в целом. Он удачно оформил спектакль — светло, празднично, поэтично... И все это радует... Но как же горько сознавать, что первая же пьеса Сергея Никитина стала и последней. Совсем недавно скоропостижная смерть оборвала жизнь писателя. Долг Владимирского театра и тех, кому дороги интересы искусства, сделать все, чтобы пьеса — пока еще «местная» — стала бы пьесой повсеместной!

«Личная жизнь» вполне может быть отнесена к произведениям настоящей драматургии; она пронизана духом борьбы, духом утверждения нашего советского образа жизни... Земля горит под ногами Канунникова. Добро побеждает. Добро остается. Добро живет. И делает людей духовно богаче, справедливее, чище...

А. Штынова в роли Елизаветы Петровны и Л. Кулебакин — Крылов-младший.
Фото И. Шлугер.



КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Персонаж романа А. Фадеева «Разгром». 9. Краткое изложение научной работы. 10. Приток Западной Двины. 11. Французский писатель XIX века. 12. Свадебный головной убор невесты. 13. Советский композитор. 15. Русский математик и механик. 17. Форменный головной убор. 18. Масло, применяемое для производства красок, лаков. 20. Опера Л. Делиба. 23. Отблеск далекой грозы. 24. Узкая глубокая долина. 25. Областной центр в РСФСР. 28. Атмосферные осадки. 30. Часть окружности. 31. Животный мир. 32. Пьеса М. Горького. 33. Вечнозеленое плодовое дерево.

По вертикали: 1. Комедия И. С. Тургенева. 2. Помещение в театре, кино. 3. Ловушка для птиц или зверей. 4. Стиль плавания. 5. Несгораемый шкаф. 6. Жанр народно-поэтического творчества. 8. Юмористический журнал, в котором сотрудничал А. П. Чехов. 13. Музыкальный инструмент. 14. Ода А. С. Пушкина. 16. Рыба семейства карповых. 17. Конверт с письмом официального содержания. 19. Прибор для проверки горизонтальных плоскостей. 21. Река в Новосибирской области. 22. Трагедия Софокла. 26. Спутник планеты Сатурн. 27. Вулкан на острове Хонсю. 29. Единица силы. 30. Столица Индии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали: 4. Градобоев. 7. Литке. 8. Осоед. 10. Терем. 12. Ясень. 13. Драма. 15. Сталактит. 19. Мериме. 20. Ртуть. 21. Мимоза. 22. Дидактика. 26. Анонс. 28. Левша. 29. Лилль. 30. Штиль. 31. Юнона. 32. Анималист.

По вертикали: 1. Пробирка. 2. Гашетка. 3. Доломит. 5. Линь. 6. Рейд. 9. Генератор. 11. Палеозавр. 12. Яломица. 14. «Ариадна». 15. Стенд. 16. Литва. 17. Катет. 18. Тумба. 23. Дельвиг. 24. Кольраби. 25. Ильюшин. 27. «Соть». 28. Лань.

На первой странице обложки: Н. Андреев. Портрет В. И. Ленина.

На последней странице обложки: Здание Правительства Союза ССР в Кремле. Здесь жил и работал Владимир Ильич Ленин. Внизу: кабинет В. И. Ленина в Кремле.

Фото Дм. Бальтерманца.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление И. К. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 29/XII — 73 г. А 00709. Подп. к печ. 15/I — 74 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 195. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 1621.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ДЕБЮТ

В. ВАРЖАПЕТЯН

Кармен... Наверное, это не только образ, это идея. Идея любви, о которой вряд ли можно сказать, что она трагична. Ибо героиня даже с каким-то равнодушием встречает смерть, потому что ее жизнь и смерть не могут пересечься, потому что ее любовь неуничтожима. Она и правдива и фантастична, она и реальность и искусство.

Я слушаю Галину Борисову, новую исполнительницу заглавной партии в спектакле Большого театра, и чувствую, как в каждой музыкальной фразе вновь рождается Кармен, даря, казалось бы, знакомому образу свежесть и остроту, заставляя испытывать и счастье и боль одновременно. И все же счастье сильнее, настолько совершенна музыка, так материален, человечен голос певицы, словно излучающий и страсть, и трагизм, и мудрое бесстрашие. В тысячный раз погибает Кармен и в тысячный раз побеждает.

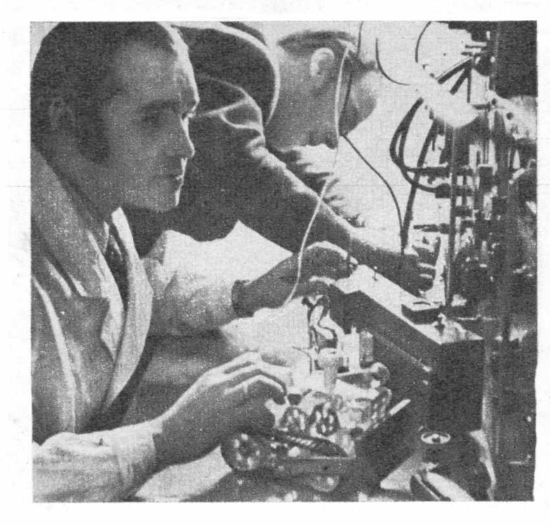
Как свеча в зеркалах, отражено ее пламя и во франтоватом Цуниге, и в тореадоре Эскамильо, и, с наибольшей силой, в Хозе. Прекрасные вокальные данные, искренность и благородство исполнения позволяют Зурабу Соткилаве создать образ большой внутренней силы. Наиболее яркие эпизоды партии Хозе — во втором акте, особенно его ария о цветке.

Первое же появление Кармен — Борисовой темпераментно и ярко. В черном кружевном фигаро и широкой юбке в огромных оранжево-желтых цветах, с черными распущенными волосами, сверкая серьгами, браслетами и дразнящей улыбкой, она сразу вносит в лениво-безмятежный мир площади что-то тревожное и грозовое. В ее хабанере вся Кармен: насмешливые слова текста, прихотливость вокальных реплик сразу намечают образ сложный, удивительный. Зритель запомнил прошлые работы певицы (Отрок в «Сказании о невидимом граде Китеже», Марфа в «Хованщине», Комиссар в «Оптимистической трагедии»), однако новая роль стала, пожалуй, самым трудным и самым счастливым испытанием для Галины Борисовой. Свободное владение вокальными, драматическими, хореографическими средствами — все это предопределило успех певицы. «Это было почти откровение, наша молодая певица с первого же разу полностью перевоплотилась в такую тонкую и оригинальную роль, как Кармен»,— писали в 1885 году о первой русской исполнительнице М. А. Славиной. Сегодня эти слова кажутся сказанными о Борисовой.

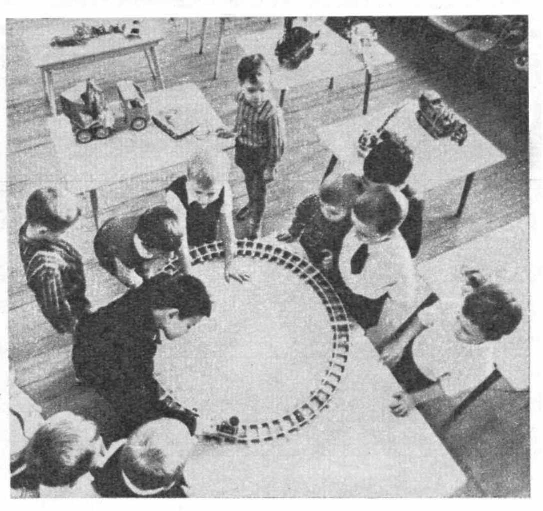
Но зритель видел не повторение пройденного, не отблеск былого, а новую Кармен и нового Хозе.

Г. Борисова — Кармен и З. Соткилава — Хозе.
Фото Е. Умнова.

В следующем номере «Огонек» начинает печатать четвертую, заключительную часть повести лауреата Государственной премии РСФСР Анатолия Калинина «Цыган».



Это — испытание на взрослом уровне. Старший инженер Борис Мучник и ведущий инженер Юрий Сидорин проверяют надежность схемы электрифицированной игрушки.



Дальше узкий круг испытателей начинает расширяться.

— А НУ, ПОСМОТРИМ...

О. ПЧЕЛКИН
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Как и юмор, игрушки — дело серьезное. Хотя бы потому, что во все времена и у всех народов в игрушечном мире отражается, повторяется, воспроизводит себя мир большой. По игрушкам можно определить не только эпоху, но и социальное устройство государства. Более того: иногда игрушки дают бесценную идею большому миру. Пример — обыкновенный волчок. Какой-то беспечный наш пращур, еще не ведая о вселенском вращении, ради потехи пустил крутиться веселого волчка, а позже его рациональные потомки превратили игрушку в гироскоп. Если сегодня вдруг изъять гироскоп из жизни, наша машинная цивилизация просто развалится.

Не боясь ошибиться, можно сказать, что первой на свете игрушкой была кукла. И по сей день куклы составляют самую большую часть игрушечного мира. Раньше их делали из тряпок. Знаток ремесел приват-доцент Петербургского университета Владимир Владимирович Лермантов, племянник поэта Лермонтова, меланхолически заметил, что даже у английской королевы Виктории все куклы были тряпичные,— что уж, мол, говорить о простых смертных! Теперь куклы рождаются в семье полимеров.

Но одной кукле очень скучно и неуютно без того неоглядного окружения, в котором она ныне живет. Через игрушку дети начинают познавать сложный мир взрослых, и ради того, чтобы познание было как можно более быстрым и полным, работают в нашей стране тысячи и тысячи увлеченных людей, существует Главное управление по производству игрушек в Министерстве легкой промышленности СССР, Институт игрушки в подмосковном городе Загорске, а под его началом — конструкторское бюро.

Долгий путь проходит каждая новая игрушка, прежде чем попадет в руки малышу. Конструкторы, инженеры, художники, педагоги, металлурги, текстильщики, химики, физики, врачи — люди множества профессий причастны к созданию великого сонма детских забав. Сколько у нас выпускается игрушек? Точно сказать невозможно, это не поддается учету: кроме игрушечных фабрик, выпускают игрушки как товар народного потребления еще 750 предприятий страны. Даже такой специалист, как заместитель начальника Главного управления по производству игрушек Виктор Васильевич Володин, может ответить лишь по частностям: скажем, кукол в прошедшем году выпущено 33 миллиона, электрифицированных игрушек — 24 с половиной миллиона и т. д. Но детям обо всех заботах игрушечных дел мастеров знать не обязательно, им важен результат.

...Яхты, рояли, комбайны, самолеты, домны, тракторы, башенные краны, экскаваторы, луноходы — разбегаются глазенки у ребят, переступающих порог магазина игрушек!

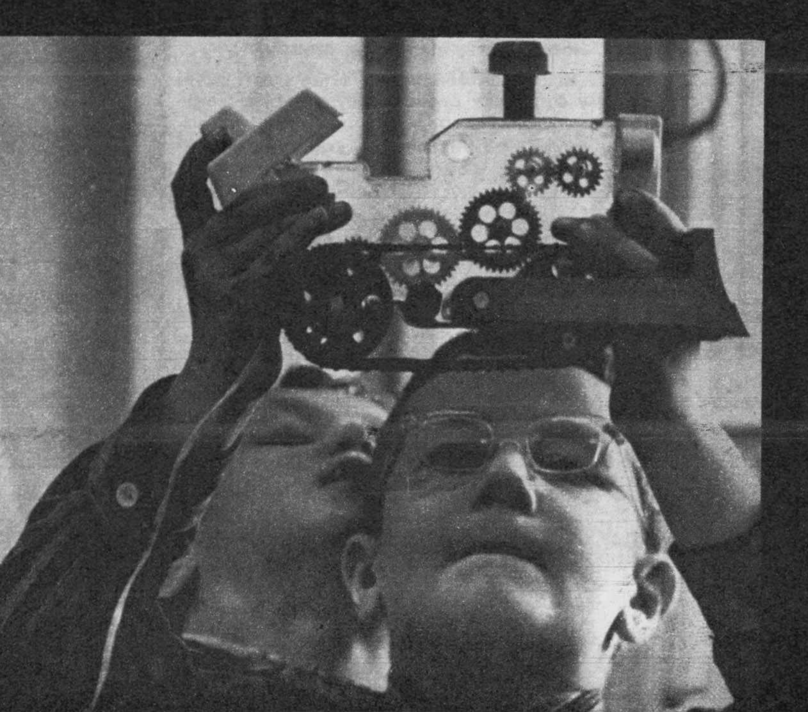
Однако неизбежно настает момент, когда даже самый неописуемый восторг проходит, и ребенку неудержимо хочется распотрошить игрушку, посмотреть, а что там внутри.

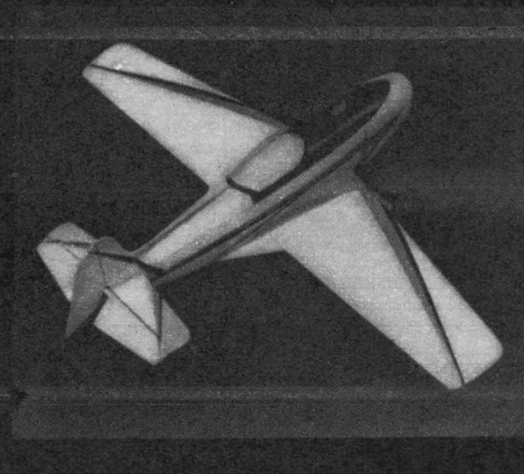
Бывает, что родители в таких случаях делают своему отпрыску строгое внушение, а между тем они должны радоваться: значит, у их ненаглядного развивается конструктивное мышление. Таким родителям хочется пожелать: не мешайте детям, пусть ломают, если им так хочется! Существует, правда, формула — «ломать не строить: душа не болит». Но в данном случае покушения на игрушку ведут ко благу.

Прежде чем настоящий самолет, автомобиль или луноход получают путевку в жизнь, они подвергаются длительным и дотошным испытаниям. У игрушечных самолетов, автомобилей, комбайнов, луноходов, самосвалов судьба еще труднее: они проходят испытания всю свою жизнь — их испытывают на прочность, на износ, а иногда даже пробуют на зуб.

Как это происходит, мы увидели в одном московском детском саду.

Прежде чем приступить к делу, полезно подумать. Интересно, на что способны эти машины!

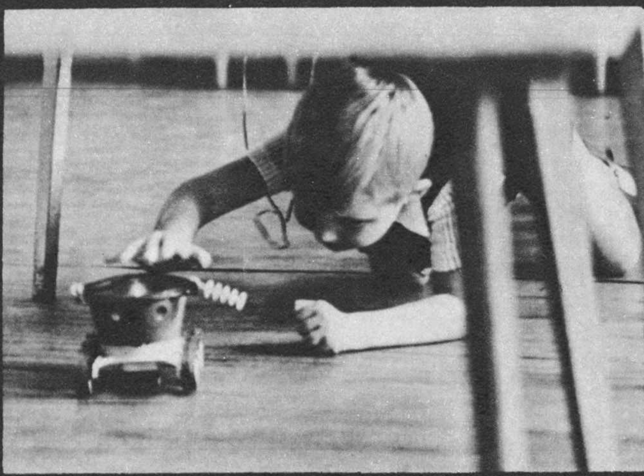




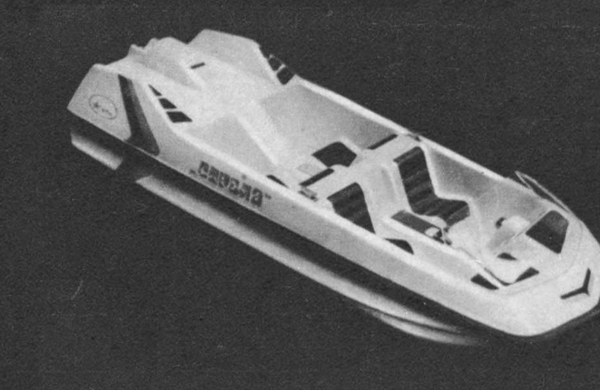
Испытание на прочность.

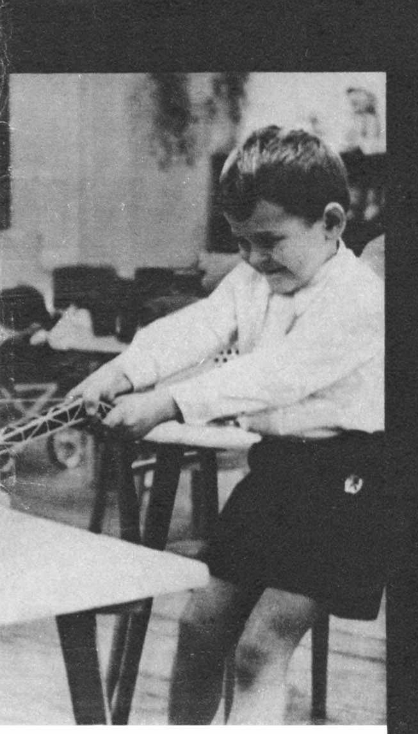
Когда испытывается музыкальный инструмент...

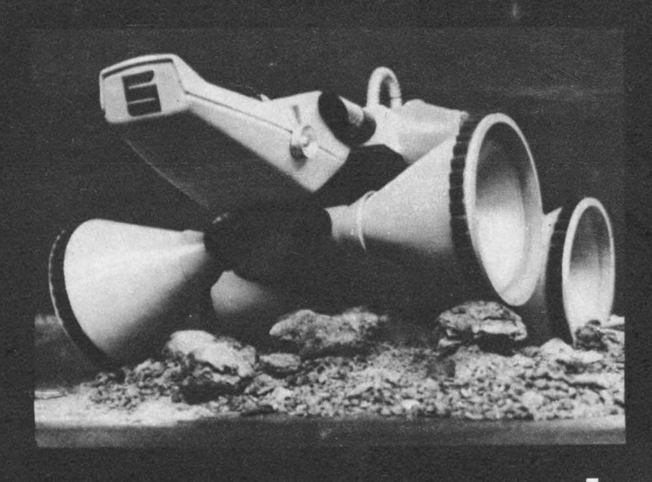
...переговорный аппарат можно проверить на звуконепроницаемость.



Луноходу приходится работать при повышенных нагрузках.







Три танкиста.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663